

СВЕТЛОСТЬ

Рассказы
старого садовника

А. Ф. ДВУРЦА

А. ХОЛМСОНЪ

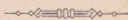
СРЕДИ ЦВѢТОВЪ

СРЕДИ ЦВѢТОВЪ.

РАЗСКАЗЫ СТАРАГО САДОВНИКА.

По премированному Французской Академіей сочиненію Эмиля Дебо:
«Le jardin de M-lle Jeanne»

ПЕРЕДЪЛАЛА

Анна Хвольсонъ.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ.

Первое изданіе этой книги допущено Ученымъ Комитетомъ Министерства
Народнаго Просвѣщенія въ ученическія библіотеки младшаго возраста
среднихъ учебныхъ заведеній.

Съ рисунками дю-Пати, Джакомелли, Е. Герунгъ и др.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Девріена.

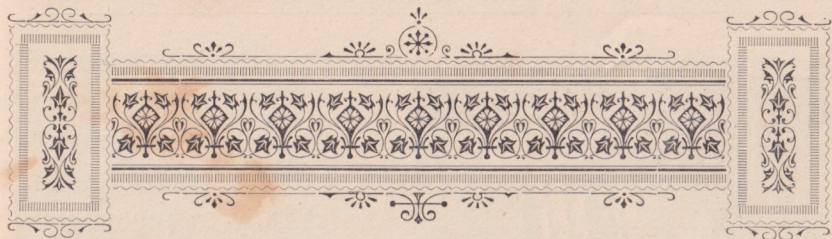

Оглавленіе.

	СТР.
Глава I. Приѣздъ.	1
« II. Новые господа	5
« III. Больной	7
« IV. Просьба	13
« V. Нютинъ садъ	17
« VI. Дождевой червякъ	20
« VII. Выздоровливающий.	27
« VIII. Жаба	31
« IX. Какъ питаются и дышатъ растенія.	36
« X. Изъ чего вырастаетъ растеніе.	42
« XI. Устройство цвѣтка.	46
« XII. Исторія розы.	52
« XIII. Щегленокъ и ласточка	58
« XIV. Жадность къ добру не ведетъ.	67
« XV. Гость	74
« XVI. Свѣтляки	78
« XVII. Нютинъ огородъ	85
« XVIII. Дыни.	92
« XIX. Злое растеніе.	97
« XX. Неожиданное нападеніе	102
« XXI. Пчелы	109
« XXII. Пасѣка.	117

	СТР.
Глава XXIII. Грибы	129
« XXIV. Дички и прививка	137
« XXV. Сонъ цвѣтовъ	142
« XXVI. Чувствительность цвѣтовъ	146
« XXVII. Какъ растенія путешествуютъ	152
« XXVIII. Материнская заботливость растений	158
« XXIX. Злаки	162
« XXX. Новые знакомцы	174
« XXXI. Муравейникъ	186
« XXXII. Муравьи и растенія	193
« XXXIII. Виноградъ поспѣлъ	199
« XXXIV. Оранжерея	207
« XXXV. Кувшинки	215
« XXXVI. Письмо	220
« XXXVII. Радостныя вѣсти	223

I.

Пріѣздъ.

Апрѣльское солнце согрѣвало мягкими, живительными лучами долины и горы Крымскаго полуострова.

Въ одномъ изъ живописнѣйшихъ уголковъ его, среди чудной растительности, находилась роскошная усадьба Имберовыхъ, которую они недавно купили.

Усадьба стояла въ роскошномъ саду, за которымъ тянулись безконечные виноградники.

Въ концѣ сада, утопая въ зелени, ютилась бѣлая хатка главнаго садовника.

Хатка такъ привѣтливо глядѣла изъ гущи каштановъ и сливъ, такъ ярко смотрѣли на солнышко ея начисто вымытыя окна, что, казалось, горе-забота никогда не заглядывала подъ ея уютный кровъ,—но это только казалось снаружи, внутри же ея было тихо и грустно. Старикъ садовникъ лежалъ больной и думалъ невеселую думу:

„Пріѣдутъ новые господа, куда дѣнусь съ Ванюшей? Кто станетъ держать меня, калѣку, съ шестилѣтнимъ ребенкомъ? И какъ трудно будетъ разстаться съ этимъ садомъ, гдѣ каждый кустикъ, каждое деревцо посажено мною...“

— Охъ-хо-хо! Горе мое, горе! — застоналъ старикъ и обратился къ внуку, сидящему на табуреткѣ предъ постелью:

— Сходи, Ваня, узнай пріѣхали ли!

Ванѣ давно надоѣло сидѣть смирно, онъ съ радостью вскочилъ и побѣжалъ черезъ паркъ къ господскому дому.

На дворѣ суетились люди, изъ экипажей вынимали сундуки и корзины.

Ваня притаился за большимъ дубомъ и сталъ смотрѣть, что дѣлается вокругъ; глазенки его съ любопытствомъ перебѣгали съ предмета на предметъ.

Ваня былъ большой любитель всякаго безпорядка, онъ бы съ удовольствіемъ потолкался между рабочими, пожалуй, помогъ бы таскать поклажу, но при всей живости своего характера онъ былъ большой трусъ и боялся выйти изъ своей засады, чтобы не попасть на глаза незнакомымъ людямъ.

Онъ долго стоялъ за деревомъ и вспомнилъ о по-

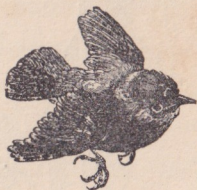

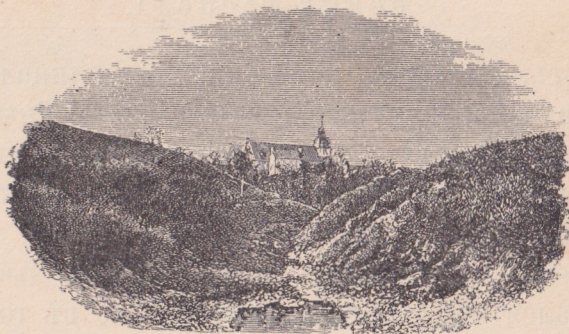
На дворъ суетились люди, изъ экипажей вынимали сундуки и корзины.

рученіи дѣда только тогда, когда въ домъ внесли послѣдній узелъ.

„Кого-то возьмутъ на наше мѣсто?“ подумалъ Ваня, направляясь домой, и жалко, до слезъ жалко стало ему покинуть садъ и чистенькую избушку въ концѣ аллеи, гдѣ онъ родился и выросъ, гдѣ умерли его родители и гдѣ онъ такъ мирно жилъ съ дѣдомъ.

— Зачѣмъ я не большой! Я бы занялъ дѣдушкино мѣсто, онъ бы отдохнулъ на старости и не надо было бы уходить отсюда! — прошепталъ Ваня, глядя съ тоской на розовые кусты, росшіе вокругъ ихъ жилья.

II.

Новые господа.

Новые господа, встревожившіе такъ садовника и мальчугана, пріѣхали изъ Петербурга.

Семья Имберовыхъ состояла изъ отца, матери и двухъ дочерей, старшей Вѣры и младшей девятилѣтней Нюты.

Вѣра была очень болѣзненная дѣвушка, она почти не вставала съ постели и большую часть своей жизни проводила въ комнатахъ; когда ей минуло шестнадцать лѣтъ, доктора посовѣтовали родителямъ ея поселиться съ нею на югѣ, гдѣ мягкій, теплый климатъ могъ ей помочь больше всѣхъ лекарствъ.

Имберовы купили славившееся по всему Крыму своимъ мѣстоположеніемъ имѣніе и переѣхали туда.

Съ ними же пріѣхалъ ихъ дядя Артемій Петровичъ, старый ученый, большой другъ обѣихъ сестеръ.

Пока въ домѣ устраивались, Нюта съ дядей обходили садъ.

Богатая южная растительность приводила дѣвочку въ неописанный восторгъ.

„Нѣтъ, ты только посмотри!“—воскликнула она поминутно, останавливаясь, то передъ стройнымъ кипарисомъ, то передъ тутовымъ деревомъ или гигантскимъ чинаромъ, то нагибаясь къ крупнымъ фіалкамъ или любуясь бутонами махровой розы.

Артемій Петровичъ, также какъ и племянница, восхищался окружающей природой, но въ то же время его поражалъ образцовый порядокъ, господствовавшій повсюду.

— Хорошо было бы, Нюточка, еслибъ старый садовникъ остался у насъ,—сказалъ онъ.

— Я слышалъ, онъ больше сорока лѣтъ жилъ у прежняго владѣльца имѣнія, почти все цвѣты и деревья въ этомъ паркѣ онъ самъ посадилъ и выходилъ.

— Отчего же ему не остаться?—замѣтила Нюта, любуясь рѣдкими растеніями.

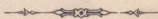
— Богъ его знаетъ, можетъ быть не захочетъ жить у новыхъ господъ; онъ даже не встрѣтилъ насъ, когда мы пріѣхали,—отвѣтилъ Артемій Петровичъ.

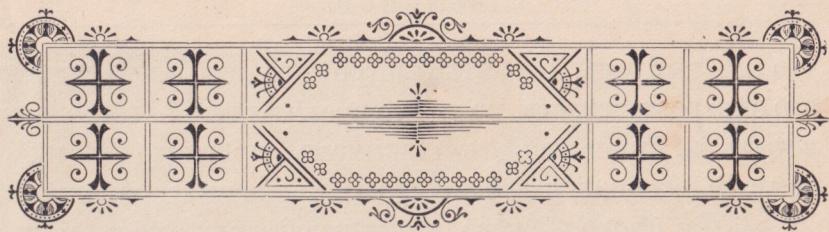
Дѣвочку нисколько не интересовало — останется или уйдетъ садовникъ, она вдыхала въ себя чистый горный воздухъ, глядѣла въ голубую даль, гдѣ высились окутанныя въ лиловую дымку горы, радовалась цвѣтамъ и зелени и была счастлива, какъ та маленькая птичка, которая весело чирикала на низко свѣсившейся кленовой вѣткѣ.

Переходя изъ аллеи въ аллею, они незамѣтно набрели на домикъ садовника.

Изъ окна выглянуло и быстро спряталось смуглое личико Вани.

— Не здѣсь ли живетъ старикъ?—сказалъ Артемій Петровичъ.—Зайдемъ, узнаемъ.

III.

Больной.

При входѣ господь, Ваня юркнулъ подъ дѣдову кровать и забился къ самой стѣнѣ.

Старикъ же, на сколько позволяли ему силы, приподнялъ изъ подушекъ голову и печально проговорилъ: „Извините, не могу васъ иначе встрѣтить, со мной нѣсколько дней тому назадъ случилось несчастье: въ то время, когда я подрѣзалъ вѣтви у яблони, я поскользнулся и упалъ съ лѣстницы, причѣмъ сломалъ себѣ ногу и руку. Докторъ говоритъ, что я черезъ нѣкоторое время встану... но безъ костыля не сумѣю ходить!“

Артемій Петровичъ подѣлъ къ старику и вскорѣ разговорился съ нимъ.

Пока дядя толковалъ съ садовникомъ, котораго звали Иоакимомъ, Нюта разсматривала чистенькую, опрятную комнатку. Нечаянно заглянула она подъ постель и чуть не расхохоталась: оттуда вдругъ высунулась Ванина голова. Дѣвочка поманила его рукой, но Ваня сдѣлалъ энергичное движеніе головой, показывая, что онъ ни за

что не выйдетъ, и опять быстро скрылся. Нюта хотѣла его еще разъ позвать, но въ это время Артемій Петровичъ всталъ и, прощаясь съ Іоакимомъ, просилъ его ни о чемъ не беспокоиться и только поскорѣе выздоравливать.

— Да, плохо, — сказалъ онъ за обѣдомъ брату и невѣсткѣ, — старикъ теперь не работникъ, за небольшимъ садомъ онъ могъ бы еще ходить. Бѣдняга не знаетъ,

что дѣлать... хочеть ѣхать къ себѣ на родину въ Австрію; а что онъ тамъ заработаетъ, — больной съ ребенкомъ - внукомъ на рукахъ! притомъ онъ такой гордый, я ему денегъ давалъ — не принимаетъ. „Спасибо, говорите, что позволяете у васъ лежать, пока не поправлюсь“.

— Жаль старика! — отвѣтилъ

Имберовъ, — я пожалуй не скоро найду такого; мнѣ говорили, что онъ ученый садовникъ, родомъ чехъ, гдѣ-то за границей окончилъ курсъ садоводства и отлично понимаетъ свое дѣло.

— Я завтра сама зайду къ нему, можетъ быть со

Извините, не могу васъ иначе встрѣтить...

мною онъ будетъ уступчивѣе, вѣдь ему должно быть самому больно оставлять это мѣсто, — сказала Ольга Дмитриевна, мать Нюты.

На другой день Нюта проснулась раньше всѣхъ, она тихонько одѣлась и вышла на балконъ. Въ воздухѣ пахло фіалками и сиренью. Первые солнечные лучи весело играли на влажной зелени сада и на поверхности неглубокой, но быстрой рѣчки, пересекающей садъ. Тяжелыя капли росы, искрясь и дробясь, покрывали траву и выглядывали изъ чашечекъ цвѣтовъ; птицы перекликались на всѣ лады, надъ цвѣточной клумбой порхали двѣ пестрыя бабочки; высоко, высоко въ синемъ небѣ чернѣлъ точкой одинокій орелъ.

Дѣвочка всей грудью вдыхала въ себя чистый утренній воздухъ.

— Ты уже встала! — раздался за нею голосъ Ольги Дмитриевны. Нюта быстро обернулась и бросилась къ матери.

— Ахъ, мамочка, какъ здѣсь хорошо! Совсѣмъ иначе, чѣмъ на нашей петербургской дачѣ, — проговорила она, цѣлуя мать.

— Тамъ, дѣвочка, сѣверъ, здѣсь — югъ; у насъ скоро зацвѣтутъ розы, а тамъ, я думаю, снѣгъ еще не совсѣмъ стаялъ, — отвѣтила мама.

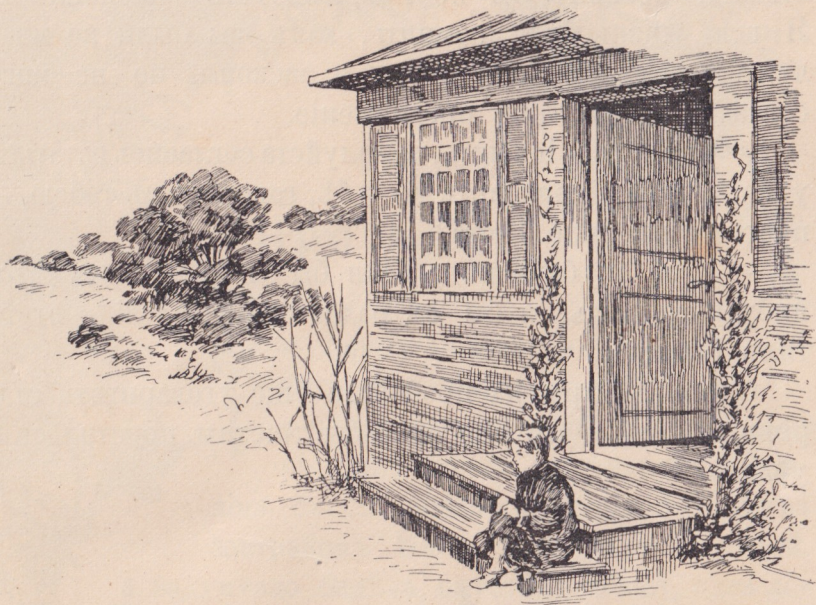
— Мамочка, ты въ шляпѣ и пальто; куда ты въ такую рань? — спросила Нюта, замѣтивъ только теперь костюмъ матери.

— Я хотѣла зайти къ садовнику, оттуда проѣхать на станцію справиться относительно нашего багажа; когда всѣ встанутъ, некогда будетъ.

— Возьми меня съ собою; я живо буду готова! — и, не дожидаясь отвѣта, Нюта стремглавъ побѣжала въ дѣт-

скую, чуть съ ногъ не сшибла старую няню Власьевну, залпомъ выпила стаканъ молока, наскоро одѣла пальто и шляпу и, застегиваясь на ходу, догнала мать у самаго домика Іоакима.

Несмотря на ранній часъ, Ваня давно уже всталъ, онъ сидѣлъ на крылечкѣ и съ аппетитомъ уплеталъ

В. С. Ткачевъ

большой кусокъ бѣлаго хлѣба съ масломъ. Въ комнаткѣ сутилась скотница Марѳа, смотрѣвшая за больнымъ и его хозяйствомъ съ тѣхъ поръ, какъ съ нимъ случилось несчастье.

Іоакимъ былъ тронутъ вниманіемъ и добротою Ольги Дмитріевны, но, несмотря на ея упрощиванья, наотрѣзъ отказался жить у нихъ изъ милости.

— Помилюйте, сударыня, я теперь калѣка и не могу

больше ходить за садомъ, какъ же я буду даромъ ѣсть у васъ хлѣбъ?—отвѣтилъ онъ ей.

— Вы никому не мѣшаете, живите попрежнему въ вашемъ домикѣ, мы будемъ очень рады этому,—сказала она.

— Не говорите мнѣ лучше объ этомъ, сударыня,—отвѣтилъ Іоакимъ,—я не привыкъ ѣсть чужой хлѣбъ! Я всю жизнь буду помнить, какъ вы были ко мнѣ, чужому вамъ старику, добры и ласковы, но не могу согласиться на ваше предложеніе.

— Согласись, Іоакимъ, пожалуйста согласишься остаться у насъ, я буду приходить къ тебѣ, говорить съ тобою,—проговорила тихо Нюта.

— Добрая барышня, если бы я могъ хоть что-нибудь работать, я бы съ радостью остался! —отвѣтилъ Іоакимъ.

Ольга Дмитріевна пробовала еще уговаривать старика, но видя, что всѣ просьбы тщетны, простилась и уѣхала.

IV.

Просьба.

Всю дорогу до станці и назадъ Нюта была разсѣяна и неразговорчива; Ольга Дмитріевна не могла понять, что вдругъ сдѣлалось съ ея веселой болтушкой. Даже за завтракомъ Нюта не шутила съ дядей, а задумчиво сидѣла, опустивъ голову, едва дотрагиваясь до ѣды.

Артемій Петровичъ, хорошо знавшій дѣвочку, сразу догадался, что она что-то обдумываетъ. Прошло нѣсколько дней, Нюта часто навѣдывалась въ бѣлый домикъ садовника и съ каждымъ разомъ все больше и больше привязывалась къ больному старику и къ Ванѣ. Ее теперь занимало только одно: она придумывала какое-нибудь занятіе для Іоакима, чтобы онъ согласился остаться у нихъ.

Долго Нюта не могла ничего придумать, то ей казалось слишком труднымъ, то слишкомъ легкимъ, наконецъ она нашла одно подходящее для него дѣло.

Дѣвочка была въ восторгѣ отъ своего плана, но не знала еще—согласится ли отецъ на ея просьбу.

Однажды Василій Ивановичъ, отецъ Нюты, сидѣлъ на террасѣ и читалъ газету. Нюта вертѣлась тутъ же, не зная, какъ приступить къ отцу со своей просьбой. Василій Ивановичъ замѣтилъ волненіе дочери, отложилъ газету и ласково подозвалъ ее къ себѣ.

— Тебѣ что, дѣвочка, нужно?

— Папа, ты доволенъ мною?—спросила она вмѣсто отвѣта.

— Отчего же? Ты у меня славная дѣвочка!

— Нѣтъ, папочка, ты отвѣчай прямо, да или нѣтъ?

— Пожалуй, что да!

— А ты мнѣ дашь то, что я попрошу у тебя?—спросила она опять.

— Если возможно!...

— Ахъ нѣтъ, папочка, скажи—да или нѣтъ?

— Пусть будетъ да!—засмѣялся Василій Ивановичъ.—Но чего ты желаешь?

— Папочка, милый,—сказала она, обнимая его своими пухлыми рученками, — будь такъ добръ, подари мнѣ садикъ, хоть маленькій, но чтобы онъ былъ только для меня...

— Не понимаю, у тебя одинъ изъ лучшихъ садовъ въ Крыму, все, что есть въ немъ, твое и Вѣрино, чего тебѣ еще, дѣвочка, надо?...

— Я бы желала имѣть собственный садикъ въ какомъ-нибудь уголку нашего парка и быть полной хозяйкой его, чтобы я могла устроить его по моему

личному желанію и распоряжаться въ немъ по-своему, какъ мнѣ будетъ угодно, даже огородить его изгородью, чтобы не думали, что онъ игрушечный...

— Странное у тебя желаніе, сказалъ отецъ.— Пожалуй, я тебѣ отведу садикъ. Теперь ты довольна?

— Не совсѣмъ, папочка! Ты не думай, что я прошу у тебя кукольный садикъ, я вѣдь прошу настоящій, величиной—ну, хоть съ нашъ дворъ...

— Но, милая, ты не сумѣешь управиться съ твоимъ садомъ; какъ бы малъ онъ ни былъ, все же онъ потребуетъ много работъ, которыя не по силамъ такой маленькой дѣвочкѣ, какъ ты. Его надо вспахать, засѣять, полоть, поливать и т. д.!

Нюта еще крѣпче обняла отца и, наклоняясь къ самому его уху, прошептала:

— Безъ садовника мнѣ нельзя обойтись.

— Вотъ оно что, дочурка! Что выдумала,— улыбнулся папа.— Нужно еще отдѣльнаго садовника для твоей затѣи! Но знаешь ли ты, моя маленькая глупышка, что такого не найдешь; если нанять простого мужика, то онъ ничего не сумѣетъ тебѣ устроить, а ученый садовникъ не пойдетъ на такое мѣсто.

— Я уже подыскала садовника.

— Ты?!

— Да, папочка, Іоакима!..—прошептала чуть слышно Нюта.

Василій Ивановичъ крѣпко обнялъ дочку; только теперь догадался онъ, зачѣмъ ей нуженъ садъ: добрая дѣвочка хотѣла найти для безпомощнаго старика легкую работу, чтобы онъ могъ жить со своимъ внукомъ не изъ милости.

—Хорошо, Нюточка, съ сегодняшняго дня Іоакимъ будетъ работать только въ твоёмъ садикѣ, который ты можешь устроить въ любомъ мѣстѣ,—сказаль отецъ, цѣлуя ее.

V.

Нютинъ садъ.

Нюта ушамъ своимъ не вѣрила,—неужели все сбылось, что она задумала! Поблагодаривъ отца, она побѣжала къ Іоакиму и съ важнымъ видомъ, чтобы старикъ не догадался, съ какой цѣлью она его приглашаетъ, принялась ему рассказывать, какъ она любитъ цвѣты, какъ бы она желала учиться подъ его руководствомъ садоводству и что для этого ей даже папа подарилъ садъ.

— Видишь, какое трудное дѣло для тебя нашлось, учить такую глупышку, какъ я!—закончила она весело свою рѣчь.

Старикъ съ радостью принялъ Нютино предложеніе.

— Для вашего сада, барышня, старый Іоакимъ достаточно силенъ: дайте мнѣ только встать съ постели, увидите, что мы съ вами соорудимъ.

— Награди васъ Богъ, милое дитя!—прибавилъ онъ со слезами на глазахъ, когда Нюта собралась уходить.

Сіяющая Нюта поспѣшила къ отцу, чтобы немедля выбрать мѣсто для будущаго сада.

Надъ рѣчкой, у самаго фруктоваго сада, лежалъ боль-

шой участокъ плодородной земли, который какъ нельзя болѣе подходилъ къ ея желаніямъ.

Василій Ивановичъ приказалъ двумъ рабочимъ обнести это мѣсто изгородью, вспахать на немъ землю и расчистить дорожки.

Отнынѣ это мѣсто будетъ называться *Нютинымъ садомъ*,—сказалъ ей папа.

— Нютинъ садъ, мой садъ, какъ мило звучать эти слова!—повторяла про себя счастливая и довольная Нюта. Она съ гордостью обходила свое владѣніе, оглядывала каждую травку, каждый кустикъ, раздумывала, гдѣ бы лучше разбить клумбы, гдѣ посадить деревья, на какомъ мѣстѣ устроить бесѣдку.

Углубленная въ свои думы, она не замѣтила, какъ приблизился дядя, который катилъ въ креслѣ больную Вѣру.

— Кто вамъ позволилъ безъ спросу придти сюда?—воскликнула Нюта, стараясь сдѣлать сердитое лицо, хотя голубые глазки смотрѣли ласково и привѣтливо.

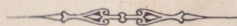
— Это еще что за дурачество?—спросила Вѣра.

— Совсѣмъ не дурачество; а вы теперь, господа, находитесь въ моемъ собственномъ саду, куда безъ позволенія никто не смѣетъ входить.

— Пожалуйста, разрѣшите намъ войти,—проговорилъ самымъ серьезнымъ образомъ Артемій Петровичъ. Вѣра еле удерживалась отъ хохота.

— Ахъ, пожалуйста! отвѣтила Нюта, — съ моего позволенія можно,—и она весело принялась разсказывать про свою затѣю.

Во весь этотъ день только и было разговору, что о новомъ садѣ, который непременно долженъ былъ затмить большой, старый.

Э. И. Тургенев.

.... Приблизился дядя, который катилъ въ креслѣ больную Вѣру

VI.

Дождевой червякъ.

Недѣли черезъ двѣ пустое мѣсто надъ рѣкой приняло совсѣмъ другой видъ: кругомъ него красовалась теперь зеленая изгородь, по указанію Нюты работники вспахали землю, сдѣлали куртины и грядки, дорожки усыпали краснымъ пескомъ и камушками.

Нюта терпѣливо дожидалась выздоровленія Іоакима, безъ котораго она ничего не хотѣла предпринять.

„Мой садикъ очень хорошъ, жаль, что въ немъ

еще нѣтъ цвѣтовъ“, думала она однажды, играя тамъ со своей куклой.

„Посадить развѣ на пустую грядку бѣлый розанъ, который стоитъ у меня на окошкѣ? Не дурно будетъ! Въ комнатахъ все равно много цвѣтовъ“.

Она побѣжала домой и черезъ минутку вернулась съ красивымъ розовымъ кустикомъ. Вынувъ его осторожно изъ горшка, она принялась своей лопаточкой рыть ямку, чтобы посадить въ нее растеніе.

Но лишь только она опустила туда корень растенія, какъ съ крикомъ вскочила на ноги.

Изъ ямки выползъ красновато-сѣрый, длинный дождевой червякъ. Нюта до смерти боялась всякихъ гадовъ и всегда съ отвращеніемъ убѣгала при видѣ гусеницъ или червяковъ; она и теперь обратилась въ бѣгство и понеслась по аллеѣ, точно за ней гнался непріятель.

— Куда ты?—спросилъ папа, идя ей на встрѣчу съ Ваней.

Нюта остановилась и, еле переводя духъ, воскликнула:

— Ахъ, папочка, не ходи туда—тамъ страшный червякъ.

Ваня въ два прыжка очутился у ямки.

— Нашла, кого бояться, дождевого червяка. Эка невидаль какая, развѣ онъ страшный?—только и годится на приманку для рыбъ,—сказалъ презрительно Ваня.

— Стыдись, Нюта, ты даже меньше Вани знаешь! Ну, что можетъ тебѣ сдѣлать безпомощный дождевой червякъ? Вѣдь онъ—не ядовитая змѣя,—обратился Василій Ивановичъ къ дѣвочкѣ.

Нютѣ въ самомъ дѣлѣ стало стыдно, въ особенности, когда Ваня взялъ червяка въ руки.

— Правда, что его также называютъ землянымъ червячкомъ? — спросила она, чтобы скрыть свое замѣшательство.

— Да, дѣвочка, это одно и то же, дождевой или земляной червякъ.

— А отчего онъ такъ крутится? — спросилъ Ваня, у котораго на ладони извивался червякъ.

— Оттого, что тѣло его состоитъ изъ цѣлаго ряда колецъ, благодаря которымъ онъ можетъ извиваться и изгибаться, какъ ему вздумается, — отвѣтилъ Василій Ивановичъ.

— Гдѣ онъ живетъ? — спросила Нюта.

— Онъ живетъ въ земляныхъ углубленіяхъ, которыя самъ себѣ выкапываетъ; для этого онъ пробуравливаетъ землю однимъ концомъ своего тѣла, но когда онъ устааетъ или она ему почему-либо мѣшаетъ, онъ ее просто начинаетъ глотать...

— Онъ глотаетъ землю?

— Да, дѣти, этимъ способомъ онъ и въ состояніи прорыть себѣ норку, потому что изъ той глубины, въ которую онъ заползаетъ, ему невозможно выкидывать наружу лишнюю землю. Когда его жилище готово, онъ затыкаетъ отверстіе листьями или камешками, смотря по тому, что ему удобнѣе и ближе доставать. Дождевые черви не могутъ жить въ сухой землѣ, имъ необходима сырая, и потому лѣтомъ, когда земля сохнетъ, они заползаютъ на значительную глубину въ почву, причемъ мѣняютъ направленіе, забирая то влѣво, то вправо, пока не отыщутъ влажнаго мѣста...

— Какъ онъ ползаетъ, когда у него нѣтъ ногъ?— перебила Нюта отца.

— У него, правда, нѣтъ ногъ, но ихъ замѣняютъ незамѣтныя для глаза шестнадцать бородавочекъ со щетинками, сидящими по восьми на каждомъ концѣ его тѣла; съ ихъ помощью онъ и передвигается...

— Посмотрите, я его разорву надвое, и каждая половина будетъ двигаться! сказалъ Ваня, намѣреваясь это исполнить.

— Не смѣй! Положи его сейчасъ на дорожку. За чѣмъ мучить такое тихое, безобидное существо!—крикнулъ Василій Ивановичъ.

— Развѣ онъ чувствуетъ боль?—спросила Нюта.

— Безъ сомнѣнія! И чувство осязанія у него въ особенности развито. Вотъ посмотрите!—и Василій Ивановичъ тихонько тронулъ червяка сухой травкой. Едва онъ это сдѣлалъ, червякъ началъ быстро извиваться.—Видишь, какъ онъ чувствуетъ, когда его трогаютъ. Этою чувствительностью пользуются его враги, чтобы заставить его выйти изъ своего убѣжища.

— Какіе же у него могутъ быть враги?—спросила Нюта.

— Очень много звѣрей и птицъ, которые истребляютъ его массами. Въ особенности любятъ имъ лакомиться одна небольшая птичка—ржанка. Чтобы выманить его изъ норки, она стучитъ клювомъ и когтями по землѣ. Заслыша стукъ, бѣдняга въ страхъ выползаетъ узнать, что случилось. Но лишь только онъ покажется на поверхности, разбойница тотчасъ схватываетъ его и проглатываетъ. Кромѣ птицъ его преслѣдуютъ: кроты, ежи, жабы и крупные жуки, даже рыбы, и тѣ съ удовольствіемъ глотаютъ его.

— Бѣдный!—вскричала Нюта.

— Такъ ему и надо, зачѣмъ онъ поѣдаетъ листья и корни!—сказалъ Ваня.

— Ну, дружокъ, это не совсѣмъ такъ; прежде, дѣйствительно, на дождевыхъ червей смотрѣли, какъ на вредныхъ существъ, но одинъ очень извѣстный англійскій ученый, Дарвинъ, доказалъ, что они не только не вредны, но испоконъ вѣка приносили и приносятъ человѣку неисчислимую пользу. Благодаря ихъ дѣятельности возникла наиболѣе плодородная почва—черноземъ. Во всѣхъ влажныхъ странахъ черви эти очень многочисленны и несмотря на небольшую величину тѣла, обладаютъ значительной мускульной силой. Они питаются перегноемъ, находящимся въ землѣ, и вмѣстѣ съ нимъ проглатываютъ огромное количество земли.

— Папочка, что такое перегной?

— Перегноемъ называютъ разлагающіяся въ землѣ растительныя и животныя вещества.

— Но богатая перегноемъ земля не исключительная ихъ пища, они любятъ гнѣющую растительность и, не находя ее готовой, сами себѣ ее готовятъ. Для этого земляной червякъ втаскиваетъ къ себѣ въ норку стебельки, соломинки, листья, птичьи перья, обрывки бумажекъ. Вы вѣроятно часто видали эти предметы, втыканные въ землю, точно ихъ дѣти понатыкали. Это дѣло дождевого червя.

— Все, что онъ втаскиваетъ въ свои норки или ходы для пищи, предварительно расщепливается, проглатывается, переваривается кишечникомъ, выдѣляется и перемѣшивается съ массой земли, которую онъ выбрасываетъ на поверхность. Благодаря этому и образуется тотъ жирный, рыхлый, темно окрашенный,

плодородный слой, который покрываетъ поверхность земли,—черноземъ.

— Кромѣ того дождевой червякъ еще разрыхляетъ землю, прокладывая себѣ длинные ходы по всеѣмъ направленіямъ, чѣмъ облегчаетъ доступъ воздуха къ корнямъ растеній. Такимъ образомъ, вы видите, какъ превосходно дождевой червь обрабатываетъ землю для произрастанія растеній.

— Гдѣ же у него находится ротъ?—спросили дѣти.

— На одномъ концѣ тѣла у него находится отверстіе съ губообразнымъ отросткомъ; отверстіе это и служить ему ртомъ; верхняя же часть отростка болѣе тверда и выдается надъ нижней; она-то служить ему для рытья земли. Посмотрите, какъ онъ это дѣлаетъ.

Червякъ въ самомъ дѣлѣ началъ рыть землю, желая, вѣроятно, поскорѣе скрыться отъ любопытныхъ глазъ.

— Онъ насъ видитъ?—спросили дѣти.

— Нѣтъ, у него нѣтъ глазъ.

— А слышитъ?

— Тоже нѣтъ, у него нѣтъ ушей.

— Значить, онъ всеѣмъ не злой, чего же я такъ боялась?—сказала Нюта.

— Не только не злое, но безобиднѣйшее и полезнѣйшее существо,—отвѣтилъ Василій Ивановичъ.

— А гдѣ же онъ зимою и что онъ ѣстъ, когда земля замерзаетъ и нѣтъ листочковъ?—спросила Нюта.

— Всю зиму земляной червь ничего не ѣстъ и проводитъ время въ глубокой спячкѣ. Онъ углубляется футовъ на 6—8 въ землю, въ одиночку или нѣсколько вмѣстѣ свернувшись въ клубокъ; но съ первыми весенними днями онъ просыпается и выползаетъ наверхъ. Днемъ онъ не любитъ показываться, зато въ ранніе

часы, также подь вечерь до глубокой ночи, особенно послѣ сильнаго, теплаго дождика, онъ любитъ выползать за листочками, стебельками и прочей всячиной, что составляетъ его пищу.

— Я не зналъ, что земляной червякъ такой, какъ вы про него рассказываете,—сказалъ Ваня.

— Ты, Ваня, всегда приходи слушать, когда папа будетъ рассказывать!—шепнула ему Нюта.

VII.

Выздоровливающій.

Дрошла еще недѣля, и докторъ позволилъ садовнику встать. Опираясь на костыль, онъ, въ сопровожденіи Нюты и Вани, въ первый разъ вышелъ изъ комнаты.

Нюта не могла достаточно нарадоваться, видя Іоакима на воздухѣ. Она болтала безъ умолку и непрерывъ съ Ваней рассказывала старику, какъ безъ него ничего не ладилось въ саду.

— Ахъ, Боже мой! сколько сорной травы тутъ развелось за время моей болѣзни!—вздыхалъ Іоакимъ — Мятлина и осока совсѣмъ заглушили фіалокъ. Глядите-ка, овсяница покрыла всю гряду съ резедой; надо какъ можно скорѣе выполоть весь этотъ соръ!

— Что это такое выполоть?—спросила Нюта.

— Ты не знаешь, что значить полоть! засмѣялся Ваня. Дѣвочка покраснѣла; она хоть и слышала раньше это слово, но не знала, что оно значить.

Іоакимъ строго посмотрѣлъ на внука и, обращаясь къ Нютѣ, ласково сказалъ:

— Полоть — это значить вырывать сорную траву, которая очень вредна цвѣтамъ, потому что отнимаетъ у нихъ часть пищи и мѣшаетъ солнцу и воздуху проникнуть къ основанію ихъ стебля.

Нюта даже ротъ разинула отъ удивленія.

— Развѣ возможно, чтобы одно растеніе мѣшало другому?

— Я вамъ все это, барышня, со временемъ объясню. Сегодня я немного усталъ и хочу только ознакомиться съ нашимъ будущимъ садомъ. Посмотрю, гдѣ вы устроили клумбы и куртинки и какъ провели аллеи.

Нюта съ удовольствіемъ видѣла, что старику все понравилось, и онъ вполнѣ одобрилъ все, что она безъ него велѣла сдѣлать.

— Что вы скажете, если мы со временемъ устроимъ маленькій огородикъ?—спросилъ онъ улыбаясь.

— Мнѣ очень хочется, чтобы въ моемъ саду росли овощи.

— Еще бы! и чтобы изъ нихъ сварили супъ.

— Супъ...—протянула Нюта.—Я не люблю супа и почти не ѣмъ его!

— То простой супъ, а то супъ съ вашими собственными овощами, это совсѣмъ другое.

— Ты правъ, Іоакимъ, такой супъ вѣрно очень вкусенъ,—обрадовалась Нюта.

— Если вашъ батюшка согласится, то можно будетъ устроить оранжерею, въ которой у насъ будутъ расти прекрасныя растенія жаркихъ странъ.

— Ахъ, я непременно попрошу объ этомъ папу. Знаешь что, Іоакимъ, когда у меня въ саду вырастутъ цвѣты, мы придумаемъ для нихъ красивыя названія.

— Зачѣмъ?—перебилъ ее садовникъ,—каждое растеніе имѣетъ уже свое опредѣленное названіе, имъ вы и будете называть ваши цвѣты и деревья.

— Я не знаю ихъ,—прошептала тихо Нюта,— Я только знаю розу, фіалку и ель, а больше не знаю.

— Не бѣда, вы скоро будете знать гораздо больше; вотъ, напримѣръ, эти большіе темно-красные цвѣты называются піонами, рядомъ съ ними бѣлые съ золотыми нитями въ серединѣ—лиліи, около нихъ растетъ гвоздика.

— А какъ называются эти пестрые, какъ чашечки?

— Это тюльпаны,—отвѣтилъ за дѣда Ваня.

— Ты мнѣ расскажешь исторію всѣхъ цвѣтовъ и деревьевъ? спросила дѣвочка.

— Эта исторія называется *Ботаникой*,—отвѣтилъ Іоакимъ.

— „Ботаника“?—переспросила Нюта, — отчего же она такъ называется?

— Ученые взяли это названіе съ древняго греческаго языка, на которомъ слово *ботанѣ* обозначаетъ растеніе.

Изъ ботаники вы узнаете, какъ растенія рождаются,

живутъ, питаются, растутъ и умираютъ, какъ ихъ надо беречь, какъ ухаживать за ними.

Растеніе, какъ и живое существо, требуетъ за собою извѣстнаго ухода, оно должно жить въ извѣстныхъ условіяхъ.

О, это такой интересный міръ, съ которымъ стоитъ ближе познакомиться!—прибавилъ онъ съ жаромъ.

— Милый Іоакимушка, выздоравливай скорѣе и научи меня всему тому, что ты знаешь, я буду не меньше твоего любить всякое растеніе!—вскричала Нюта, крѣпко сжимая здоровую руку старика.

VIII.

Ж а б а.

Ночью шелъ дождь, но съ разсвѣтомъ небо прояснилось, зелень пообсохла и, благоухая, ярко блестя въ теплыхъ солнечныхъ лучахъ.

Въ зеленой листвѣ деревьевъ щебетали и пѣли пернатые жители сада, съ бѣлой акаціи раздавалось старательное пѣніе маленькой птички, пробовавшей въ первый разъ свой голосокъ. Пѣвица постоянно сбивалась на одной и той же нотѣ, но каждый разъ храбро начинала снова, нисколько не смущаясь однообразиемъ.

Земля и дорожки сада въ этотъ ранній часъ были еще влажны и Нюта, отправляясь въ свой садъ, должна была надѣть галоши.

Посреди главной клумбы стоялъ весь въ бутонахъ дивный кустъ чайной розы. За ночь многіе бутоны расцвѣли и красовались теперь гордыми розами, издающими тонкій ароматъ.

Нюта съ восторгомъ подбѣжала къ кусту, но вдругъ въ ужасѣ отскочила.

Около клумбы на влажномъ пескѣ сидѣло какое-то чудовище, съ зеленовато-бурой головой и большими круглыми глазами.

Нюта въ страхѣ бросилась бѣжать и, вся запыхавшись, прибѣжала къ работающему недалеко садовнику.

— Ахъ, иди, иди скорѣе, Іоакимъ, тамъ ужасное чудовище у моего любимаго куста! Хорошо еще, что я успѣла спастись, а то бы оно навѣрное бросилось на меня!—говорила она прерывающимся голосомъ.

— Гдѣ? Богъ съ вами, откуда взяться ему?—успокаивалъ дѣвочку старикъ,—дайте руку, пойдемте, посмотримъ, что тамъ такое?

Но Нюта не дала руки, она боязливо шла за старикомъ, прячась за его спиной.

— Господи Владыко, да вѣдь это жаба!—разсмѣялся Іоакимъ.—Вотъ нашли кого бояться!

— Неужели жаба? вѣдь это злое, страшное животное!

— Посмотри только на ея коренастое тѣло, большія, короткія лапы, красные глаза, грязный цвѣтъ кожи. Фу, какая она противная!—воскликнула Нюта.

— Не спорю, что жаба имѣетъ отталкивающій видъ, но, милая моя барышня, наружность часто обманчива, и

въ убогомъ тѣлѣ можетъ скрываться хорошая душа. То же самое можно сказать и про жабу: несмотря на свою противную наружность, она хорошее и полезное животное.

При этихъ словахъ жаба раскрыла свой большой ротъ, выбросила языкъ и быстро проглотила пролетавшую мушку.

— Уйдемъ, она и насъ укуситъ!—воскликнула, задрожавъ, Нюта.

— Она насъ не можетъ укусить: во-первыхъ, у нея нѣтъ зубовъ, ея костяныя челюсти приспособлены только для сжиманія и сплющиванія насѣкомыхъ, которыми она питается; во-вторыхъ, чтобы укусить насъ, она должна подняться до нашихъ рукъ или лица, но ея лапки способны дѣлать только самые короткіе скачки; ея движенія медленны, она больше тащится, чѣмъ скачетъ, въ противоположность лягушкѣ.

— Такъ она, значить, не опасна?—спросила Нюта.

— Раньше говорили, будто жаба ядовита и ея ядъ способенъ отравить человѣка, но это неправда. Жидкость, которую она выдѣляетъ изъ особенныхъ желѣзокъ, пахнетъ отвратительно, но не ядовита и служитъ ей исключительно для защиты противъ болѣе сильныхъ враговъ...

— Какъ травяной клопъ, который, благодаря своему дурному запаху, спасается отъ непріятеля,—перебила Нюта.—Мнѣ вчера папа показалъ его въ паркѣ.

— Совершенно вѣрно! Природа одарила многихъ животныхъ этой способностью. Дурной запахъ, который они издають, приводитъ въ бѣгство ихъ враговъ.

— Откуда берется этотъ запахъ?

— Въ различныхъ частяхъ ихъ тѣла находятся ма-

ленькіе железы или мѣшечки, которые выдѣляютъ пахучую жидкость.

— И это единственный способъ защиты жабы—спросила дѣвочка.

— Нѣтъ, жаба еще обороняется другимъ способомъ; если вы не боитесь, я вамъ покажу.

Нюта въ душѣ еще трусила, но не дала этого замѣтить и храбро отвѣтила:

— Нѣтъ, не боюсь!

Тогда старикъ взялъ сухой сучокъ и тронулъ жабу; едва онъ до нея коснулся, какъ она начала быстро надуваться.

— Ха-ха-ха!—засмѣялась Нюта,—она надувается, какъ та лягушка, которая хотѣла сдѣлаться величиной съ вола; я это учила въ баснѣ „Лягушка и Волъ“.

— Да, она надувается, какъ лягушка,—отвѣтилъ садовникъ,—и знаете для чего? Пространство между ея тѣломъ и кожей наполняется воздухомъ, благодаря чему кожа становится какъ бы эластичной подушкой, которая нечувствительна къ ударамъ.

— Какъ это интересно!—проговорила Нюта,—но посмотри, она хочетъ уйти отъ солнца и, кажется, въ то отверстіе подъ изгородью.

Къ разговаривающимъ подъѣхала на своемъ креслѣ Вѣрочка.

— Какъ!—вскричала она въ одинъ голосъ съ возившей ее горничной,—передъ вами жаба и вы ее не убиваете?

Садовникъ строго посмотрѣлъ на молодыхъ дѣвушекъ.

— Зачѣмъ убивать беспомощное и полезное животное? Знаете ли вы, что жаба преслѣдуетъ слизней, гу-

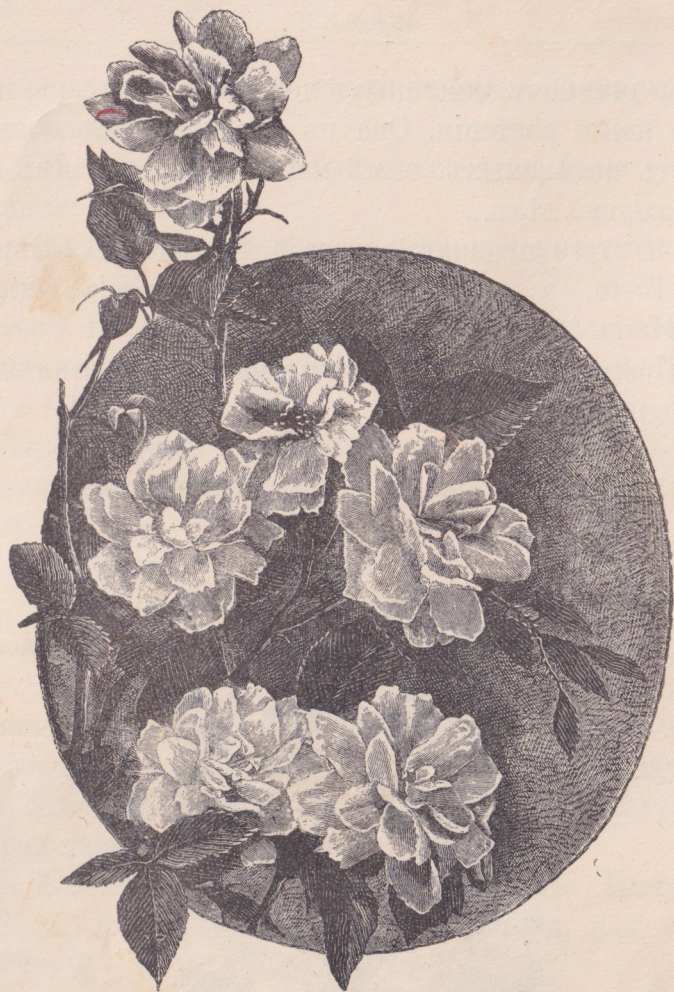
сеницъ, личинокъ, земляныхъ червей и всю тварь, портящую наши растенія. Она въ одинъ мѣсяцъ больше поѣдаетъ насѣкомыхъ, чѣмъ мы съ вами словимъ ихъ въ нѣсколько лѣтъ...

— Я этого не знала, сказала, покраснѣвъ, Вѣра.

— То-го, а я теперь много что знаю!—заявила гордо Нюта.

— Пожалуй, скоро насъ учить начнешь,—засмѣялся подошедшій дядя.

IX.

Какъ питаются и дышатъ растенія.

Силы Іоакима мало-по-малу вернулись, и костыль не мѣшалъ ему болѣе работать съ утра до вечера. Векорѣ Нютинъ садъ вполнѣ оправдалъ возложенныя на него надежды.

На грядахъ и клумбахъ зацвѣли роскошнѣйшіе цвѣты, поражая яркостью и разнообразіемъ красокъ, присущихъ одному благодатному югу.

Появилась и зеленая бесѣдка, вся обвитая виноградомъ, и плетеная садовая мебель, красиво разставленная въ разныхъ уголкахъ сада.

Нюта не отходила отъ Іоакима и была при всѣхъ работахъ его, помогая ему въ то же время, чѣмъ могла. У ней были свои маленькіе садовые инструменты, съ которыми она ловко научилась справляться.

Въ одинъ жаркій полдень дѣвочка бродила по парку, ища тѣнистое мѣстечко, куда бы можно было укрыться отъ духоты, къ которой она, какъ сѣверянка, не могла привыкнуть.

Подъ развѣсистымъ дубомъ сидѣлъ Ваня съ Іоакимомъ и завтракали.

— Какъ вы можете ѣсть въ такую жару?—спросила Нюта, подсаживаясь къ своимъ пріятелямъ.

— Привычка!—отвѣтилъ садовникъ,—безъ ѣды нельзя обойтись; все въ природѣ питается по своему.

— Все!—засмѣялась дѣвочка,—развѣ мои цвѣты ѣдятъ?

— Не только ѣдятъ, но и дышать.

— Какъ мы?—воскликнула съ удивленіемъ Нюта.

— Да, какъ мы.

— Какъ они могутъ ѣсть, не имѣя рта?

— Ртомъ имъ служатъ ихъ корни...

„Ну, начинается,—подумалъ Ваня,—пойдетъ теперь дѣдушка рассказывать,—уйду лучше ловить бабочекъ!“—и онъ потихоньку удалился.

— Корень,—продолжалъ старикъ,—есть ничто иное, какъ непосредственное продолженіе стебля внизъ;

онъ состоитъ изъ болѣе твердой срединной части и окружающей ее болѣе мягкой ткани. Отъ главнаго корня идетъ по всѣмъ направленіямъ цѣлая сѣть тончайшихъ, искривленныхъ волосиковъ, которые и всасываютъ черезъ свои стѣнки пищу, пищей же растенію служатъ различныя соли, находящіяся въ почвѣ.

— Но какъ эти соли проникаютъ въ корни и какъ они называются?—спросила Нюта.

— Названіе этихъ солей вы узнаете, когда вырастете, теперь вы все равно не запомните ихъ; достаточно, если вы будете знать, что соли для растенія все равно, что для насъ хлѣбъ и мясо.

— Для того, чтобы проникнуть въ растеніе,—продолжалъ старикъ,—соли должны быть растворены въ водѣ; для этого-то почву и поливаютъ. Поняли ли вы?

— Кажется,—отвѣтила не сразу Нюта,—я представляю себѣ, что соли растворяются въ землѣ, какъ кусокъ сахара въ стаканѣ воды.

— Совершенно такъ, милая барышня, совершенно такъ! Растворенныя соли всасываются корнями и питаютъ все растеніе. Кромѣ того и вода содержитъ въ себѣ массу растворенныхъ солей, полезныхъ для растенія.

— Когда говорятъ: „надо дать цвѣтамъ пить“, то лучше сказать...

— Надо ихъ накормить,—перебила его Нюта.

— Такъ, такъ! поддакнулъ старикъ, радуясь, что у него такая понятливая ученица.

Онъ между тѣмъ кончилъ свой скудный завтракъ и принялся ножикомъ отрѣзывать сухія вѣтки на кустахъ.

Между прочимъ, онъ срѣзалъ маленькую вѣточку у

того самого розоваго куста, около котораго Нюта увидѣла жабу.

— Вы видите влагу, которая выходитъ изъ стебелька,—указалъ онъ ей на то мѣсто, откуда была срѣзана вѣтка.

— Жидкость эта и есть тѣ растворенныя въ водѣ соли, которыми питаются растенія, и называется питательнымъ сокомъ. Питательный сокъ подымается по трубочкамъ и волокнамъ, которые находятся въ стеблѣ и вѣточкахъ, къ листьямъ, въ нихъ почвенная влага перерабатывается и начинаетъ питать растеніе.

— Но я не понимаю, какимъ образомъ происходитъ питаніе,—сказала Нюта.

— Листья пронизаны цѣлою сѣтью жилокъ; однѣ приводятъ къ нимъ прямо изъ корня сырой питательный сокъ, другія отводятъ его уже послѣ переработки къ тѣмъ частямъ растенія, гдѣ совершается ростъ.

— Кромѣ того, нижняя сторона листа пронизана массой невидимыхъ простымъ глазомъ отверстій, называемыхъ *дыхательными устьями*, черезъ которыя растеніе дышетъ.

— Какъ? растенія еще—дышать!

— Совершенно, какъ мы; вѣдь для насъ недостаточно одного питанія, намъ необходимо, чтобы воздухъ прошелъ въ наши легкія и превратилъ бы все то, что мы съѣли, въ здоровую кровь, которая питаетъ наше тѣло, укрѣпляетъ наши кости и мускулы: благодаря ей мы растемъ и становимся сильными.

— Но растенія не имѣютъ же крови?

— Я вамъ уже говорилъ, что корень, — ротъ растенія,—принимаетъ почвенную влагу, которая подымается къ листьямъ, а листья служатъ растенію легкими.

— Воздухъ, проникая черезъ дыхательныя устьяца въ листь, перерабатываетъ здѣсь эту влагу въ болѣе питательный и густой сокъ бѣловатаго цвѣта, который черезъ жилки и трубочки проходитъ по вѣткамъ и стеблю къ корнямъ. Такимъ образомъ питательный сокъ укрѣпляетъ растеніе, выталкиваетъ почки, умножаетъ и увеличиваетъ вѣтки.

— Іоакимъ говорить совершенно вѣрно,—сказалъ Артемій Петровичъ, который незамѣтно подошелъ во время разговора.— Благодаря своему корню, растеніе беретъ пищу изъ земли, но главное питаніе получаетъ изъ воздуха, поглощая въ громадномъ количествѣ газъ—углекислоту, и посредствомъ хлорофила...

— Что такое хлорофилъ?—перебила Нюта дядю.

— Хлорофилъ — это маленькія зернышки, находящіяся въ листь и придающія ему зеленый цвѣтъ. Хлорофилъ играетъ важную роль въ жизни растенія; при его помощи и при помощи свѣта весь сырой матеріалъ, который растеніе поглощаетъ изъ воздуха (углекислота) и изъ земли (соли и вода), перерабатывается въ зеленыхъ клѣткахъ листа въ крахмалъ и сахаръ; послѣдніе необходимы для образованія цвѣтка, а цвѣтокъ, какъ ты знаешь, даетъ намъ плоды, ягоды и сѣмена.

— Значить, если бы не работа листа, то не было бы ни цвѣтовъ, ни плодовъ,—сказала Нюта.

— Вѣрно, дѣвочка.

— Нюта, ты все про цвѣты слушаешь?—закричалъ, побѣгая, Ваня;—и охота тебѣ! пойдемъ лучше побѣгаемъ, благо жара спала.

— Да, побѣгаемъ и подышемъ свѣжимъ воздухомъ,

чтобы онъ переработалъ нашъ завтракъ въ здоровую кровь,—отвѣтила Нюта, весело взглянувъ на старика.

— Она, кажется, не въ своемъ умѣ! — подумалъ Ваня, боязливо взглянувъ на свою пріятельницу.

X.

Изъ чего вырастаетъ растение.

Однажды Иоакимъ повелъ Нюту въ отдаленный уголь парка, къ стоящему на солнечной сторонѣ сараю.

Онъ былъ довольно большой и совершенно защищенъ отъ сырости. Внутри его на полкахъ и на полу стояли рядами деревянные ящики и холщевые мѣшки, наполненные зерномъ и сѣменами.

— Помните, барышня, вы вчера у меня спрашивали, изъ чего вырастаетъ цвѣтокъ? Я хочу вамъ это объяснить.

— Какъ же ты мнѣ объяснишь, когда тутъ нѣтъ ни одного растенія, я только вижу рожь, овесъ, пшеницу, бобы...

— Все это, милая барышня, сѣмена, изъ которыхъ вырастаетъ овесъ, рожь, пшеница и бобы.

— Что ты! фасоль—сѣмя?

— Непремѣнно, сѣмя того растенія, которое называютъ фасолью или турецкимъ бобомъ. Тутъ у меня въ мѣшечкахъ сѣмена вербены, гвоздики, мака, а вотъ это — табака.

— Ты мнѣ показываешь пыль, а не сѣмена табака,— усмѣхнулась Нюта.

— Нѣтъ, это табачныя сѣмена! Они дѣйствительно очень малы, но тѣмъ не менѣе изъ нихъ вырастаютъ широкіе табачные листья, которые сушатъ, крошатъ и рѣжутъ для куренія.

— Такъ неужели же всѣ растенія, которыя украшаютъ землю, выходятъ изъ маленькаго зернышка? А деревья—громадные дубы, напимѣръ, изъ какого сѣмени вырастаютъ они?—спросила Нюта.

— Изъ желудя, который ничто иное, какъ сѣмя дуба.

— Изъ крошечнаго желудя такое дерево? ты шутишь!

— Нисколько! всякое растеніе производитъ сѣмена, изъ которыхъ потомъ вырастаетъ совершенно такое же растеніе.

— Покажи инѣ, Іоакимушка, сѣмена вишенъ, миндаля и абрикосовъ!

— Вы ихъ много разъ видали.

— Я ихъ никогда не видала!

— Будто? А косточки вишенъ и абрикосовъ видѣли? Въ нихъ-то и находятся сѣмена этихъ плодовъ.

— Значить, если я посажу вишневую косточку въ моемъ саду; изъ нея вырастетъ вишневое дерево! Ахъ, посадимъ тогда скорѣе нѣсколько!— вскричала радостно Нюта.

— Непремѣнно вырастетъ, но прежде чѣмъ это дерево дастъ плоды, много воды утечетъ. Я вамъ послѣ покажу, какъ дѣлають, чтобы плодовое дерево дало скорѣе плоды, а теперь я вамъ расскажу, какъ изъ сѣмени развивается растеніе.

— Пожалуйста.

— Я сегодня посѣю въ вашемъ саду сѣмена, т. е. я ихъ закопаю въ землю, и вы можете наблюдать за всѣми измѣненіями, которыя они переживаютъ.

Сѣмячку въ землѣ тепло, воздуха и воды у него тамъ много. Черезъ нѣкоторое время оно начинаетъ разбухать, тоненькая кожица, которая его окружаетъ, лопается и изъ мѣста разрыва выходятъ крошечный корешокъ и стебелекъ, первый вросается въ землю, второй тянется наверхъ. Стебель, какъ и корень, не знаетъ препятствій, онъ постоянно подымается кверху, проходитъ черезъ землю, обвиваетъ камни, если ихъ сдвинуть нельзя, и въ одинъ прекрасный день высовываетъ свой зеленый носикъ изъ земли.

Нюта расхохоталась надъ этимъ сравненіемъ. Іоакимъ продолжалъ:

— Чтобы увеличиваться, ростку необходимо пи-

таться. Въ первое время корешокъ слишкомъ слабъ, чтобы доставать даже для себя самого пищу изъ почвы, но въ сѣмени, откуда вышли братья—стебелекъ и корешокъ, находятся запасныя питательныя вещества: крахмалъ и масла, которыя служатъ малюткамъ отличной пищею до тѣхъ поръ, пока они достаточно окрѣпнутъ, чтобы самимъ добывать пропитаніе...

— Я знаю, корень всасываетъ изъ почвы растворенныя соли!—перебила Нюта садовника.—Ты мнѣ это ужъ говорилъ; теперь я знаю, что изъ сѣмени выходитъ растеніе,—но откуда берется сѣмя?

— Если вамъ не надоѣло еще слушать, то пойдемте въ садъ, я постараюсь объяснить вамъ устройство цвѣтка и откуда происходятъ сѣмена.

— Не мѣшало бы и моему шалуну все это знать, да непосѣда Ваня развѣ послушаетъ? Въ одно ухо впустить, въ другое выпустить!—сказалъ Іоакимъ, направляясь съ Нютой къ ея садику.

XI.

Устройство цвѣтка.

Иоакимъ срѣзалъ ножикомъ нѣсколько распустившихся цвѣтовъ, затѣмъ, усѣвшись съ Нютой въ ея бесѣдкѣ, взялъ въ руки одну изъ срѣзанныхъ розъ и обратился къ своей маленькой слушательницѣ:

— Я долженъ предупредить васъ, что вы услышите нѣсколько новыхъ для васъ названій, но не бойтесь— вы ихъ легко запомните.

— Поглядите на эту розу — что вы замѣчаете на верхушкѣ ея стебелька?

— Я вижу зеленую выпуклость въ видѣ маленькаго яйца, которая оканчивается однимъ, двумя, тремя, четырьмя, пятью листочками.

— Прекрасно! эта выпуклость называется *чашечкой*, а зеленые листья, служащіе какъ бы ея продолженіемъ, — *чашелистиками*. Не думайте, однако, что чашечка имѣетъ всегда яйцевидную форму. Сообразно растенію форма измѣняется. Вотъ рассмотрите эту фіалку и левкой: что вы видите на верхушкѣ ихъ стебельковъ?

— Ахъ, маленькій зелененькій капюшончикъ! — вскричала Нюта.

— Совершенно вѣрно! чашечки этихъ растений имѣютъ форму капюшоновъ.

— Къ чему служить цвѣтку чашечка?

— Чашечка есть наружный покровъ цвѣтка и предохраняетъ его отъ внѣшнихъ вредныхъ вліяній. Она состоитъ изъ соединенныхъ между собою листьевъ.

— Значить, чашечка верхнее платье цвѣтка?

— Ваше сравненіе очень удачно, улыбнулся старикъ;—эту одежду нѣкоторые цвѣты сбрасываютъ, когда

болѣе въ ней не нуждаются, она засыхаетъ и спадываетъ, другіе же оставляютъ ее, чтобы предохранить себя отъ раннихъ холодовъ и осеннихъ дождей.

— Какіе цвѣты умные!—удивилась Нюта.

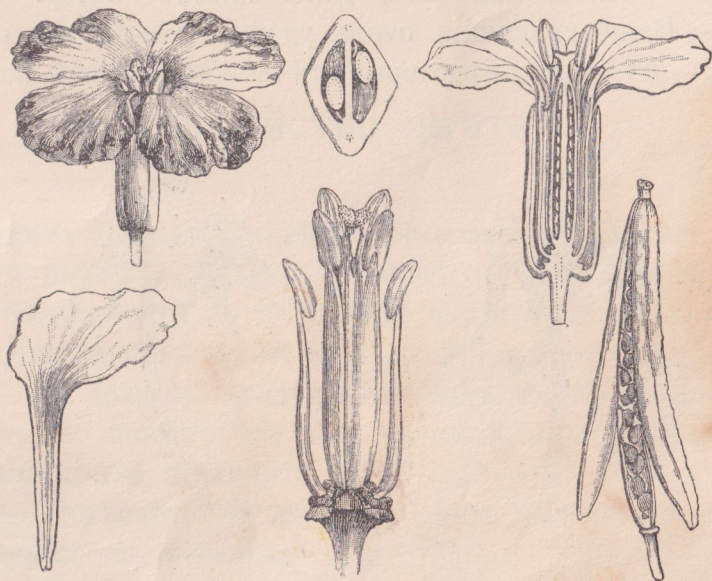
— Безъ сомнѣнія! — улыбнулся опять Іоакимъ,— и вы сами въ этомъ можете убѣдиться. Что вы видите поверхъ чашечки?

— Цвѣтокъ! чудный, пахучій цвѣтокъ!..

— Нѣтъ это не цвѣтокъ; цвѣткомъ называется собраніе всѣхъ частей его: вѣнчика, чашечки и другихъ, которыя я вамъ сейчасъ покажу, а то, что вы назвали

цвѣткомъ, составляетъ только часть его и называется „*вѣнчикомъ*“; онъ состоитъ изъ нѣжныхъ листочковъ, окрашенныхъ въ блестящую яркую краску. Листочки же эти называются *лепестками*.

— И знаете-ли, почему лепестки такъ нѣжны и многочисленны? Потому что они служатъ для приманки

насъкомыхъ. Удалите лепестки и разглядите, что они скрываютъ отъ нашихъ глазъ.

Нюта съ такой осторожностью начала выщипывать лепестки, точно она боялась причинить цвѣтку боль.

— Что это за тоненькія, бѣленькія ниточки съ желтыми колпачками? спросила она у старика, вырвавъ послѣдній лепестокъ.

— Это *тычинки*. Каждая изъ нихъ состоитъ изъ тоненькой *нити* и *пыльника* (то, что вы назвали желтой шапочкой).

— Къ чему онѣ, эти тычинки? смотри, онѣ оставляютъ желтую пыль на пальцахъ, когда ихъ трогаютъ!

— Если бы вы рассмотрѣли эту пыль подъ микроскопомъ, то увидѣли бы множество маленькихъ зернышекъ: это *цвѣточная пыль* или *цвѣтень*, который сохраняется въ пыльникахъ, и когда до нихъ дотрогиваются, то цвѣтень пристаётъ къ рукамъ.

Говоря это, Іоакимъ взялъ у Нюты розу и осторожно выдернулъ изъ нея тычинки.

— Бѣдная роза!—прошептала Нюта.—Какъ мы ее обезобразили.

— Не бѣда! — замѣтилъ серьезно старикъ, — эта операція намъ нужна; посмотрите, что тычинки отъ насъ скрываютъ: массу зеленоватыхъ волоконъ, оканчивающихся зеленоватыми головками, которыя цвѣточная пыль окрасила въ чуть замѣтный желтый цвѣтъ.

— Да, да я вижу!

— Волокна эти называются *столбиками*, а ихъ шапочки *рыльцами*. Іоакимъ кончикомъ ножа раздѣлилъ чашечку на двѣ одинаковыхъ части.

— Обратите, барышня, вниманіе на внутренность чашечки: она точно выложена теплымъ пухомъ и прекрасно предохраняетъ основаніе столбиковъ отъ холода. Посмотрите, какъ выглядятъ столбики.

И садовникъ осторожно вырвалъ нѣсколько столбиковъ; всѣ они имѣли снизу по продолговатому шарiku.

— Этотъ крошечный шарикъ есть *завязь* или мѣсто, содержащее въ себѣ сѣмяпочку.

Онъ положилъ столбикъ на ладонь, тихонько вскрылъ завязь и оттуда выскользнулъ, едва-едва замѣтный для глаза, бѣленькій шарикъ.

— Ахъ, бѣленькое, крошечное яичко!—вскрикнула Нюта, хлопая въ ладоши.

— Это яичко называется *сѣмяночкою* и есть ничто иное, какъ незрѣлое еще *сѣмя*. Зрѣя, зародышъ, растеть и измѣняется, и мало-по-малу принимаетъ тѣ цвѣта, какіе вы видѣли на сѣменахъ въ сараѣ; къ этому времени, когда сѣмя созрѣваетъ, вѣнчикъ, тычинки и столбики отпадаютъ и завязь превращается въ *плодъ* (или *фруктъ*).

— Плодъ? Плоды же ѣдятъ, но я никогда не слышала, чтобы были плоды розы или фіалки!—прошептала Нюта.

— Не все плоды употребляютъ въ пищу. Абрикосы, которые вы такъ любите, тоже спѣлая завязь, содержащая въ себѣ сѣмя.

— Ахъ, я знаю, косточка содержитъ въ себѣ сѣмя абрикоса.

— То же самое можно сказать и про вишню, сливу и миндаль; между цвѣтами мы найдемъ множество плодовъ, которые мы не ѣдимъ, но которые тѣмъ не менѣе служатъ лакомствомъ птицамъ и насѣкомымъ.

— Хорошо, Іоакимушка, но я не понимаю, къ чему служатъ тычинки, столбики и цвѣточная пыль? Они, должно быть, очень важные господа, если чашечка и лепестки такъ заботливо ихъ охраняютъ... И почему сѣмя, находясь въ завязи, такъ поздно начинаетъ зрѣть?

— Какъ поздно? Вѣдь для того, чтобы ему начать зрѣть, необходимо, чтобы цвѣточная пыль попала на рыльце, проникла въ полый столбикъ, а оттуда прошла бы въ полость завязи и коснулась сѣмя почки; вотъ только съ того момента зародышъ начинаетъ зрѣть и превращается въ сѣмя.

— Какъ это удивительно!—воскликнула дѣвочка, и, взявъ со стола бѣлый цвѣтокъ левкой, раздѣлила его на части.

— Гляди, Іоакимушка, какъ я ловко раздѣлила цвѣтокъ: вотъ лепестки, вотъ тычинки, сейчасъ достану столбикъ и завязь... какъ славно! и чашечку не испортила!—радовалась Нюта.

— Неразлучные! они вѣчно вмѣстѣ! — раздался голосъ Артемія Петровича, появившагося передъ бесѣдкой.

— Мы съ Вѣрочкой не помѣшаемъ?

— Конечно, нѣтъ! идите скорѣе сюда,—отвѣтила Нюта;—я вамъ расскажу про маленькое зеленое яичко, которое лежитъ за девятью замками въ зеленой постелькѣ, подъ стеганнымъ цвѣточнымъ одѣяломъ.!

XII.

Исторія розы.

Какія дивныя розы!—залибовалась Вѣра лежащими на столѣ цвѣтами.—Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ цвѣтка пышнѣе и красивѣе розы! Я понимаю, отчего ее величаютъ царицей цвѣтовъ...

— Хотите, я вамъ расскажу легенду про розу!—сказалъ Артемій Петровичъ.

— Пожалуйста, пожалуйста!—вскричали въ одинъ голосъ дѣвочки.

— Сотни лѣтъ тому назадъ...

— До или послѣ потопа?—перебила Нюта дядю.

— Если ты, стрекоза, станешь меня на каждомъ словѣ перебивать, то я перестану рассказывать!—отвѣтилъ Артемій Петровичъ.

— Не буду, дядечка, не буду!—засмѣялась Нюта и въ доказательство своихъ словъ зажала обѣими руками ротъ.

— Исторія эта случилась давно, давно, въ тѣ еще времена, когда крошки-феи жили въ чашечкахъ цвѣтовъ и подъ каждымъ лепесткомъ сидѣлъ хорошенькій эльфъ.

На берегу лазуреваго моря раскинулся дивный садъ съ великолѣпными растеніями, съ которыми ничто въ мірѣ не могло сравниться. Чудные цвѣты гордо качались на своихъ стебелькахъ, наполняя воздухъ неземнымъ благоуханіемъ.

Серебряныя рѣчки, омывая зеленые ножки цвѣтовъ,

журчали про ихъ красоту, теплые солнечные лучи, цѣлуя ихъ, шептали: „какъ вы хороши!“

Розы не даромъ считали себя царицами сада, онѣ были волшебнo хороши: пышныя, свѣжія, благоухающія, окрашенныя во всевозможные цвѣта и оттѣнки, начиная отъ самыхъ нѣжныхъ, до самыхъ яркихъ и темныхъ цвѣтовъ. И каждая думала про себя: „Конечно я царица сада, я лучше и красивѣе всѣхъ“.

Но лучше всѣхъ между ними была та, которая не думала, что она такъ хороша. Ея гибкій, нѣжный стебель, украшенный прелестными листьями, слегка нагибался подъ тяжестью дивнаго, чудной формы, цвѣтка. Вѣнчикъ его былъ чистъ и бѣлъ, какъ только что выпавшій снѣгъ, а аромать нѣженъ и тонокъ. Но другія розы презрительно смотрѣли на блѣдную красавицу и сама она подъ ихъ взглядами трепетала листочками и горевала, что лишена прелести своихъ подругъ—ихъ богатой окраски.

Скромно росъ въ сторонкѣ дивный цвѣтокъ, не мечтая и не гордясь.

Въ одну майскую ароматную ночь, прилетѣлъ изъ дальнихъ странъ пѣвецъ цвѣтовъ—соловей.

Цвѣты замерли въ ожиданіи, каждый думалъ, что гость только ему станетъ пѣть хвалебныя пѣсни.

Соловей опустилсѣ на сиреневый кустъ; прямо передъ нимъ, вся въ серебряныхъ лучахъ мѣсяца, стояла, дрожа нѣжными лепестками, бѣлая роза. Соловей никогда не видалъ такой красоты, онъ склонился надъ ней, пораженный и восхищенный. Желая выразить ей одной свой восторгъ, онъ запѣлъ. И полилась его жемчужная пѣснь, разсыпаясь и звеня въ ночной тишинѣ: „О, какъ ты прекрасна,—пѣлъ онъ,—ты самый

красивый цвѣтокъ въ мірѣ, ты безконечно хороша своей безупречной бѣлизной! Будь отнынѣ царицей цвѣтовъ, украшеніемъ земли и славой весны!“...

Розу охватило незнакомое волненіе,—неужели ей посвящаетъ свою чудную пѣснь заморскій пѣвецъ? Неужели ей, которою до сихъ поръ пренебрегали птицы и бабочки...

Всѣ ея лепестки задрожали отъ восторга, она была счастлива и съ этой минуты больше не желала красокъ, чтобы быть красивѣйшей изъ цвѣтовъ.

— Прелестная легенда!—сказала Вѣра.

— Да, но это сказка,—перебила Нюта сестру,—а то, что Іоакимъ говорилъ, то все правда.

— Скажи, пожалуйста, Іоакимъ, отчего розы бываютъ различныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ?—спросила Вѣра.

— Всѣ сорта розъ происходятъ отъ одного рода, но измѣняютъ цвѣтъ и видъ благодаря вліянію воздуха, почвы, прививки и т. п.

— Какая по твоему самая красивая роза? По моему французская!—сказала Нюта.

— А по моему,—отвѣтила Вѣра,—махровая, у ней безчисленное множество лепестковъ.

— Да, она дѣйствительно хороша, и вы, безъ сомнѣнія, удивитесь, когда я вамъ скажу, что это количество лепестковъ въ ней развиваютъ искусственно.

— Возможно-ли?—воскликнули всѣ въ одинъ голосъ.

— Когда хотятъ изъ обыкновенной розы получить махровую, то даютъ ей гораздо больше пищи, чѣмъ ей въ самомъ дѣлѣ нужно для роста. Розовый кустъ сажаютъ въ особенно удобренную почву, поливаютъ, подрѣзываютъ вѣточки, и послѣ долгихъ усилій удается достигнуть того, что тычинки отъ излишка пищи разрастаются и, въ концѣ концовъ, превращаются въ лепестки.

— Но съ измѣненіемъ своего прежняго вида махровая роза теряетъ способность производить сѣмена.

— Значитъ, махровая роза не имѣетъ ни тычинокъ, ни столбиковъ съ рыльцами?

— Нѣтъ, не имѣетъ.

— Ты кто такой?—обратилась Нюта къ копошившемуся въ лепесткахъ одной розы зеленовато-золотистому, съ бѣлыми рѣдкими полосками жуку.

— А, цвѣточный жукъ!—воскликнула Вѣра.—Правда-ли, что онъ отдыхаетъ въ цвѣтахъ и любитъ лакомиться ихъ сокомъ?

— Правда, дѣвочка; многія насѣкомыя лакомятся сокомъ цвѣтовъ и этимъ причиняютъ имъ большой вредъ,—отвѣтилъ Артемій Петровичъ.

— Посмотри, у него черные рожки... для чего они ему?

— Для осязанія; это его усики, онъ ихъ всегда держитъ передъ собою и ощупываетъ ими всѣ попадающіеся на пути предметы.

— Скажи, Іоакимъ, отчего на розовыхъ кустахъ всегда бываютъ шипы?—спросила Нюта, уколовъ палецъ объ острый шипъ.

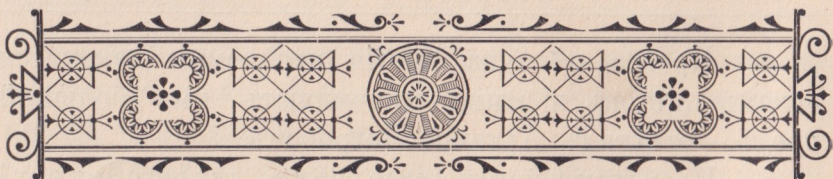
— Шипы, милая барышня, это преобразованные волосики, они ссохлись и обратились въ колючія иголки.

— Иногда, при особенномъ уходѣ, удается шипы превращать въ листья, но очень рѣдко, а служатъ они для предохраненія розоваго куста отъ слишкомъ докучливыхъ насѣкомыхъ, падкихъ до цвѣточного меда и сока...

— Дѣти, дѣти! гдѣ вы? идите скорѣе! папа принесъ корзинку со свѣжей земляникой,—звала Ольга Дмитріевна.

— Мамочка, а сливки и сахаръ подадутъ?—закричала Нюта и стрѣлой понеслась къ дому.

XIII.

Щегленокъ и ласточка.

Было жаркое, лѣтнее утро, солнышко лило съ голубого неба потоки свѣта на нѣжущуюся въ его лучахъ землю.

Нюта бѣгала по дорожкамъ своего сада, поминутно останавливаясь передъ роскошными клумбами и куртинами, сплошь покрытыми цвѣтами.

Тутъ же стояло Вѣрино креслицо, больная лежала въ немъ съ закрытыми глазами и вдыхала полной грудью сухой благоухающій воздухъ. Вдругъ на ближайшей лужайкѣ раздался жалобный протяжный пискъ.

Дѣвочки встрепнулись. Нюта бросилась туда и увидѣла въ травѣ крохотнаго, еще покрытаго пухомъ, птенчика, тоскливо пищавшаго: пи, пи, пи... онъ пробовалъ подымать свои крылышки, но тщетно: они еще не окрѣпли и безсильно ложились опять на его спинку.

Надъ лужкомъ кружились съ пискомъ два щегла, не рѣшаясь спуститься при Нютѣ къ своему дѣтищу.

Дѣвочка оглянулась, ища гнѣзда, и вскорѣ она увидѣла его въ развилкѣ двухъ тонкихъ, подвижныхъ

вѣтокъ вяза. Гнѣздышко было снаружи убрано листочками и лишаями и было похоже на зеленые листья дерева.

Его выстроили старые щеглы изъ соломинокъ, волоконъ и конскаго волоса.

Они выложили свой воздушный замокъ пухомъ и шерстью, чтобы ихъ малюткамъ было тепло и мягко спать.

Въ это утро отецъ съ матерью улетѣли, съ восходомъ солнца, за кормомъ.

Родители строго наказали малюткамъ быть послушными, не пищать въ ожиданіи завтрака, а главное, не выглядывать изъ гнѣзда, гдѣ ихъ легко могъ увидѣть котъ Васька.

Дѣти обѣщали слушаться, но едва успѣли родители улетѣть, какъ старшій птенчикъ, забіяка и драчунъ, высунулъ изъ гнѣзда свой широкій клювикъ.

„Какая чудная погода, братцы! Какъ, должно быть, весело порхать съ вѣтки на вѣтку или подняться высоко къ синему небу“, вскричалъ онъ; „я уже достаточно великъ и силенъ, я смѣло могу самъ полетѣть! Родители только изъ излишней предосторожности запрещаютъ намъ это удовольствіе“, трещалъ онъ, высовываясь изъ гнѣзда. „Я хочу долетѣть до той яблони. Нечего медлить больше. Кто за мной? разъ, два, три!“ И, не обращая вниманія на сестеръ и братьевъ, онъ порхнулъ изъ гнѣзда.

Но крылышки были еще слишкомъ слабы, чтобы поддержать его въ воздухѣ, онъ перекувырнулся и шлепнулся въ мягкую траву.

Въ это время вернулась домой мать, она сразу замѣтила отсутствіе первенца и бросилась съ крикомъ

на поиски. На ея крикъ прилетѣлъ отецъ и оба принялись звать сына.

Шалунъ отлично все слышалъ, но, боясь наказанія, смирно лежалъ, притаивъ дыханіе въ густой травѣ.

Вскорѣ мать увидѣла его и съ радостнымъ пискомъ спустилась къ нему на лужокъ.

„Ахъ, мой бѣдненькій крошка!“—щебетала она ему,—„только бы не увидѣлъ тебя злой человѣкъ,

онъ возьметъ тебя у насъ. Попробуй расправить свои крылышки! Смотри, сдѣлай такъ, какъ я!“ и родители летали вокругъ него и ласками старались ободрить крошку.

Видя, что онъ не въ состояніи послѣдовать за ними, щеглы жалобно запищали.

Приходъ Нюты не обратилъ птичекъ въ бѣгство, любовь къ птенчику превозмогла страхъ, который внушали имъ люди. Онѣ летали почти надъ головой дѣвочекъ, желая узнать, друзья или враги онѣ.

Вдругъ неожиданно откуда-то примчался Ваня.

— А! птенчикъ, вотъ славно! я его посажу въ клѣтку и выращу!—сказалъ онъ, подходя къ Нютѣ.

— Не смѣй подходить!—крикнула Нюта.—Какъ тебѣ не стыдно лишать воли несчастнаго птенчика, развѣ ты сумѣешь его выкормить? Ступай лучше достань у дѣдушки лѣстницу, я позову дядю, и мы положимъ щегленка въ гнѣздо!

Ваня конфузливо убѣждалъ и скоро вернулся въ сопровожденіи дѣда и Артемія Петровича.

— Гдѣ же лѣстница?—спросила Нюта.

— Лѣстница намъ не нужна, птицы и безъ нашей помощи обойдутся. Я вамъ лучше совѣтую спрятаться, и вы увидите, какъ онѣ сами помогутъ своему горю,—отвѣтилъ садовникъ.

Все маленькое общество стало за гигантскимъ дубомъ и молча глядѣло на лужокъ.

Щеглы между тѣмъ поднялись къ себѣ въ гнѣздо и о чемъ-то горячо совѣщались, затѣмъ они спустились къ своему птенчику, не переставая щебетать, очевидно уговаривая его не бояться.

Мать съ одной стороны, отецъ съ другой осторожно подсунули подъ тѣлце сына по распростертому крылу и птенчикъ скоро очутился на правомъ крылѣ матери и на лѣвомъ отца.

Съ большой осторожностью и трудомъ поднимались бѣдняжки съ ихъ непосильной ношей. Щегленокъ сдѣлалъ движеніе и чуть не свалился, но отецъ сильнымъ взмахомъ крыла поднялся къ самому гнѣзду.

Такимъ образомъ малютка былъ спасенъ.

Зрители были такъ поражены происшедшимъ, что захлопали въ ладоши. Нюта въ особенности была въ восторгѣ отъ видѣннаго.

Но артисты, т. е. щеглы, не пришли благодарить;

они испуганно забились въ глубь гнѣзда и боязливо поглядывали на нежеланныхъ зрителей.

— Какіе щеглы умные! неужели всѣ птицы такъ понятливы?.. Нѣтъ, не думаю, между ними вѣрно тоже есть глупыя и умныя!—говорила Нюта.

Дядя и садовникъ улыбнулись... Въ этотъ моментъ надъ сидящей Вѣрой стрѣлой

пролетѣла ласточка.

— Ласточка такъ-же умна, какъ щеголь?—спросила Вѣра.

— Ласточка очень умна,—отвѣтилъ дядя.—Она всю свою жизнь проводитъ на лету; про нее можно смѣло сказать, что воздухъ ея царство. Она вѣсть летая, летая пьетъ и купается. Полетъ ея отличается постоянными зигзагами, во время которыхъ она ловитъ насѣкомыхъ...

— Дядя, откуда происходитъ повѣрье, что ласточка передъ грозой касается крыльями земли?—перебила его Вѣра.

— Это не повѣрье, а правда,—отвѣтилъ Артемій Петровичъ.

— Когда воздухъ насыщенъ парами или дѣлается холоднымъ, то всѣ насѣкомыя опускаются ниже къ землѣ, гдѣ гораздо теплѣе, чѣмъ въ верхнихъ слояхъ. Естественно, что ласточка, которая питается только насѣкомыми, опускается на землю за своимъ кормомъ.

— Когда же воздухъ сухъ, т. е. въ хорошую погоду, насѣкомыя держатся высоко, и ласточка тогда летаетъ тамъ же.

— Такимъ образомъ, подымаясь черной точкой къ

облакамъ или касаясь крыльями земли, ласточка совершенно вѣрно указываетъ на состояніе погоды.

— Я всегда бросаю камнями въ низко летающихъ ласточекъ,—сказалъ Ваня, молодецкато швырнувъ камушекъ въ густую листву дуба.

— И напрасно! за это тебя дѣдушка вѣрно не разъ за уши дралъ, отвѣтилъ Артемій Петровичъ.

— Ласточки лучшіе и полезнѣйшіе друзья человека. Онѣ очищаютъ воду и воздухъ отъ массы вредныхъ насѣкомыхъ, передъ которыми человекъ совершенно безсиленъ.—А враговъ у нихъ, какъ у всѣхъ маленькихъ птицъ, и кромѣ человека достаточно: одни орлы и ястребы, которые у насъ въ Крыму водятся въ изобиліи, истребляютъ ихъ массами.

— Тогда я начну убивать ястребовъ, они у насъ всѣхъ цыпляютъ перетасчили!—воскликнулъ Ваня.

— Ну до нихъ-то ты не доросъ еще, смотри, чтобы они тебѣ не задали взбучку!—засмѣялся Іоакимъ.

— А куда ласточки улетають на зиму? Зачѣмъ онѣ не остаются у насъ?

— Потому что зимніе холода убиваютъ ихъ кормъ—насѣкомыхъ; ласточки улетають отъ насъ на зиму въ Африку и Азію, но весною онѣ всегда возвращаются назадъ къ своимъ старымъ гнѣздамъ.

— Мнѣ рассказывали, что одна маленькая дѣвочка, какъ ты, Нюта, привязала ласточкѣ, свившей гнѣздо надъ ея окномъ, къ ножкѣ записку со слѣдующимъ стишкомъ:

Ласточка—касаточка,
Гдѣ ты зиму провела?
У какихъ ты дѣточекъ
Гнѣздышко свила.

— Весною воздушный почтальонъ прилетѣлъ

обратно. Къ ножкѣ на тоненькомъ шелковомъ шнурочкѣ была прикрѣплена другая записка съ отвѣтомъ изъ Индіи, отъ другой маленькой дѣвочки, подъ кровлей которой птичка провела зиму.

— Вотъ прелесть! — вскричала Нюта. — Я тоже знаю одно стихотвореніе про ласточку:

Травка зеленѣетъ, солнышко блеститъ,
Ласточка съ весною въ сѣни къ намъ летитъ.
Съ нею солнце дольше и весна милѣй,
Прощебечъ съ дороги намъ привѣтъ скорѣй!
Дамъ тебѣ я зеренъ, а ты пѣсню спой,
Что изъ странъ далекихъ принесла съ собой.

— Въ эту осень я тоже напишу записку и привяжу ее къ ножкѣ какой-нибудь ласточки. Ваня мнѣ одну словить.

— Но ваша записка должна быть такъ легка, чтобы не затруднять полета птички, иначе она не успѣетъ за своими и погибнетъ въ дорогѣ, — замѣтилъ Іоакимъ.

— Удивительно, какъ понятливы онѣ! Однажды я видѣлъ, какъ ласточка запуталась въ прикрѣпленной къ крышѣ бичевкѣ, — продолжалъ старикъ. — Бѣдняжка не могла сама освободиться, она жалобно защебетала и на ея зовъ слетѣлись цѣлая стая. Онѣ громко щебетали точно держали совѣтъ.

— Вдругъ вся стая выстроилась въ длинный рядъ, и первая ласточка стала наносить удары клювомъ по бичевкѣ; когда она устала, ее смѣнила слѣдующая. Удары наносились все по одному и тому же мѣсту. Черезъ полчаса усиленной работы имъ удалось порвать веревку и освободить плѣнницу. Подруги до поздней ночи оставались съ освобожденной, и я думаю, что онѣ поздравляли ее и привѣтствовали ея спасеніе.

— Въ другой разъ я былъ свидѣтелемъ не менѣ интереснаго происшествія:

— Надъ оранжереей висѣло гнѣздо ласточекъ; въ отсутствіе хозяевъ въ него забрался бездомный воробей. Когда птички вернулись и увидѣли свой домъ занятымъ непрошеннымъ гостемъ, онѣ начали на всѣ лады выпроваживать его вонъ, но тотъ не трогался съ мѣста.

— Тогда онѣ призвали всѣхъ сосѣднихъ ласточекъ и, послѣ недолгаго совѣщанія, стали куда-то улетать и возвращаться съ кусочками глины въ клювъ; черезъ нѣкоторое время воробей былъ заживо замуравленъ въ гнѣздѣ. Я, конечно, освободилъ его, иначе онъ бы немедленно погибъ.

— Видишь, какія онѣ! тоже умѣютъ наказывать злыхъ!—засмѣялась Нюта.

За разговорами незамѣтно приблизился часъ завтрака.

За столомъ Вѣра и Нюта наперерывъ передавали родителямъ о томъ, что видѣли и слышали въ это утро.

— Папа, правда, что ѣдятъ ласточкины гнѣзда?—спросила Вѣра.

— Что ты, Вѣра? Вѣдь онѣ ихъ лѣпятъ изъ навоза и глины, кто-же станетъ ихъ ѣсть?—отвѣтила Нюта, скорчивъ кислую рожицу.

— Да, дѣвочка! Въ Китаѣ не только ѣдятъ, но даже считаютъ особеннымъ лакомствомъ ласточкины гнѣзда,—отвѣтилъ отецъ,—причемъ я вамъ долженъ сказать, что съѣдобныя гнѣзда строить ласточка салангана, которая живетъ въ Китаѣ и гораздо меньше нашей. Салангана строитъ свое гнѣздо не изъ грязи, а изъ икры, которую мечутъ рыбы. Когда весною ры-

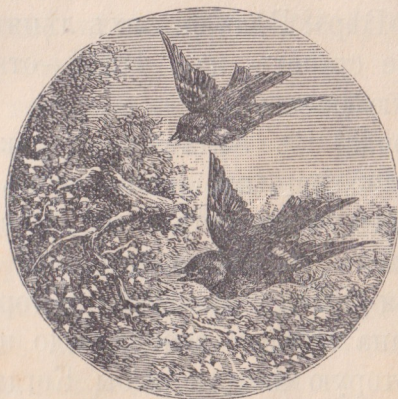
ба массаами заходить изъ морей въ рѣки и озера Китая и поверхность ихъ покрывается икрою, салангана принимается за работу; она набираетъ полный клювъ икры и летитъ къ заранѣе намѣченной отвѣсной скалѣ, гдѣ ею выбрано мѣстечко для гнѣзда. Приклеивъ къ утесу икру, она опять улетаетъ за тѣмъ же матеріаломъ; такъ она продолжаетъ до тѣхъ поръ, пока гнѣздышко готово.

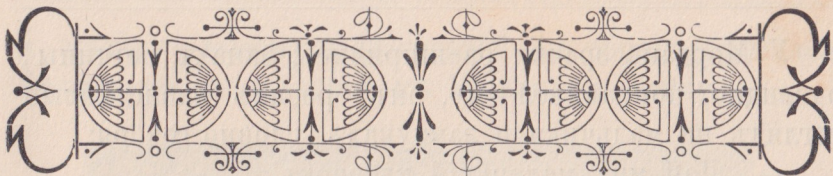
Вскорѣ икра высыхаетъ и превращается въ прочный твердый клей, и тогда только ласточка принимается за внутреннюю отдѣлку своего домика.

Когда дѣтки выведены, гнѣзда собираютъ охотники и продаютъ. Передъ употребленіемъ, ихъ особеннымъ образомъ очищаютъ, затѣмъ разводятъ въ бульонѣ и подаютъ къ столу. Это самое любимое блюдо богатыхъ китайцевъ.

— Ну, я охотнѣе поѣмъ пирожного, чѣмъ гнѣздо саланганы,—сказала Нюта, краснорѣчиво посмотрѣвъ на высокій воздушный пирогъ изъ малины.

Мама улыбнулась: она знала, что малиновый воздушный пирогъ любимое сладкое ея рѣзвухи-дочки.

XIV.

Жадность къ добру не ведетъ.

Было три часа пополудни. Солнце немилосердно жгло, зелень и цвѣты покорно наклонили головки, птицы забрались въ тѣнистыя гнѣздышки, не слышно было ни щебетанья, ни чириканья, собаки смирно лежали подъ крыльцомъ или въ тѣни забора.

Въ усадьбѣ въ эту полуденную знойную пору всѣ отдыхали.

— Дѣдушка, я проголодался!— проговорилъ Ваня, тормоша сладко спавшаго въ сѣняхъ дѣда.

Старикъ всталъ, отрѣзалъ кусокъ хлѣба и положилъ сверху ломтикъ ветчины, до которой Ваня былъ большой охотникъ.

У мальчика отъ удовольствія разгорѣлись глазки, онъ взялъ хлѣбъ, схватилъ корзинку для ягодъ и побѣжалъ въ паркъ.

Посреди одной дорожки лежалъ, растянувшись на солнышкѣ, котъ Морданъ, извѣстный плутъ и разбойникъ.

Ваня подошелъ къ нему и помахалъ ветчиной передъ самымъ его носомъ.

У Мордана зрачки расширились; запахъ ветчины, очевидно, понравился ему, онъ бросилъ завистливый взглядъ на мальчика и замыкалъ, словно говоря:

— „Дай мнѣ маленькій кусочекъ!“

Ваня сдѣлалъ видъ, будто не понимаетъ, и гордо пошелъ дальше.

Морданъ всталъ, потянулся и, жалобно мяукая, послѣдовалъ за своимъ хозяиномъ.

Мяуканье кота привлекло вниманіе бѣленькой Мяушки, Нютиной любимицы.

Она также присоединила свой голосокъ къ пѣнію Мордана, но Ваня по прежнему шагаль впередъ, даже не взглянувъ на нее.

На звонкій концертъ прибѣжали еще три кошки: Матросикъ, Пушокъ и Бѣлянка.

Такимъ образомъ Ваня очутился во главѣ пятерыхъ, отчаянно мяукающихъ кошекъ.

Онъ шелъ, медленно откусывая кусокъ за кускомъ, чѣмъ еще больше раздраживалъ аппетитъ окружавшей его разбойничьей шайки.

Морданъ первый рѣшился на болѣе энергичную мѣру и схватилъ зубами Ванинъ чулокъ.

Въ то время, какъ Морданъ атаковалъ правую ногу, Мяушка ухватила за лѣвую.

— Подѣлись съ нами, а то не пустимъ тебя дальше! казалось, говорили ихъ устремленные на мальчика глаза.

Бѣлянка, между тѣмъ, сдѣлала прыжокъ кверху, но неожиданно проскочила мимо бутерброда. Пушокъ и Матросикъ шли передъ Ваней, пятась задомъ, и бѣднякъ прочелъ въ ихъ глазахъ такую рѣшимость полакомиться его закуской, что испугался не на шутку.

и, поднявъ высоко надъ головой бутербродъ, бросился бѣжать по направленію къ Нютиному садику.

За нимъ съ визгомъ и пискомъ понеслась голодная компанія.

Нюта сидѣла въ бесѣдкѣ и шила своей куклѣ ро-

зовое платье, когда въ дверяхъ показалось испуганное лицо Вани и преслѣдующіе его хищники.

Не успѣла еще дѣвочка подняться на выручку своего пріятеля, какъ тотъ спотыкнулся о подвернувшегося подъ ноги Пушка и выронилъ изъ рукъ злосчастную тартинку.

Морданъ, Мяушка, Бѣлянка, Пушокъ и Матросикъ въ мигъ подѣлились давно желаннымъ лакомствомъ, не оставивъ отъ него и крошечки.

— О, моя ветчина, ветчина!—заплакалъ Ваня,—я нарочно приберегъ ее на закуску. Противныя кошки-и...

— Не плачь, Ваня! смотри, что у меня тутъ есть,—сказала Нюта, подымая его съ пола.

— О—а—о!—вскричалъ Ваня,—вѣдь это Петрушка!

— Да, Петрушка,—отвѣтила дѣвочка,—посмотри, какой большой и нарядный.

— Какой парадный! какой парадный!—повторилъ, все еще плача, мальчикъ.

— Не парадный, а нарядный. Знаешь, кто мнѣ его подарилъ? Дядя.

— А умѣетъ онъ говорить?

— Умѣетъ! Вотъ послушай-ка.—Нюта нажала грудь Петрушки, и тотъ началъ пищать.

— Ахъ, какъ хорошо!—бормоталъ на половину утѣшенный Ваня, который никогда не видалъ такой игрушки.

— Ваня, давай танцевать, ты возьми Петрушку за одну руку, я за другую, вотъ такъ! Дай мнѣ еще твою руку, теперь начнемъ кружиться!

Эй, Петрушка, поскачи!

Ножками, ножками попляши!

запѣли дѣти, кружась по бесѣдкѣ.

Когда Ваня совсѣмъ забылъ про свое несчастье, Нюта оставила его одного играть съ куклой.

— Ты посиди съ Петрушкой, а я пойду полью ту грядку... видишь, какъ ее солнце высушило, кстати она въ тѣни и самый разъ ее напоить; сиди только смирно, пока я принесу свою лейку.

— Зачѣмъ тебѣ искать свою лейку, вотъ стоитъ же одна съ водой!

— Это Іоакимова, она слишкомъ тяжела для меня.

— Вотъ еще, она легонькая!

— Не спорь, Ваня, намъ ее не поднять, подожди минутку и не урони Петрушку.

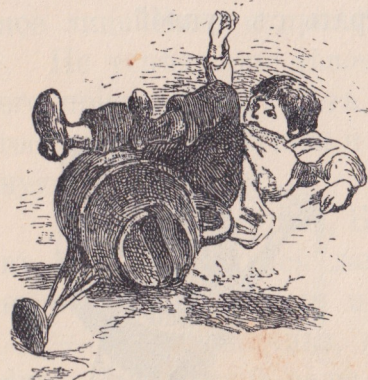

Едва успѣла Нюта уйти, какъ мальчикъ подошелъ къ дѣдушкиной лейкѣ.

Упрямый Ваня хотѣлъ доказать Нютѣ, что лейка совсѣмъ не тяжела, и съ большимъ трудомъ поволокъ ее къ грядкѣ, причемъ расплескалъ половину воды.

Вдругъ передъ нимъ

словно изъ земли выросъ Морданъ.

Ванѣ живо представилось недавнее преслѣдованіе и, не долго думая, онъ поставилъ лейку на полъ и спрятался за ней.

На этотъ разъ Морданъ не имѣлъ никакого злого намѣренія и, думая, что Ваня хочетъ съ нимъ поиграть, обошелъ кругомъ лейки и тихонько тронулъ мальчика лапкой.

Храбрецъ Ваня испугался, онъ схватилъ лейку, вскочилъ на ноги, но, не будучи въ состояніи удержать тяжести, упалъ вмѣстѣ съ нею на дорожкѣ.

Вода полилась широкой волной и обратила Мордана въ бѣгство.

— А, такъ вотъ ты какой трусъ, погоди, проучимъ тебя! — прошепталъ, подымаясь, Ваня. — Пойди, котикъ, ко мнѣ, пойди, Морданушка! — позвалъ онъ самымъ ласковымъ голосомъ непріятеля. Морданъ, ничего не подозрѣвая, подошелъ ближе и прыгнулъ къ Ванѣ на руки.

Этого только и ждалъ мальчикъ.

— Ахъ, ты скверный, гадкій котъ! поплатишься ты мнѣ

теперь за мой завтракъ. Погоди, голубчикъ, забудешь, какъ съѣдать чужую ветчину!

И, сорвавъ съ Петрушки его нарядную шляпу, Ваня сталъ напяливать ее Мордану на голову, который всѣми силами отбивался отъ этой чести.

— Вотъ такъ, господинъ Мордантъ! вы въ этой шляпѣ выглядите совсѣмъ, какъ разбойникъ. Теперь я васъ отпускаю къ вашимъ пріятелямъ Пушкѣ, Матросику, Бѣлянкѣ и Мяушкѣ, пусть они полюбуются вами, злой Мордашка!..

Въ это время на дорожкѣ показалась Нюта со своей лейкой.

— Что ты дѣлаешь?—разсердилась дѣвочка;—такъ-то ты бережешь Петрушку! сними шляпу и отпусти сію минуту кошку; я съ тобой больше играть не хочу, упрямый мальчишка! Всего Петрушку испортилъ, придется снова шляпу приклеивать,—и она взяла куклу на руки и ушла въ бесѣдку.

Ваня печально глядѣлъ въ слѣдъ удаляющейся подругѣ.

— Какой сегодня для меня несчастный день, думалъ онъ:—остался безъ завтрака, Мордашку не наказалъ и вдобавокъ еще Нюта разсердилась и навѣрное со мной сегодня играть не будетъ.

XV.

Г о с т ь .

Въ срединѣ лѣта къ Имберовымъ пріѣхала ихъ дальняя родственница со своимъ шестилѣтнимъ сыномъ Колей. Нюта была очень рада пріѣзду гостей, въ особенности маленькому шалуну Колѣ, съ которымъ она играла съ утра до вечера.

Коля съ перваго дня своего пріѣзда не поладилъ съ Ваней и не хотѣлъ играть съ нимъ. Бѣдному Ванѣ часто приходилось издали поглядывать на игрушки Коли и не принимать участія въ его играхъ.

Иногда впрочемъ Нюта заставляла мальчиковъ играть вмѣстѣ, но лишь только они сходились, какъ сейчасъ же затѣвали ссоры и споры.

Однажды Коля возилъ въ тачкѣ песокъ по аллеѣ, Нюта нянчила свою куклу Любу, а Ваня стоялъ издали за деревомъ и съ завистью поглядывалъ на играющихъ.

— Нюта, для чего здѣсь копаютъ землю?—спросилъ Коля, указывая на лужокъ.

— Здѣсь будетъ бассейнъ съ болотными растеніями,—поспѣшилъ отвѣтить стоящій за деревомъ Ваня.

— А что тутъ еще строить?

— Оранжерею, гдѣ мы разведемъ тепличныя растенія,—сказала Нюта.

— Тогда у тебя будетъ очень красиво!

— Развѣ теперь здѣсь не красиво?—спросила немного обидѣвшись дѣвочка.—Посмотри, чего-чего у меня нѣтъ: лиліи, розы, маргаритки, піоны, гвоздика...—и она стала перечислять по названіямъ всѣ свои цвѣты.

Коля съ удивленіемъ слушалъ ее.

— Откуда ты знаешь всѣ названія?

— Отъ Іоакима! ты его еще не знаешь, это нашъ старый садовникъ, я его очень-очень люблю.

Ваня нѣсколько разъ порывался подойти къ дѣтямъ, но Коля ни разу не взглянулъ въ его сторону, и бѣднякъ рѣшилъ, что лучше стоять за деревомъ и смотрѣть на нихъ.

— Ахъ, я потеряла мою брошку!—вскрикнула вдругъ Нюта, дотронувшись до ворота своего платья, и съ плачемъ опустилась на скамейку.

При видѣ Нютиныхъ слезъ, Коля самъ чуть не заплакалъ.

— Не плачь, Нюта, прошу тебя не плачь! погоди, когда я вырасту большимъ, какъ Вѣра, то куплю тебѣ точно такую же брошку!—утѣшалъ онъ плачущую дѣвочку.

— Нюта, о чемъ ты плачешь?—спросилъ Ваня, робко приблизившись къ скамейкѣ.

— Ахъ, Ваня, со мной случилось несчастье! Я потеряла мою брошку!—и она снова заплакала.

Ваня радостно подбѣжалъ къ дѣвочкѣ, причеиъ недружелюбно посмотрѣлъ на Колю.

— Я пойду поищу ее!—сказала Нюта и встала, намѣреваясь идти.

Но Ваня не трогался съ мѣста и крѣпко ухватился за Нютино платье.

— Ты потеряла?—спросилъ онъ быстро.

— Да, я!

— Что?

— Мою брошку, которую Вѣра подарила мнѣ въ день моего рожденія.

Она хотѣла высвободить свое платье, но мальчикъ еще крѣпче ухватился за него.

— Пусти же меня!

— погоди, Нюта, вотъ возьми, и онъ подалъ ей маленькую гранатовую звѣздочку.

— Моя брошка, моя милая брошка! — вскричала Нюта, — гдѣ ты ее нашелъ?

— На дорожкѣ возлѣ балкона, только я не зналъ, что это твоя; я хотѣлъ тебя спросить, не знаешь-ли ты, чья она, да только боялся подойти... вотъ онъ все дерется и вчера хотѣлъ драться, — отвѣтилъ Ваня, взглянувъ исподлобья на Колю.

— Милый Ваня, Коля не будетъ больше съ тобой драться; хочешь, я подарю тебѣ Петрушку? — сказала, обрадовавшись, Нюта.

— Какого? Того, который въ шляпѣ? — пробормоталъ краснѣя Ваня.

— Того самаго, вѣдь знаешь!

— Петрушка, Петрушка со шляпой мой, Петрушка со шляпой мой! — закричалъ Ваня, не будучи въ состояніи сдержать своего восторга.

Дѣти были такъ счастливы и рады находкѣ, что вскорѣ совершенно забыли свои недавнія ссоры и шумно провозились до самаго ужина.

XVI.

Свѣтляки.

Колю, какъ маленькаго, укладывали спать рано, Нюта же всегда ложилась поздно. Она обыкновенно сидѣла со своими на террасѣ или болтала съ Іоакимомъ на его завѣтной скамеечкѣ подѣ тѣнистымъ дубомъ.

Въ одинъ вечеръ Іоакимъ ушелъ въ сосѣднее имѣніе въ гости, большіе вели между собою неинтересный для дѣвочки разговоръ, и Нюта отъ нечего дѣлать пошла бродить въ потьмахъ по большой аллеѣ, огибающей домъ.

— Нюта, ты?—послышался шепотъ Вани.

— Я, а что?

— Пойдемъ къ рѣкѣ, что я тебѣ покажу.

На темномъ, почти черномъ небѣ сверкали крупныя, яркія звѣзды; садъ благоухалъ, цвѣты и травы наперерывъ отдавали тихой ночи свои чудные ароматы, даже скромная фіалка и та посылала блестящимъ звѣздамъ нѣжное, дивное благоуханіе.

Подъ деревьями стояла такая темень, что только привычный глазъ Вани могъ различать дорогу; дѣти, держась за руки, шли храбро впередъ, до нихъ уже ясно доносился шумъ воды, какъ вдругъ Нюта съ изумленіемъ остановилась. Вся трава кругомъ искрилась, то вспыхивающими, то угасающими свѣтлыми точками.

— Что это! упавшія звѣздочки?—прошептала Нюта.

— Ха-ха-ха!—разсмѣялся Ваня,—какія вы въ городѣ чудныя... звѣзды! развѣ звѣзды свѣтятся на травѣ? это свѣтляки!

— Свѣтляки—протянула Нюта,—что это такое?

— Свѣтлячекъ и есть свѣтлячекъ и больше ничего,—отвѣтилъ серьезно Ваня.

— Ты, Ваня, и самъ не знаешь, пойду лучше спрошу папу.

— И баринъ тоже самое тебѣ скажетъ; а то что еще?—твердилъ мальчикъ.

Нюта не хотѣла идти дальше къ рѣкѣ и вернулась домой.

Вся семья сидѣла еще на балконѣ, когда дѣти вернулись обратно.

— Папочка, что такое свѣтлякъ?—спросила дѣвочка, подымаясь съ Ваней по ступенькамъ.—Знаешь, то,

что свѣтитса въ травѣ близъ рѣчки: я думала, что это упавшія съ неба звѣзды.

Всѣ громко разсмѣялись.

— О, дѣвочка, еслибы звѣзды могли падать на землю,—отвѣтилъ, улыбаясь, Василій Ивановичъ,—онѣ раздавили бы ее, какъ стекло.

— Развѣ звѣзды большія? онѣ кажутся такими маленькими!

— Звѣзды такъ же велики, а многія даже больше солнца, которое въ свою очередь во много, много разъ больше земли. Звѣзды тѣ же солнца, освѣщающія другія планеты, быть можетъ, похожія на нашу землю.

— Папочка, расскажи мнѣ про нихъ!

— Ты еще мала, крошка! вырастешь, тогда все узнаешь, а теперь послушай про свѣтящихся червячковъ, или, какъ ты ихъ назвала, свѣтляковъ.—Въ обществѣ совершенно ошибочно принято называть этихъ насѣкомыхъ свѣтящимися червячками; это не вѣрно, на самомъ дѣлѣ это мягкотѣлые жуки; у самца есть крылья, и онъ летаетъ, хотя его мягкое, продолговатое, коричневое тѣльце и похоже на червячка, самка же безкрылая, похожа на свою личинку.

— Но какъ они свѣтятся?

— На одномъ концѣ тѣла у нихъ находится маленькая точка, которая по волѣ насѣкомаго можетъ выпускать фосфорическій свѣтъ.

— Мнѣ не запомнить такого труднаго слова; я и не понимаю, что оно значить,—пробормотала Нюта.

— Ты вѣдь знаешь, что головка у спичекъ сдѣлана изъ вещества, называемаго фосфоромъ.

— Знаю.

— А замѣтила ты, что когда спичкой чиркаютъ въ темнотѣ по стѣнѣ, то на ней остается свѣтлая полоса?

— Это я люблю дѣлать! — прошепталъ несмѣло Ваня.

— И напрасно! ты можешь такимъ образомъ спалить домъ; очень дурно, когда дѣти играютъ со спичками, — замѣтилъ строго Василиій Ивановичъ. — Эта свѣтящаяся черта происходитъ отъ фосфора на головкахъ спичекъ.

— Значить, свѣтляки суть живыя спички? — сказала Нюта, глядя загорѣлую руку Вани, смущенно глядѣвшаго въ сторону.

— Если хочешь, да...

— Гдѣ же они живутъ? — перебила Нюта.

— Въ продолженіе всего дня свѣтляки живутъ въ густой травѣ, — продолжалъ Василиій Ивановичъ, — но въ тихіе теплые вечера они всѣ выползаютъ наверхъ, чтобы насла-

диться чистымъ воздухомъ. Самцы съ удовольствіемъ расправляютъ крылья и принимаются летать, они-то и мелькаютъ, какъ огненные точки надъ травой; самки же не имѣютъ крыльевъ и должны оставаться на землѣ; тѣмъ не менѣе онѣ нисколько не завидуютъ своимъ крылатымъ братьямъ, а остаются играть въ травѣ, освѣщая себя отъ поры до времени фосфорическимъ свѣтомъ.

— Однако, какъ ни пріятно слушать, а пора спать, поздно! — сказала Ольга Дмитріевна, вставая.

Ваня тоже заторопился.

Нюта распростилась со всѣми и ушла къ себѣ, но долго не могла уснуть и все думала, какъ все чудно и интересно въ Божьемъ мірѣ.

Со дня прїѣзда Коли въ усадьбу прошло болѣе трехъ недѣль, но, несмотря на этотъ промежутокъ времени, мальчики все еще не сошлись, а продолжали или чуждаться, или ссориться другъ съ другомъ.

Коля первый всегда затрогивалъ Ваню; то онъ дразнилъ его тѣмъ, что Нюта больше съ нимъ играть не будетъ, то онъ насмѣхался надъ нимъ или, въ лучшемъ случаѣ, передразнивалъ Ванину рѣчь съ сильно южнымъ акцентомъ.

— Хоть бы скорѣе онъ убрался—думалъ Ваня, стоя у Нютиной любимой гряды, гдѣ пышно расцвѣталъ кустъ махровыхъ розъ.

Изъ-за бесѣдки, гдѣ стояли Нютины садовые инструменты—маленькая тачка, лопатка, грабли, лейка, вилы,—выглянула Колина головка.

— Что ты тамъ дѣлаешь?—крикнулъ Ваня.

— А тебѣ что за дѣло! самъ ты что тамъ дѣлаешь?

— Жду Нюту, чтобы играть съ ней.

— Вотъ какъ, а если я не позволю ей съ тобою играть!—крикнулъ Коля и подскочилъ къ Ванѣ.

— Она тебя не послушается!

— Нѣтъ, послушается! Послушается! а то я не буду съ ней играть—ужъ, конечно, она выберетъ меня.

— Увидимъ, кого она выберетъ!

— Конечно, меня.

— Неправда, меня.

— Нѣтъ, меня.

— Меня!

— Не смѣй ко мнѣ подходить!—кричалъ Коля.

— Я тебя не боюсь!

И въ доказательство своихъ словъ Ваня дотронулся до Колиной курточки.

Коля покраснѣлъ со злости и такъ толкнулъ Ваню, что тотъ покачнулся, но быстро оправился и съ своей стороны толкнулъ противника.

Между мальчиками завязалась драка, во время которой то одинъ, то другой, а то и оба вмѣстѣ падали на грядку, причемъ изломали прелестный, весь въ цвѣтахъ, розовый кустикъ.

— Что вы дѣлаете?—услышали они за собою прерывающійся отъ волненія голосъ Нюты.

— Ахъ, мой розанъ, мой чудный розанъ!—заплакала она при видѣ изломаннаго мальчиками куста, вокругъ котораго въ беспорядкѣ валялись смятые цвѣты и листья.

Въ пылу битвы воины и не замѣтили разрушенія, но теперь они стояли передъ плачущей дѣвочкой съ опущенными отъ стыда глазами.

— Извини меня!—прошептали въ одинъ голосъ оба, но Нюта была такъ огорчена потерей любимаго цвѣтка, что неутѣшно плакала.

Іоакимъ, возившійся у оранжереи, услышалъ ея плачъ и, насколько позволяли ему костыли, поспѣшилъ къ мѣсту битвы.

Онъ сразу догадался, кто натворилъ бѣду. Ему самому жаль было пышнаго куста, который онъ посадилъ и за которымъ такъ заботливо ухаживалъ.

— Не плачьте, барышня, у меня есть другой кустъ еще лучше этого; я завтра на зарѣ его посажу на мѣсто поломаннаго; быть можетъ, и этотъ у меня еще поправится.

— А съ тобою я потомъ поговорю, теперь ступай домой и не смѣй до вечера выходить въ садъ!—обратился онъ къ Ванѣ.

Колю также наказали.

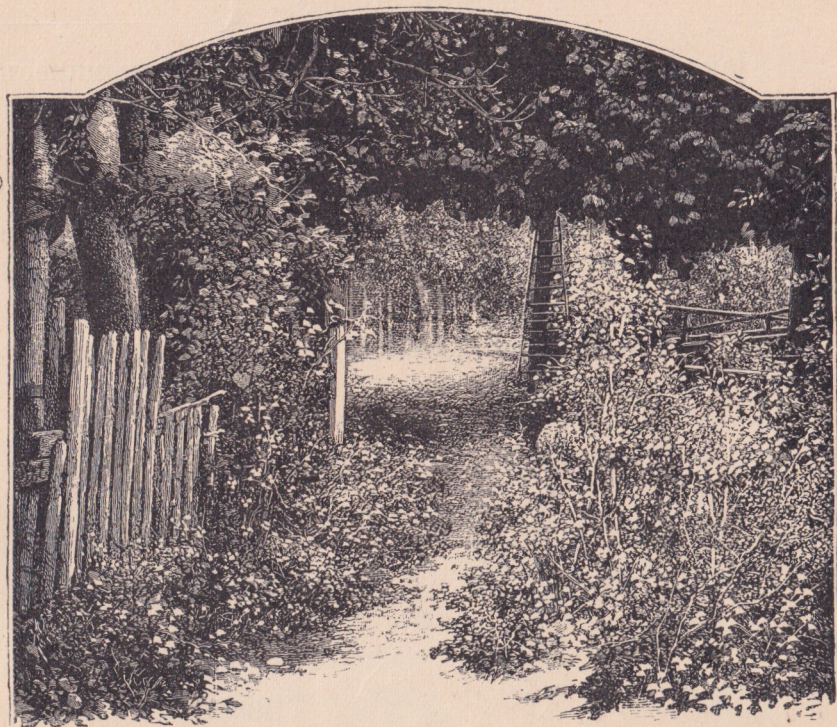
Нютъ и двумъ наказаннымъ мальчикамъ, сидѣвшимъ по своимъ комнатамъ, было одинаково скучно.

„Пожалуй, я виновать!“ — думалъ, сидя у окна, Коля, — „завтра я извинюсь передъ Ваней, — онъ славный мальчикъ, и съ чего я полѣзъ драться!“

„Бѣдный Коля“, — думалъ въ свою очередь Ваня, — „съ чего я на него сердился? Не затѣй я первый драки, не сломали бы мы куста и не сидѣли бы, какъ филины, по угламъ“.

Ваня далъ себѣ слово не сердиться больше на Колю, и помириться съ нимъ навсегда.

XVII.

Нютинъ огородъ.

Болѣе недѣли пришлось бѣдной Нютѣ просидѣть въ комнатахъ: у ней болѣло горло и мама не выпускала ее въ садъ; дѣвочка очень скучала и не могла дожидаться времени, когда опять будетъ бѣгать съ Ваней и Колей по дорожкамъ.

Еще больше тянуло ее въ свой садъ, гдѣ, какъ она слышала, Іоакимъ что-то устраиваетъ къ ея выздоровленію.

Наконецъ сняли съ нея ненавистный компрессъ, дали послѣднюю ложку лекарства и на другой день позволили выйти въ садъ.

Нютъ казалось, что никогда еще не свѣтило такъ ярко солнце, не пѣли такъ громко птицы, какъ въ тотъ день, когда она, послѣ недѣльнаго заключенія, снова могла бѣгать и рѣзвиться на воздухѣ.

Въ саду ожидала ее большая радость: пустопорожнее мѣсто, лежащее за бесѣдкой, на которомъ росла сорная трава, превратилось въ одну недѣлю въ прекрасный, только что засѣянный огородъ.

Нюта глазамъ своимъ не вѣрила. Множество грядокъ изъ черноземной, смѣшанной съ навозомъ, земли тянулось по всѣмъ на-

правленіямъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были покрыты стеклами, блестящими на солнцѣ.

Молоденькіе всходы овощей: огурцовъ, салата, спаржи, редиски и моркови смѣло подымались кверху, не обращая вниманія на раскидистую разсаду капусты, расположившуюся по краямъ грядъ.

На солнцекѣ, изъ-подъ стеклянныхъ, запотѣвшихъ рамъ выглядывали широкіе, круглые листья душистыхъ дынь и сочныхъ арбузовъ.

Нюта со всѣхъ ногъ бросилась къ домику садовника.

— Иоакимушка, спасибо тебѣ, какой ты мнѣ огородъ устроилъ, ни у кого такого нѣтъ. И какое мѣстечко выбралъ! солнечное, защищенное отъ вѣтра! А я все удивлялась, почему у тебя зарастаетъ травой такой славный уголъ. Какъ я рада, какъ я рада и сказать не могу!—трещала она однимъ духомъ, ласково сжимая мозолистую руку старика.

Дни стояли жаркіе, ровные, благодатные—въ растительномъ царствѣ все расло и цвѣло.

Нюта большею частью возилась съ Иоакимомъ на огородѣ, предоставивъ всѣ свои игрушки Колѣ и Ванѣ, которые послѣ своей драки сдѣлались большими пріятелями.

Въ одно знойное, почти душное утро, какихъ въ Крыму лѣтомъ не мало, Нюта вышла въ садъ; несмотря на ранній часъ, Иоакимъ уже копался въ огородѣ.

Дѣвочка, желая его напугать, подошла къ нему сзади, старикъ отлично ее видѣлъ, но ни малѣйшимъ движеніемъ не показывалъ ей этого.

— Ау-у-у!

— Ахъ!—вскрикнулъ, подымаясь садовникъ,—вотъ напугала! думалъ, Богъ вѣсть, кто подкрался...

— Ха-ха-ха! какъ ты уморительно вскочилъ!—смѣялась рѣзвуха, радуясь своей выдумкѣ.

Иоакимъ опять опустился передъ грядкой, которую онъ до прихода Нюты полоть.

— Что это за цвѣты!—воскликнула она, взглянувъ на гряду, по которой стелились молодые побѣги дынь съ желтыми цвѣтами.

Старикъ улыбнулся:

— Это цвѣтетъ дыня,—сказалъ онъ.—Вотъ, барышня, посмотримъ, у кого глаза зорче, у меня или у

вась? Всмотритесь въ эти цвѣтки и скажите, какую разницу вы находите между ними?

— Я ничего не вижу. Они всё одинаковы.

— Рассмотрите хорошенько вотъ эти два цвѣтка, растущіе рядомъ на одномъ побѣгѣ.

Нюта внимательно разсмотрѣла ихъ и радостно воскликнула:

— У одного есть снизу выпуклость, а у другого нѣтъ!

— Зоркіе у васъ глазки. Замѣьте, что только тѣ цвѣты, у которыхъ есть выпуклость внизу, даютъ намъ плоды, т. е. дыни, тѣ же, у которыхъ нѣтъ выпуклости, цвѣтутъ и опадаютъ.

— Отчего?

— А вотъ сейчасъ узнаете!—посмотрите вмѣстѣ внутренность ихъ.

Оборвавъ лепестки у того и другого, Нюта убѣдилась, что цвѣты безъ нижней выпуклости имѣютъ только однѣ тычинки, а тѣ, у которыхъ есть нижняя выпуклость, тычинокъ не имѣютъ, а снабжены столбикомъ и завязью, которая и составляетъ выпуклость цвѣтка.

— Ты сказалъ, что въ природѣ нѣтъ бесполезныхъ предметовъ, а по моему, тычинковые цвѣты совершенно бесполезны,—сказала дѣвочка.

— Вы ошибаетесь! Еслибы я теперь срѣзалъ тычинковые цвѣты, то плодниковые не увеличились и не дали бы дынь,—отвѣтилъ старикъ.

— Это почему?

— Припомните, что я вамъ раньше говорилъ; тычинки служатъ для того, чтобы отправлять свою цвѣточную пыль на верхній кончикъ столбика, т. е. на рыльце.

— Помню!

— Слѣдовательно, если сорвать тычинковые цвѣты, т. е. такіе, которые имѣютъ только тычинки, но не имѣютъ ни столбика, ни завязи, то они уже не будутъ въ состояніи распредѣлять цвѣточную пыль на плодниковые, у которыхъ имѣются столбикъ и завязь.

— Но развѣ безъ цвѣточной пыли не можетъ завязь превратиться въ плодъ?

— Нѣтъ, не можетъ! Знаете, какіе дѣлали опыты: срѣзали на одномъ и томъ же стеблѣ всѣ тычинковые цвѣты и вытряхивали ихъ на чистый листъ бумаги. Собранную цвѣточную пыль относили обратно въ садъ и посредствомъ кисточки осторожно накладывали на рыльце столбика. И, представьте себѣ, тѣ цвѣты, на которые попадала плодотворная пыль, превращались въ дыни, а тѣ, которые не были тронуты кисточкой,—не дозрѣвали.

— А я думала, что тычинки и столбики находятся всегда въ одномъ и томъ же цвѣткѣ! Я и не подозрѣвала, что они могутъ находиться въ разныхъ цвѣткахъ.

— Не только на разныхъ цвѣткахъ, но даже на разныхъ деревьяхъ одного и того же вида,—сказалъ Іоакимъ.—Такъ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ пальмъ, фисташковыхъ и финиковыхъ деревьевъ, у ивъ и тополей тычинковые цвѣты сидятъ на одномъ деревѣ, а плодниковые на другомъ, и притомъ случается, что деревья растутъ даже въ нѣсколькихъ верстахъ другъ отъ друга.

— Кто же тогда переноситъ цвѣтень съ одного цвѣтка на другой?—спросила дѣвочка.

— Это обыкновенно дѣлаетъ вѣтеръ, но у цвѣтовъ

есть еще и другіе помощники, которые тоже охотно переносятъ ихъ плодотворную пыль. Я вамъ расскажу, что мнѣ лично довелось видѣть и слышать.—Въ одномъ саду росло фисташковое дерево съ плодниковыми цвѣтами; оно, хотя и цвѣло, но плодовъ никогда не давало и росло только для украшенія сада. Садовникъ, ходившій за деревьями, однажды весною съ изумленіемъ замѣтилъ, что, послѣ отпаденія цвѣтовъ, у этого дерева начала зрѣть завязь. „Вѣрно по сосѣдству посадили такое же дерево, но съ тычинковыми цвѣтами“, подумалъ онъ и отправился на поиски. Но кругомъ, на нѣсколько верстъ въ окружности, нигдѣ не находилось фисташковыхъ деревьевъ. Уже позже узналъ онъ, что во многихъ верстахъ отъ него, въ одной усадьбѣ, цвѣло въ первый разъ такое же дерево съ тычинковыми цвѣтами...

— Кто же перенесъ пыль? Развѣ вѣтеръ можетъ нести ее такъ далеко?—спросила Нюта.

— Нѣтъ, не вѣтеръ, ее принесли вотъ эти крошки, и Іоакимъ указалъ на золотистую пчелку, проворно юркнувшую въ глубину цвѣточнаго вѣнчика. Она проникла теперь къ основанію тычинокъ, чтобы полакомиться сладкимъ медомъ, выделяемымъ медовыми же-

лезками, которыя лежатъ на днѣ цвѣтка,—сказалъ Іоакимъ.—Пролѣзая туда, она своимъ мохнатымъ тѣльцемъ задѣваетъ пыльники, которые осыпаютъ ее душистымъ цвѣтнемъ, какъ пудрой. Когда пчелка насытится, она перелетаетъ на другой цвѣтокъ, потомъ на третій, и т. д., погружаясь всегда во внутрь его, причемъ каждый разъ, когда входитъ въ плодниковый цвѣтокъ, она волей-неволей затрогиваетъ липкое рыль-

це плодника, на которомъ и оставляетъ часть принесенной пыли.

— Вы видите, что цвѣты недаромъ угощаютъ пчелокъ, бабочекъ и другихъ насѣкомыхъ сладкимъ сокомъ: вся эта летающая мелюзга оказываетъ имъ за это большую услугу, перенося съ одного цвѣтка на другой цвѣточную пыль. По всей вѣроятности какая-нибудь пчелка или мушка такъ же принесла и плодотворную пыль съ одного фисташковаго дерева на другое. До чего сама природа заботится о томъ, чтобы насѣкомыя переносили пыльце съ цвѣтка на цвѣтокъ, видно изъ того, что всѣ тѣ растенія, которыя опыляются благодаря насѣкомымъ, отличаются яркостью лепестковъ и сильнымъ запахомъ. Запахъ и яркій цвѣтъ привлекають крылатыхъ разносчиковъ. Такъ, напримеръ, высоко въ Альпахъ, гдѣ насѣкомыхъ мало, маленькіе цвѣты отличаются большими, яркими лепестками, чтобы сразу броситься въ глаза насѣкомымъ. Между тѣмъ цвѣты, которые опыляются посредствомъ вѣтра, очень малы и почти не окрашены.

— Не могу выразить, Іоакимъ, какъ я тебѣ благодарна за всѣ твои объясненія, которыя ты мнѣ даешь,—сказала Нюта;—я многому научилась у тебя.

XVIII.

Д Ы Н И.

Старикъ отъ всей души полюбилъ милую, добрую дѣвочку; всякое изъясненіе радости съ ея стороны онъ принималъ съ особеннымъ удовольствіемъ.

Такъ было и теперь, но, желая скрыть это отъ Нюты, онъ перебилъ ее:

— А мы такъ и забыли о нашихъ дыняхъ: я увлекся другимъ и не рассказалъ вамъ, какъ получается этотъ вкусный фруктъ, который вы любите.

— Помните, какъ я ранней весною сажалъ въ оранжереяхъ сѣмена; черезъ нѣсколько дней изъ земли выглянули одинъ за другимъ стебельки. Имъ тамъ было тѣсно, и я пересадилъ ихъ сюда въ огородъ, давъ каждому много простору. Дыни — растенія теплыхъ странъ, и потому ихъ необходимо беречь отъ холода;

для этого я покрываю ихъ стеклянными рамами. Когда стебель начинаетъ сильно расти и стлаться по землѣ, я долженъ оборвать ногтями длинные побѣги, иначе они разрастутся и отнимутъ всѣ соки у растенія. Послѣ этой операціи стебли крѣпнютъ и начинаютъ цвѣсти. Затѣмъ я осматриваю завязи и безъ всякаго сожалѣнія срываю ихъ. Оставляю только три или четыре на одномъ и томъ же растеніи...

— Для чего же ты это дѣлаешь?—перебила его Нюта.

— Для того, чтобы побѣги весь свой запасъ сладкаго сока накопили лишь въ немногихъ дыняхъ, тогда онѣ вырастутъ крупными и сочными. Если же на стебляхъ оставить много плодовъ, то соки и сахаръ распредѣляются по всѣмъ и дыни получаются мелкія и невкусныя.

— Отчего дыни такія мясистыя и откуда берется ихъ сладкая мякоть?—спросила Нюта.

— Вотъ послушайте, я вамъ объясню, откуда берется ихъ мясистая, вкусная мякоть. Вы знаете, что плодъ состоитъ изъ двухъ частей: изъ сѣмени и завязи; когда дыня, т. е. плодъ, начинаетъ зрѣть, то стѣнки завязи превращаются въ мясистую, пропитанную сахаристой жидкостью, оболочку, называемую *околоплодникомъ*...

— Который назначенъ для такихъ маленькихъ лакомокъ, какъ я!—перебила старика Нюта.

— Ну, нѣтъ, ошибаетесь! мясистый сладкій околоплодникъ имѣетъ совершенно иное назначеніе: онъ долженъ предохранять сѣмена, такъ какъ они еще не дозрѣваютъ къ тому времени, когда дыня уже вполнѣ созрѣла.

Чтобы изъ сѣмячка дыни выросло растеніе, надо

ждать годъ или два. Если сѣмячко посѣять сейчасъ же, какъ мы сѣдимъ мякоть, то изъ него ничего не вырастетъ.

— Значить, природа не для насъ приготовила дыни!— воскликнула Нюта.

— Совсѣмъ не для насъ,—улыбнулся Іоакимъ,—а единственно съ цѣлью охранять и беречь сѣмена, пока они не будутъ въ состояніи проростать въ землѣ.

— Какимъ же образомъ сѣмена выходятъ изъ дыни, когда онѣ созрѣютъ?—спросила Нюта.

— Когда сѣмя уже готово, тогда стѣнки дыни растрескиваются и изнутри выпадаютъ готовые сѣмена, которыя можно сейчасъ же посѣять.

— Какая дыня умница! какъ она заботится о своихъ дѣткахъ-сѣменахъ,—сказала Нюта...

— Нюта! Нюта! гдѣ ты? я ищу тебя цѣлый часъ,—кричалъ Коля, покраснѣвши отъ поисковъ.—Я весь садъ обѣгалъ, а ты вонъ гдѣ! Иди, папа тебя ищетъ.

Вслѣдъ за Колей въ огородъ вошли Василій Ивановичъ съ Колиной мамой.

— Какая ты богачка!—сказалъ Василій Ивановичъ,—чего-чего у тебя тутъ только не водится: я думаю у насъ въ оранжереѣ такихъ овощей и фруктовъ не найдешь, какихъ Іоакимъ тебѣ развелъ!

На грядкахъ краснѣла крупная садовая земляника-Викторія и красовалась молочно-бѣлая душистая клубника, которая растетъ въ Крыму.

— Ну-ка, профессоръ, какъ размножается земляника? Небось, не знаешь?—обратился папа къ Нютѣ.

— Нѣтъ, знаю! Земляника размножается своими побѣгами,—отвѣтила Нюта, довольная, что можетъ при Іоакимѣ блеснуть своими познаніями въ ботаникѣ.

— Что это такое побѣги?—спросила Вѣра, которая, по своему нездоровью, не могла всегда бывать съ сестрою и Іоакимомъ и потому знала гораздо меньше своей младшей сестры.

— Погоди, Вѣра, я тебѣ это объясню на самомъ растеніи, какъ дѣлаетъ всегда Іоакимъ,—сказала Нюта.— Посмотри: изъ угловъ зеленыхъ листьевъ вырастаютъ длинные усы или побѣги; они растутъ очень быстро и скоро сами укореняются въ землю; верхушка побѣга начинаетъ разрастаться въ толщину и выпускаетъ къ низу корни, а къ верху листья. Въ то же время усики, соединяющій старый кустикъ съ молодымъ, засыхаетъ и, такимъ образомъ, появляется молодой отдѣльный кустикъ, который, въ свою очередь, размножается точно такъ же.

— Еще я знаю,—продолжала весело Нюта,—что дождевая вода очень вредна для земляники, потому что ягода напитывается ею и становится оттого водянистою. Передъ дождемъ мы съ Іоакимомъ всегда поливаемъ землянику колодезной водою.

— Это для чего?—удивилась Вѣра.

— Для того, чтобы моя земляника, напившись колодезной воды, не была въ состояніи пить дождевую,—отвѣтила Нюта.

— Откуда беретъ земляника такую вкусную душистую мякоть?—спросила Колина мама, обращаясь къ Нютѣ.

— Это околоплодникъ,—отвѣтила дѣвочка, припоминая, что ей говорилъ старикъ по поводу дынь.

— А вотъ, профессоръ, и ошибся,—подхватилъ, смѣясь, отецъ,—сладкая мякоть земляники и винной ягоды происходитъ совсѣмъ отъ другого; у дынь становятся мясистыми стѣнки завязи, а въ этихъ фруктахъ разростается *цвѣтоложе* (т. е. стеблевая вѣточка, на которой сидитъ цвѣтокъ) въ красное съѣдобное плодоложе. Разрѣжь осторожно землянику на двѣ половинки, и ты увидишь, что въ красномъ плодоложѣ сидитъ множество плодиковъ въ видѣ жесткихъ орѣшковъ, которые хрустятъ подъ зубами, когда ихъ ѣдятъ.

— Да ты тоже, папа, ботаникъ, а я думала, что только я да Іоакимъ!—вскричала Нюта.—За это я тебя сегодня угощу земляникой съ моего огорода.

— А мы-то что будемъ дѣлать?—смотрѣть, какъ папа ѣсть?—сказалъ печально Коля.

— Я думаю, Нюта и васъ не забудетъ,—засмѣялся Василій Ивановичъ, цѣлуя свою любимицу-дочку.

XIX.

Злое растеніе.

Въ одно воскресенье вся семья, за исключеніемъ Вѣры и Нюты, поѣхала въ близлежащую церковь къ обѣднѣ.

Утро было солнечное, знойное; солнце, казалось, не жгло, а пекло; птички попрятались, зелень бесильно опустила листочки. Бѣлыя облачка скрылись и ихъ смѣнили лиловыя, тяжелыя, грозовыя тучи съ яркими краями.

Вѣра боялась грозы и заперлась въ своей комнатѣ. Нюта, наоборотъ, любила, когда молнія ослѣпительно прорѣзывала небо, когда грохоталъ громъ и крупный дождь барабанилъ по крышѣ. Она хотѣла видѣть грозу

изъ своей бесѣдки и, чтобы не дѣлать обхода, побѣжала черезъ фруктовый садъ, а не черезъ паркъ.

Тамъ въ живой изгороди, отдѣляющей ея садъ отъ фруктоваго, Ваня давно уже устроилъ для удобства проходъ, — черезъ него Нюта и хотѣла пролѣзть, но едва она нагнулась, какъ ей точно чѣмъ-то обожгло лицо и руки, и она съ крикомъ отскочила прочь.

Нюта съ испугомъ посмотрѣла на то мѣсто, надѣясь увидѣть тамъ море огня, но тамъ только лежали смятые ею зеленые стебли крапивы.

Руки, между тѣмъ, сильно покраснѣли и покрылись бѣлыми пузырями.

Нюта, какъ и всегда, побѣжала за помощью къ своему другу Іоакиму.

Онъ натеръ ей больное мѣсто сухой землей, послѣ чего боль мало-по-малу утихла.

— Гадкая крапива! отчего она такъ жжется? и сколько разъ колола себѣ руки о шипы, но никогда не испытывала такой боли, — жаловалась она.

Старикъ осторожно срѣзалъ стебель крапивы и показалъ его дѣвчкѣ. Нюта въ первый разъ внимательно рассмотрѣла его и увидѣла массу колючихъ волосковъ, покрывающихъ стебель и листья.

— Поглядите, каждый изъ этихъ волосиковъ представляетъ изъ себя отдѣльную железку, наполненную жгучей жидкостью. Верхняя часть железки хрупка, и когда прикасаются къ ней, то она, вонзаясь въ тѣло, отламывается, а ѣдкая жидкость вливается въ то мѣсто, куда вонзилась железка. Вотъ эта-то жидкость и обожгла васъ, а натеръ я вашу ручку сухой землей, чтобы всѣ остатки волосиковъ, оставшіеся въ пузырькахъ, вышли вонъ.

— Отчего это растеніе такое злое?—спросила Нюта.

— Оно не злое, а только защищается.

— Какъ! защищается?

— Представьте себѣ, что какому-нибудь червяку вздумается поѣсть листьевъ крапивы; лакомка заразъ уничтожилъ бы весь кустикъ, но, къ счастью, жесткіе волосики служатъ стебельку отличной охраной противъ непрошенныхъ гостей. Лишь только непріятель дотрогивается до одного волосика растенія, жгучая жидкость вливается ему въ тѣло, и онъ, пораженный, падаетъ, а крапива попрежнему остается здоровой и невредимой.

— Какое счастье, что крапива не можетъ убить человѣка!—вскричала дѣвочка.

— Она не можетъ убить человѣка, но въ Индіи растетъ другой родъ крапивы, гораздо больше нашей, у которой волосики имѣютъ видъ большихъ иглъ; когда человѣкъ или звѣрь обжигаются ими, то испытываютъ сильную боль.

— Я бы не желала жить въ Индіи, тамъ все страшно—и растенія, и звѣри... У насъ, право, лучше.

— Конечно, барышня, каждому своя родина дорога...

— А что это за кусты?—спросила Нюта, указывая на живую изгородь.

— Шиповникъ.

— Ахъ, да!—вспомнила Нюта,—у насъ на сѣверѣ, гдѣ розы плохо растутъ на вольномъ воздухѣ, очень много шиповника,—я только забыла!.. Какъ его цвѣты похожи на розы.

— Шиповникъ тотъ-же розовый кустъ, только въ дикомъ видѣ,—отвѣтилъ старикъ.

— А правда, что макъ-самосѣйка похожъ на шиповникъ?—спросила опять Нюта.

— Нѣтъ, совсѣмъ не похожъ, гдѣ-же! они даже не принадлежать къ одному семейству. Вы видѣли ли когда-нибудь плодъ мака?—спросилъ, въ свою очередь, Іоакимъ.

— Нѣтъ, не видала.

— Я вамъ сейчасъ его покажу, обождите меня немного,—отвѣтилъ старикъ и отправился къ сарайчику, гдѣ у него хранились сѣмена; вскорѣ онъ вернулся съ бурой маковой головкой, похожей на коробку съ крышкой.

— Вотъ вамъ и плодъ мака: видите—эта коробка—околоплодникъ, раздѣленный перегородками на нѣсколько отдѣленій, наполненныхъ крошечными коричневыми зернышками.

-- Какъ ихъ много!

— Въ одной такой головкѣ, я думаю, болѣе трехъ тысячъ зернышекъ,—отвѣтилъ Іоакимъ.

— Для чего сѣютъ макъ? Развѣ изъ него что-нибудь готовятъ?—замѣтила дѣвочка, разглядывая маковки.

-- Изъ мака готовятъ молочный сокъ опій. Это сильный ядъ, которымъ легко отравиться, но употребленный въ маломъ количествѣ онъ очень полезенъ, какъ лѣкарство,—продолжалъ Іоакимъ.

На востокѣ опій очень любятъ и употребляютъ въ разныхъ видахъ: одни жуютъ его, другіе—курятъ, но это всегда отзывается вредно на потребителяхъ его...

— Отчего одинъ макъ такой пышный, а другой не имѣетъ много лепестковъ?—спросила Нюта.

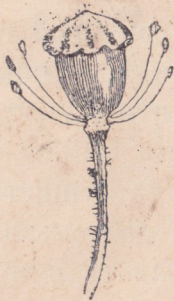
— Отъ того, что одинъ махровый, а другой макъ-самосѣйка...

Сильный громъ прервалъ рѣчь Іоакима, они еле успѣли укрыться въ бесѣдкѣ, какъ разразилась южная, короткая, но страшная гроза.

Раскаты грома, подхваченные гулкимъ эхо горъ, гремѣли, не переставая, синія молніи зигзагами бороздили небо. Проливной дождь въ нѣсколько минутъ превратилъ дорожки и лужайки сада въ большія лужи, вѣтеръ гнулъ и ломалъ деревья, выворачивалъ съ корнями кусты и цвѣты.

Зато какъ обновилась зелень, когда гроза пронеслась и ясное солнышко опять засіяло на небѣ, обогрѣвая и лаская намокшіе цвѣты!...

XX.

Неожиданное нападеніе.

Наступилъ тихій ароматный вечеръ; скрывшееся за высокими горами солнышко бросало послѣдніе пурпуровые лучи на поверхность рѣчки и верхушки деревьевъ.

Надъ садомъ стоялъ душистый, влажный ароматъ только что политыхъ цвѣтовъ; изъ густой листвы медленно сползали легкія тѣни и незамѣтно расплывались по дорожкамъ.

Іоакимъ съ Нютой поливали грядки, а Вѣра сидѣла, молча наблюдая за работающими.

Мало-по-малу ея вниманіе перешло на желтую настурцію, росшую почти въ уровень съ ея кресломъ.

Всѣ растенія стояли спокойно, словно замерли въ этотъ тихій вечерній часъ, одна настурція замѣтно двигалась и казалась оживленной между своими неподвижными подругами.

„Странно, что съ этой настурціей?“—подумала Вѣра и дотронулась до ея вѣнчика, но едва она это сдѣлала, какъ изъ глубины цвѣтка съ гнѣвнымъ жужжаніемъ вылетѣла небольшая золотисто-коричневая мохнатая пчелка, вся вымазанная въ цвѣточной пыли, и съ шумомъ опустилась на руку молодой дѣвушки.

Нападеніе произошло быстро, и Вѣра не успѣла закрыть обнаженную до локтя руку, въ которую пчела вонзила свое жало.

Отъ боли и испуга дѣвушка такъ закричала, что у Іоакима со страху выпала изъ рукъ лейка.

Нюта вмигъ очутилась около сестры, а за нею поспѣшилъ и Іоакимъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ тщательно осмотрѣлъ ранку и увидѣлъ въ ней торчащее жало, вокругъ котораго уже начала образовываться красная опухоль.

— Сбѣгайте, барышня, за стаканомъ воды съ укусомъ и позовите мамашу, она лучше моего сумѣетъ вынуть жало!—сказалъ старикъ, прикладывая пока къ ужаленному мѣсту холодную землю.

Ольга Дмитріевна, Василій Ивановичъ и Артемій Петровичъ поспѣшили къ Вѣрѣ.

Пока опухоль обмывали укусной водой, Вѣрѣ стало гораздо легче, жгучая боль утихла, но она все еще плакала и жаловалась. Больная была очень слаба, и малѣйшій испугъ всегда сильно разстраивалъ ее.

„Злая пчела, зачѣмъ она меня укусила? вѣдь я ей ничего бы не сдѣлала!...“—плакала она.

— Нѣтъ, дѣвочка, пчела вовсе не зла. Она думала, что ты ее хочешь обидѣть,—вотъ она и стала защищаться,—отвѣтилъ Василій Ивановичъ.

— Да за это еще бѣдняжка поплатилась жизнью,—

пробормоталъ Іоакимъ, подымая изъ травы трупъ пчелки.

— Какимъ образомъ она умерла? вѣдь Вѣра ее не убила,—сказала Нюта, рассматривая пушистое тѣльце.

— Она умерла отъ того, что жало ея осталось въ ранѣ; обыкновенно жало пчелы спрятано въ брюшной полости, и она выпускаетъ его только тогда, когда ей угрожаетъ опасность,—отвѣтилъ Іоакимъ.

— Бѣдная, зачѣмъ же она не вынула жало? — проговорила Вѣра.

— Пчела никогда не можетъ вытащить своего жала обратно, потому что оно твердое и зазубрено съ одной стороны какъ у пилы. Въ чужое тѣло оно входитъ легко, но тамъ зазубрины оцетиниваются и не пускаютъ его назадъ, такъ что пчелка должна оборвать его. Съ лишеніемъ жала кончается и жизнь пчелы; только въ пчелиномъ тѣлѣ пилка ея не вязнетъ и пчела, жаля другую, не умираетъ,—сказалъ Василій Ивановичъ.

— Сколько разъ я укалывалась иголками и шипами, но никогда не испытывала такой боли, какъ сегодня! — жаловалась Вѣра.

— Оно и понятно! Полое жало пчелы наполнено ядомъ, который при уколѣ вливается въ рану и воспаляетъ ее,—отвѣтилъ Іоакимъ.

— Какъ, однако, жало пчелы сходно съ волоскомъ крапивы! — перебила Нюта.

— Ахъ ты моя всезнайка! — улыбнулась мать. — Вы многому, Іоакимъ, научили Нюту и я очень жалѣю, что Вѣрочкѣ здоровье не позволяетъ также учиться у васъ. Пожалуйста расскажите намъ еще что-нибудь интересное про пчелку, авось Вѣра тогда проститъ бѣдняжкѣ ту боль, которую она ей причинила.

Старикъ привѣтливо взглянулъ на больную и подалъ ей мертвое насѣкомое.

— Посмотрите-ка, барышня, какимъ славнымъ хоботкомъ снабженъ ея ротъ; имъ она извлекаетъ изъ глубины цвѣтовъ медовый сокъ, — по всей вѣроятности, и наша пчела занималась тѣмъ же въ глубинѣ настурціи. Цвѣточный сокъ въ желудкѣ пчелы, благодаря нѣкоторымъ кислотамъ, измѣняется и превращается въ медъ...

— Видишь, Вѣра, какія онѣ добрыя: онѣ вѣдь для насъ готовятъ медъ! перебила опять Нюта.

— О, совсѣмъ нѣтъ! засмѣялся дядя, — онѣ его готовятъ только для себя и больше ни для кого въ мірѣ. Неужели ты думаешь, что пчела неумоимо трудится съ утра до вечера, собирая по капелькамъ въ чашечкахъ цвѣтовъ сладкій медъ и пергу, или цвѣточную пыль, только для того, чтобы ты его отвѣдала?

— Но если онѣ готовятъ медъ только для себя, откуда берется тотъ, который мы ѣдимъ?

— Очень просто, мы беремъ изъ ихъ ульевъ излишекъ, который имъ не нуженъ.

— Зачѣмъ же имъ медъ, — развѣ онѣ его ѣдятъ?

— И сами ѣдятъ и кормятъ имъ своихъ дѣтокъ. Въ Европѣ, т. е. въ той части свѣта, гдѣ мы живемъ, пчелы, такъ сказать, домашнія насѣкомыя. Человѣкъ ихъ воспитываетъ, строитъ имъ жилище и всячески заботится о нихъ; за это онъ беретъ у нихъ только тотъ излишекъ меда и воска, который имъ совершенно не нуженъ.

Но не вездѣ такъ... въ Америкѣ, напримѣръ, пчелы живутъ на свободѣ громадными обществами. Онѣ выбираютъ дуплистыя деревья или углубленія въ утесахъ, куда и прячутъ свой медъ.

Краснокожіе индѣйцы, обитатели этой страны, большіе охотники до меда и выслѣживаютъ гнѣздо съ поразительною хитростью.

Когда они замѣчаютъ въ лѣсу или въ полѣ на цвѣтахъ пчелъ, то, съ свойственной имъ однимъ осторожностью, ловятъ ихъ и сажаютъ въ ящичекъ, стѣнки котораго вымазаны медомъ. Черезъ нѣкоторое время они выпускаютъ одну изъ своихъ плѣнницъ.

Та, конечно, моментально направляется домой, чтобы отдать въ общую кладовую свой сборъ меда, который она набрала въ полѣ и въ ящичкѣ.

Своими зоркими глазами охотники слѣдятъ за нею, пока не потеряютъ изъ виду; тогда они идутъ къ тому мѣ-

сту, гдѣ пчела скрылась, и выпускають вторую; и эта также направляетъ свой полетъ по направленію къ дому.

Такимъ образомъ, выпуская пчелу за пчелой, индѣйцы слѣдятъ за ихъ полетомъ, пока не открываютъ спрятаннаго въ утесѣ или дуплѣ гнѣзда.

Тогда дикіе разводятъ передъ отверстіемъ улья громадный костеръ, такъ что густой дымъ окутываетъ деревья или утесы, и, попадая во внутрь дупла, частью убиваетъ, частью выгоняетъ обитательницъ его. Послѣ этого краснокожіе вынимають весь медъ, не заботясь нисколько о разоренномъ ульѣ.

— О, какъ это дурно!—воскликнула Вѣра.—Какъ же добываютъ у насъ медъ? Неужели тоже выкуриваютъ пчель?

— Прежде дѣлали точно такъ же. Несчастныхъ безъ жалости убивали дымомъ, но этотъ способъ давнымъ-давно оставленъ. Теперь пчель слегка подкуриваютъ, перегоняють изъ одного улья въ другой и, не причинивъ имъ вреда, вынимають соты.

— Жалють онѣ животныхъ?—спросила Нюта.

— Еще какъ! Если онѣ роємъ нападаютъ на какого-нибудь звѣря, то жалють его до смерти; ихъ всѣ звѣри боятся, даже медвѣдь, у котораго толстая, претолстая шуба, но онѣ такой лакомка, что не обращаетъ вниманія на боль, лишь бы полакомиться любимымъ медомъ.

— Гадкій лакомка!—пробормотала Нюта.

— Есть также пчелы, которыя не имѣють жала,—сказалъ Іоакимъ.

— Ахъ, зачѣмъ я не встрѣтила такую!—вздыхнула Вѣра.

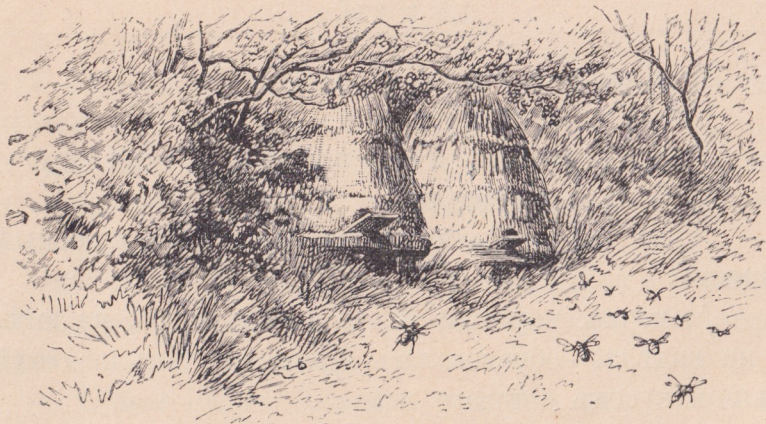
— Тѣхъ трудно встрѣтить далеко отъ улья, онѣ не удаляются отъ дома и не собираютъ цвѣточной пыли и сока,—это лѣнницы-трутни.

— Значить, между трудолюбивыми крошками водятся и лѣнныя—ихъ, вѣрно, за лѣнь наказываютъ и оставляютъ безъ меда,—сказала Нюта.

— Ихъ наказываютъ болѣе ужаснымъ образомъ,—отвѣтилъ старикъ... Когда-нибудь послѣ я вамъ расскажу объ этомъ.

За разговорами никто не замѣтилъ, какъ сумерки смѣнились быстро наступающей темнотой, и все общество, за исключеніемъ Іоакима, перешло на балконъ.

XXI.

Пчелы.

Старушка няня и горничная Глаша накрывали столъ для ужина; большіе пошли въ гостиную, а Нюта съ Колей усѣлись на ступеньки балкона и принялись гадать, что подадутъ къ ужину.

Навѣрное, холодную телятину,—сказалъ Коля, очень любившій это блюдо.

— Я видѣла, какъ Терентій чистилъ рыбу, пожалуй, и рыбу подь соусомъ подадутъ,—сказала Нюта.

— Какъ ты думаешь, будутъ ягоды? спросилъ Коля.

— Навѣрное, отъ обѣда много осталось, да недавно садовникъ принесъ еще полную корзинку. Видишь, какой большой кувшинъ со сливками стоитъ на столѣ,—я думаю, это для ягодъ.

— Ну, такъ я буду ѣсть только однѣ ягоды да телятину,—больше ничего!

— А я рыбу и ягоды!
— Сколько ты съѣшь?
— Полную тарелку, и еще половинку, если дадутъ.
— Пожалуй, не дадутъ...
— Дѣти, чай пить! — прервалъ дядя ихъ интересный разговоръ.

— Мамочка, неужели медъ? я еще здѣсь, на югѣ, его не видѣла! — обрадовалась Нюта, увидѣвъ на столѣ большой кусокъ сотового меда.

— Мнѣ дадутъ? — вскрикнулъ во все горло Коля, умильно поглядывая на желтый медъ.

— Ну, братъ, если такъ кричать станешь, чего добраго, и не попробуешь медку! — засмѣялся дядя.

Коля вопросительно посмотрѣлъ на Ольгу Дмитриевну, которая поспѣшила его успокоить на этотъ счетъ.

Разговоръ опять перешелъ на пчелъ; всѣ попро-

сили Артемія Петровича продолжать начатый въ саду рассказъ объ этихъ насѣкомыхъ.

Артемій Петровичъ былъ страстнымъ любителемъ пчеловодства и цѣлыми днями проводилъ на пасѣкѣ, въ двухъ трехъ верстахъ отъ усадьбы.

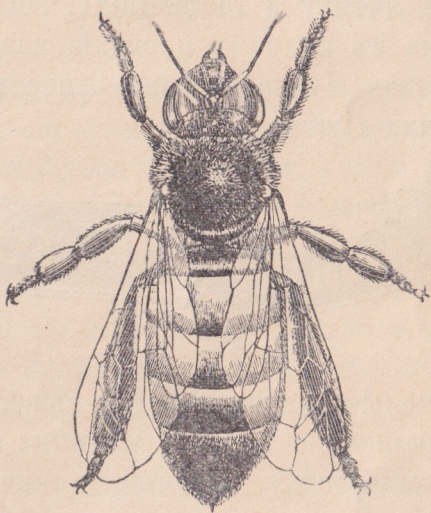
Онъ зналъ жизнь пчелъ, ихъ привычки и обычаи и любилъ въ домашнемъ кругу рассказывать объ этихъ удивительныхъ крошкахъ.

— Семья пчелъ состоитъ,—началъ онъ,—изъ царицы, нѣсколькихъ тысячъ работницъ и трутней.

Царица—самая крупная по величинѣ; она никогда не занимается домашними работами, и всѣ пчелы прислуживаютъ ей: кормятъ, чистятъ и доставляютъ ей всѣ удобства. Зато она одна только и занимается кладкой яичекъ, изъ которыхъ выходятъ *молодь* или дѣтки.

Рабочая пчела устраиваетъ соты съ ячейками, куда царица складываетъ яйца и гдѣ сохраняется медъ, она же собираетъ запасы, воспитываетъ дѣтвору и всячески заботится о ней:

Когда, въ апрѣлѣ, начинается кладка яицъ, за царицей слѣдуетъ штатъ прислужницъ: однѣ даютъ ей лучшій кормъ, другія ласкаютъ ее усиками, третьи очищаютъ ячейки, куда царица кладетъ маленькія, продолговатыя яички. Иногда она ихъ кладетъ до трехъ ты-

сячь въ день. Если царица хорошая, то она кладетъ не менѣе пятидесяти тысячъ въ годъ.

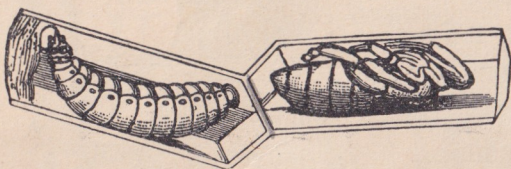
— Ахъ, еслибы моя курочка Пеструшка нанесла столько яицъ!—воскликнула Нюта.

— Куда бы ты ихъ дѣла?—спросилъ Коля съ набитымъ ртомъ.

— Изъ яичекъ вылупляются пчелки?—спросила Нюта.

— Да, но не совсѣмъ такъ, какъ ты думаешь. Царица кладетъ въ каждой восковой ячейкѣ по одному яйцу, но раньше, чѣмъ снести его, она заглядываетъ въ ячейку и тогда лишь, когда лично убѣдится, что она въ полномъ порядкѣ, кладетъ туда яичко.

— И она ихъ высиживаетъ, какъ курица?—перебила Нюта.

— Это отнимало бы слишкомъ много времени; она только кладетъ яйца, а о дальнѣйшемъ ихъ развитіи заботятся

пчелы-нянюшки. Когда въ восковой ячейкѣ появляется крошечное яичко, работница-нянюшка кладетъ въ одномъ уголку, рядомъ съ яичкомъ, небольшой комочекъ кашки, которую сама приготовляетъ въ своемъ зобикѣ; кашка эта состоитъ изъ меда, перги и воды. На четвертый день изъ яичка выползаетъ бѣленькій червячекъ, который быстро сѣдаетъ запасецъ и высываетъ головку, прося ѣсть.

Нянюшка по нѣскольку разъ въ день приготовляетъ ему кашку, даетъ медъ и цвѣточную пыль. На седьмой день личинка уже такъ велика, что занимаетъ всю колыбельку; тогда нянюшка загибаетъ лапками и че-

люстями края ячейки во внутрь, а сверху накрывает крышкой. Въ закрытой колыбелькѣ личинка превращается въ мягкую, бѣленькую куколку. Цвѣтъ ея мало-по-малу темнѣетъ, и когда наступаетъ полная зрѣлость, то изъ куколки выходитъ пчелка; она прогрызаетъ крышку и выползаетъ на свѣтъ Божій. Нянюшки радостно обступаютъ ее со всѣхъ сторонъ; онѣ нѣжно расправляютъ ей крылышки, гладятъ усиками ея пушистую шубку и волосяныя щеточки, прикрѣпленныя къ заднимъ ножкамъ малютки, и водятъ ее по всему улью, знакомя новорожденную съ общимъ устройствомъ жилья.

Затѣмъ ее мало-по-малу пріучаютъ къ домашнимъ занятіямъ; уже черезъ нѣсколько часовъ послѣ своего рожденія она, подъ руководствомъ нянюшки, убираетъ соръ, чиститъ улей, ухаживаетъ за сотами и сама дѣлается нянькой личинокъ.

Черезъ недѣлю ее впервые выпускаютъ на воздухъ. Ослѣпленная солнечными лучами, крошка вдыхаетъ въ себя душистый воздухъ, оглядывается кругомъ, отъ восторга становится на заднія лапки и начинаетъ хлопать крылышками.

„Ну же! Подымись!“ — жужжитъ надъ ней няня.

Пчелка радостно подымается и, о счастье! она не падаетъ.

„Полетимъ скорѣе въ голубую даль!“ — жужжитъ она въ отвѣтъ.

Но старая пчелка помнитъ, какъ ее учили, заставляя нѣсколько разъ подыматься надъ ульемъ и летать около него, чтобы изучить мѣстность, и, когда только она съ ней вполнѣ освоилась, позволили летѣть на зеленый лужокъ, къ пахучимъ медовымъ цвѣткамъ.

Такъ она учить и свою воспитанницу и на просьбу ея полетѣть скорѣе въ даль, степенно отвѣчаетъ: „Нѣтъ, нельзя, подожди еще, когда ты хорошо ознакомишься съ мѣстомъ, гдѣ мы живемъ, тогда полетимъ подальше, иначе ты легко можешь заблудиться“.

Такъ пчелку продержали еще недѣльку, позволяя только играть у улья. Зато изучила же она мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, по всѣмъ направленіямъ.

Какъ радуется мохнатка, когда ее впервые берутъ съ собою въ поле за добычей, ей такъ весело и радостно, что она готова работать за троихъ. Ни страху, ни робости она не испытываетъ. А старая пчелка летитъ все рядомъ и не перестаетъ учить уму-разуму:

„Только бы насъ гроза не застигла!“—говорить она.—„Бѣда, если намокнуть крылышки—тогда придется погибнуть въ полѣ. Птицъ тоже остерегайся, проглотятъ и оглянуться не дадутъ!“

Но гроза не разражается и наши мохнатки счастливо добираются до поля.

Раздолье имъ въ ароматной колыбелькѣ цвѣтка... хоботкомъ успѣвай только собирать липкій сокъ „пергу“ и медъ.

Своими задними ножками, съ прикрѣпленными къ нимъ мохнатыми щеточками, молодка усердно сметаетъ съ пыльниковъ цвѣточную пыль и вскорѣ ея ножки кажутся одѣтыми въ панталончики.

Нравится ей новый нарядъ, она бы еще набрала душистой пудры, да нянюшка предостерегаетъ: „Будеть! а то тяжело тебѣ,—не долетишь до дому, лучше еще разъ прилетимъ!“

Мохнатка въ самомъ дѣлѣ нагружается такъ, что едва

долетаетъ до улья. „Отдохни на леткѣ и каждый разъ такъ дѣлай, когда съ добычей возвращаешься домой. У насъ—пчелъ такой обычай“, учить ее опять старая.

Молодая послушно садится на летокъ и нѣкоторое время отдыхаетъ.

А въ ульѣ ее уже ждутъ подружки; лишь только она показывается, ее обступаютъ со всѣхъ сторонъ, сначала ласкаютъ усиками, затѣмъ учатъ, что дѣлать съ принесеннымъ матеріаломъ.

Цвѣточную пыль она съ помощью подружекъ стряхиваетъ и ножками утаптываетъ въ ячейку. Эта душистая пыль предназначена для корма молодежи. Сладкій, цвѣточный сокъ, который она приноситъ въ своемъ зобикѣ, она перерабатываетъ внутри себя въ медъ и выливаетъ въ особо для того приготовленную ячейку и, чтобы медъ не испортился, впускаетъ туда изъ жала капельку муравьиной кислоты. Затѣмъ ячейку работницы плотно прикрываютъ восковой крышечкой и оставляютъ въ ней медъ про запасъ.

Приноситъ еще мохнатка на ножкахъ смолистое вещество; она его также собираетъ на растеніяхъ, но этотъ клей не прячется, работницы его бережно снимаютъ и замазываютъ имъ лишнія щели и отверстія въ ульѣ.

Но горе той пчелкѣ, которая не скоро все пойметъ или ея крылышки не достаточно быстры или лапки слабы. Ее немилосердно выгоняютъ изъ улья, а когда она заупрямится и не уйдетъ, то ее просто убиваютъ“.

— Зачѣмъ онѣ убиваютъ беспомощныхъ малютокъ?—прошептала Нюта.

— Потому что трудолюбивое, сметливое общество пчелъ не терпитъ неспособныхъ къ труду.

— Ты же сказалъ, что между ними живутъ лѣнницы—трутни.

— Это совершенно вѣрно, но трутни имъ также оказываютъ кой-какія услуги, иначе онѣ не держали бы ихъ между собою; тѣмъ болѣе, что трутни живутъ въ ульѣ только во время цвѣтенія цвѣтовъ.

Какъ только приближается зима и цвѣты пропадаютъ, пчелы рѣшаютъ, что трутни—лишніе рты, поѣдающіе медъ, и выгоняютъ ихъ вонъ.

Когда эти господа не хотятъ уходить, то ихъ также безъ состраданія убиваютъ жалами и выбрасываютъ изъ улья ихъ тѣла.

— Какая жестокость!

— Какъ же прикажешь поступать иначе? Подумай, вѣдь работницы строятъ соты, даютъ ѣсть малюткамъ, заботятся о царицѣ, смотрятъ за чистотой и порядкомъ въ ульѣ, онѣ же собираютъ сокъ и цвѣточную пыль и выдѣлываютъ медъ, котораго должно хватить на всю зиму; когда лѣнливый, ничего не дѣлающій, сталъ бы его истреблять, то работницамъ пришлось бы погибнуть отъ голода...

— Однако, пора спать!—спохватился Артемій Петровичъ.—Коля уже носомъ клюетъ... Если хотите, я васъ завтра возьму на пасѣку, только, чуръ, не проспать, я рано отправлюсь,—сказалъ онъ дѣтямъ.

XXII.

Пасѣка.

Рано, рано проснулась Нюта и пошла будить Колю.

— А! что? уйди, я спать хочу!—бормоталъ онъ, переворачиваясь на другой бокъ.

— Вставай! дядя уже готовъ, мы отправляемся на пасѣку,—кричала Нюта.

— Ну и идите, а я спать хочу! оставь меня!—и Коля повернулся къ стѣнѣ лицомъ.

Нюта еще потормошила его, но, видя, что онъ опять крѣпко уснулъ, вышла недовольная изъ комнаты.

На дворѣ ждалъ ее Артемій Петровичъ.

— Что нашъ богатырь спить?—засмѣялся онъ, увидя дѣвочку.

— Спить!—отвѣтила она печально.

— Пусть его! что съ нимъ дѣлать? Самъ потомъ пожалѣетъ,—сказалъ Артемій Петровичъ, выходя черезъ садовую калитку прямо въ поле.

— Какъ хорошо! залюбовалась Нюта, идя за дядей по мокрой росистой тропинкѣ.

Въ травѣ, на деревьяхъ и въ воздухѣ кишѣла жизнь: птицы торопливо летали за кормомъ, букашки чистились, сидя на травинкахъ, въ облакахъ парили хищники ястребы и орлы, высматривая себѣ добычу.

Золотые солнечные лучи трепетали и дробились на зеленыхъ листьяхъ, сбѣгая и стелясь косыми дорожками на мягкой травѣ.

Пройдя равниной версты три, путники незамѣтно поднялись въ гору.

Съ пригорка передъ ними открылась восхитительная картина: почти у ногъ ихъ протекала узкая, глубокая рѣченка, такая прозрачная, что можно было видѣть все дно ея, усыянное мелкими ракушками и камешками.

Налѣво тянулись виноградники, прямо передъ ними высились, покрытые фруктовыми деревьями, холмы; правѣ выступала кипарисовая роща, а въ котловинѣ пестрѣла всеми цвѣтами богатаго юга изумрудная полянка.

На полянкѣ, отгѣненной невысокими липами и яблонями, стояли рядами пчелиные домики—ульи, а за ними, въ уголку, между орѣшниками, пріютилась хатка стараго пчеловода Яныша.

На полянѣ стоялъ шумъ отъ жужжанія пчелъ, который по мѣрѣ приближенія къ ульямъ становился все сильнѣе и явственнѣе.

Посѣтители по боковой дорожкѣ обогнули пасѣку, чтобы избѣжать непріятной встрѣчи съ пчелами. Дорожка привела ихъ къ избушкѣ Яныша. Старикъ сидѣлъ на завалинкѣ и мастерилъ новый улей.

Дверь въ хатку стояла настежь открытой и Нюта,

Земля Трудя.

заглянувъ во внутрь, была поражена чистотой крохотной каморки; несмотря на множество вещей, загромождавшихъ ее, въ ней царилъ поразительный порядокъ.

У одной стѣны стояли старые ульи, у другой—новые, къ потолку и стѣнамъ были подвѣшены пучки душистыхъ травъ и цвѣтовъ, ими же было завѣшано и единственное оконце, отъ чего въ избушкѣ царилъ полумракъ. Подъ образами, въ правомъ углу, стоялъ столъ и деревянная скамейка, составлявшіе единственную мебель хаты.

Самъ Янышъ—чистенькій, бѣленькій, сгорбленный годами старичекъ, какъ нельзя болѣе подходилъ къ этой обстановкѣ.

Увидя неожиданныхъ гостей, старикъ оживился: его черные, добрые глаза привѣтливо взглянули на нихъ.

— Здравствуй, Янышъ!—сказали дядя и племянница.

— Добро пожаловать! спасибо, баринъ, старика не забываете и барышню маленькую привели. Что же! на пчелокъ поглядѣть захотѣли?—Можно, можно! Ишь благодать какая... Такъ и рѣзвится божья пчелка въ теплыхъ лучахъ.

— Пойдемъ, дѣдушка, скорѣе къ нимъ,—сказала Нюта.

— Не торопись, дѣвочка! пусть намъ раньше Янышъ дастъ защиту отъ своихъ пчелъ. Онѣ вѣдь не посмотрятъ, что мы гости, пожалуй, за это насъ еще больнѣе ужалятъ,—перебилъ ее Артемій Петровичъ.

Старикъ усмѣхнулся и подалъ имъ перчатки и сѣтки изъ тонкой проволоки, которыми они покрыли лицо и голову.

— А ты ничего не надѣнешь?—обратилась Нюта къ пасѣчнику.

— Мнѣ не для чего,—отвѣтилъ весело старикъ,—пчелки меня не тронуть, онѣ отлично знаютъ стараго Яныша.

Вскорѣ всѣ трое очутились среди полянки. Пчелы, какъ золотыя стрѣлы, быстро прорѣзывали воздухъ, однѣ вылетали изъ улья, чтобы отправиться на работу, другія возвращались со своей душистой ношей. Крылатое населеніе моментально окружило незнакомцевъ и съ угрожающимъ жужжаніемъ стало носиться надъ ними, а нѣкоторыя пчелы сѣли даже на Нютину маску.

— Не трогай ихъ и не пугай! тогда онѣ увидятъ, что ты имъ не хочешь сдѣлать зла, и оставятъ тебя въ покоѣ, — сказалъ дядя.

— Кормилицы! трудятся и для Бога и для людей! — шепталъ дѣдка, любовно глядя за полетомъ своихъ питомцевъ.

— Какъ для Бога? — переспросила Нюта.

— А то какъ же? она, касатка, воскъ-то дѣлаетъ, Ему, Царю Небесному, свѣчку готовить.

— Какъ у тебя хорошо здѣсь! — сказала Нюта.

— Хо-ро-шо! — протянулъ старикъ.

— Ты цѣлый день возишься съ ними?

— Цѣлый! а то какъ же? не будешь смотрѣть за ними, чистить и ходить за ульемъ, пчелки и не останутся жить у меня, — либо улетятъ, либо всѣ перемрутъ. Лѣто и зиму холю ихъ.

— Онѣ и зимою живутъ у тебя на полянкѣ? — спросила опять Нюта.

— Нѣтъ! Какъ можно... онѣ холода боятся! Перебываются онѣ кое-какъ въ холода. На зиму я ставлю ульи въ теплое мѣсто, чтобы пчелкамъ было не холодно, и медку имъ вдоволь въ сотахъ оставляю. Зато съ первыми весенними лучами въ ульѣ подымается сильная возня. Онѣ вылетаютъ съ радостнымъ жужжаніемъ и, покружившись въ теплыхъ лучахъ, отправляются на поиски раннихъ цвѣтовъ — вербы и орѣшины, другія остаются въ ульѣ и торопливо принимаются за весеннюю чистку своего жилья: поправляютъ соты, выбрасываютъ тѣла мертвыхъ подругъ, убираютъ восковые крышки отъ съѣденныхъ за зиму медовыхъ сотъ, чистятъ и убираютъ улей, точно передъ большимъ праздникомъ.

Одна царица не принимаетъ участія въ домашнихъ и полевыхъ хлопотахъ, она весело летаетъ въ солнечныхъ лучахъ; ей надо набираться силъ, чтобы снести побольше яичекъ. Пчелки за нею ухаживаютъ, то поглядятъ, то медкомъ покормятъ.

Она у нихъ первое лицо; куда она, туда и пчелки.

— Ты имъ ульи строишь?—спросила Нюта.

— Я, а то кто же!

— Отчего они у тебя точно пни?

— Оттого, что эти ульи лучше сохраняютъ нужную пчеламъ теплоту. Теперь строятъ другіе, разборные; только ужъ они больно хитры,—Богъ съ ними! Я вотъ держу своихъ пчелокъ въ колодѣ,—вотъ какъ вы видите: мои ульи *бортями* называются... и ничего, пчелка, слава тебѣ Господи, живетъ...

— Зачѣмъ же въ борти устроены окошечки?—спросила опять Нюта.

— Это лѣтки, чтобы пчелка при закрытыхъ дверяхъ могла бы вылетать и влетать въ улей,—отвѣтилъ Янышъ.

— А дверцы отчего въ ульѣ такія маленькія?

— Чтобы мышки и другіе звѣрьки не могли забраться во внутрь.

— Развѣ мыши ѣдятъ медъ?

— Еще какъ! Въ прошлый годъ забралась къ намъ такая непрошенная гостья, побѣжала по стѣнѣ къ верхнимъ, самымъ лучшимъ сотамъ и успѣла-таки, противная, поѣсть медку! Какъ увидѣли ее пчелы, въ ярость пришли, набросились на нее и давай жалить, такъ до смерти и зажалили.

Убить-то убили, а какъ выбросить ее изъ борти—и не знаютъ; принялись тащить внизъ, къ дверкѣ,

да гдѣ! силѣ-то нѣтъ, хоть и много ихъ собралось на помощь.

Что тутъ дѣлать? поидетъ трупный запахъ, весь улей перемретъ... И придумали пчелки, какъ избавиться отъ бѣды.

Облѣпили онѣ мышку со всѣхъ сторонъ толстымъ слоемъ воску и оттащили въ уголокъ, гдѣ она и лежала, не мѣшая никому и не портя воздуха въ ульѣ, потому что черезъ восковой слой мышиный запахъ не проходилъ. Пошелъ я лѣтомъ соты вынимать, увидѣлъ ее и выбросилъ.

— Это у тебя новыя борти?—спросилъ Артемій Петровичъ.

— Новыя! вчера только пчелка роилась...

— Какъ роилась? что это такое?—спросила Нюта у пчельника.

— Видишь, касатка, когда нарождается много пчелокъ и изъ самой большой ячейки выходитъ молодая матка-царица, то пчелка начинаетъ роиться, т. е. старыя оставляютъ свой домъ молодымъ, а сами улетають искать себѣ другого мѣста.

— Зачѣмъ онѣ не остаются вмѣстѣ?

— Ужъ это у нихъ такъ заведено, что двѣ царицы вмѣстѣ не живутъ. Какъ только вылупилась молодая, старая сейчасъ же со своими работницами улетаеть, оставивъ молодому поколѣнію свой устроенный дворецъ.

Иногда случается, что въ ульѣ рождаются двѣ или три царицы; тогда онѣ яростно бросаются другъ на друга и дерутся до тѣхъ поръ, пока въ живыхъ остается только одна.

У меня, слава тебѣ Господи, ни разу еще рой не пропадалъ, я его каждый разъ подкарауливаю. Приложу

этакъ ухо къ борти,—коли услышу: у-у-у-уг-уг-уг!—значить, хорошо, работа идетъ дружно! А коли пчелка бунтуется, тогда въ домикѣ раздается: бж-ж-ж, бж-ж-ж! Вотъ тутъ-то и гляди въ оба.

Изъ улья стрѣлой вылетаетъ пчелиная тучка, сгущаясь все больше и больше вокругъ царицы, и вскорѣ тучка принимаетъ видъ большого яйца.

Покружившись немного, пчелы опускаются на вѣтку, густо-густо окруживъ царицу. Пока онѣ сидятъ и гадаютъ, куда направиться, я тихонечко подкрадываюсь подъ это дерево и брызгаю на нихъ изъ принесенной ведерки водой.

А онѣ хоть и пьютъ водичку, но мокнуть не любятъ, и съ мокрыми крылышками никуда имъ не улетѣть...

Послѣ этого я ставлю снизу лукошко и осторожно сметаю мокрой вѣточкой туда пчелокъ. Не бѣда, если не всѣ попадутъ въ лукошко, попала бы только царица,—работницы ужъ за нею прилетятъ.

Вотъ забираю я ихъ такъ и несу въ заранѣе приготовленный улей, а бортъ-то я имъ готовлю хоть куда! Стѣнки натираю воскомъ, на полъ душистыхъ цвѣтовъ кладу, къ потолку имъ старый кусокъ сотъ прикрѣпляю.

„Стройтесь только на здоровье!“

Высыпаю я лукошко съ молитвой въ бортъ, пчелки сидятъ смирно, ждутъ, что царица скажетъ—она у нихъ всѣмъ голова...

Потомъ я плотно закрываю и летки, и дверцы, пусть себѣ привыкаютъ!

На третій день я открываю имъ всѣ отверстія, и онѣ съ радостнымъ жужжаніемъ летятъ за медомъ и воскомъ.

А въ новомъ ульѣ такъ и кипитъ работа: работницы ужъ повели отъ старыхъ сотъ новыя, угломъ внизъ.

Вотъ когда имъ воскъ нуженъ,—соты-то вѣдь изъ воску строятся...

А добываютъ онѣ его чудно такъ:

Одна пчелка прицѣпится къ другой, другая къ третьей и такъ далѣе, пока не образуется большая кисть. Живыя кисти свѣшиваются со стѣнъ и потолка и висятъ около сутокъ головками внизъ.

Въ это время съѣденный ими раньше медъ согрѣвается въ желудкѣ, начинаетъ бродить и обращается въ воскъ, который вытекаетъ крохотными капельками между кольцами брюшка.

Пчелки лапками срываютъ другъ у дружки эти капельки, пережевываютъ ихъ, чтобы онѣ сдѣлались мягче, выравниваютъ и бѣгутъ къ сотамъ, чтобы продолжать постройку. Такимъ-то вотъ образомъ онѣ и дѣлаютъ воскъ. Соты быстро увеличиваются и принимаютъ красивый, правильный видъ, съ ярко блестящими ячейками.

Какъ только ячейка готова, работницы наливаютъ ее медомъ и закрываютъ крышкой, про запасъ на зиму и дѣткамъ для корму...

— Ахъ, какія большія пчелы!—воскликнула Нюта, указавъ на нѣсколько пчелъ, зигзагами летавшихъ передъ леткомъ и громко жужжавшихъ.

— Это лѣнливцы-трутни,—отвѣтилъ Янышъ, —они только и знаютъ, что гуляютъ да ѣдятъ, —отъ дому далеко не отлетаютъ; оттого-то они жирнѣе и больше, что отъѣдаются на чужомъ хлѣбѣ.

— А царица у нихъ большая?

— Самая большая! Даже ячейка, въ которой она

растетъ, больше и красивѣе другихъ, съ узорчатой, красивой крышкой; вѣдь пчелки холятъ и любятъ свою царицу и всякій почетъ ей оказываютъ.

Моимъ касаткамъ хорошо,—продолжалъ словоохотливый старикъ;—я ихъ люблю, не обижаю, оставляю имъ вдоволь меду, а вотъ мой сосѣдъ, тотъ тоже пасѣчникъ, все у нихъ отнимаетъ, только чуть-чуть имъ на зиму оставляетъ.

Отъ того онѣ у него голодныя, злыя и воруютъ чужой медъ. Пронюхали, что у моихъ медокъ лишній, ну и давай грабить ульи: разъ проскользнули,—наѣлись, во второй прилетѣли, тутъ ихъ мои пчелы-сторожа не впустили, завязалась битва, мои посильнѣе были, всѣхъ, почитай, побили... такъ и падали убитыя на траву. За то съ тѣхъ поръ и не летаютъ больше.

— Тоже безпокоилъ моихъ пчелокъ вашего садовника парнишка, Ваня. Повадился онъ ко мнѣ на пасѣку ходить, ну разъ, другой—третій, все пробѣжить мимо бортей да въ летки заглядываетъ. А пчелка страсть не любить, чтобы къ ней въ домъ смотрѣли... Сказалъ я ему: не ходи къ нимъ, не мѣшай! да куда—не слушаетъ... Разъ меня не было, онъ и прибѣгъ, да прямо къ улью; ну, ужъ что было—не знаю, только искололи же парня—кубаремъ по землѣ катался, весь изжаленный. — И парнишку-то жаль, и ихъ, моихъ голубушекъ, еще пуще, такъ вокругъ него и валяются мертвыя.

— Баловникъ онъ, баловникъ!—закончилъ, улыбаясь, Янышъ.

— Неужели Ваня такъ отличился? — засмѣялась Нюта, представляя себѣ карапуза-шалуна катающимся по лужку.

Разговоры и осмотръ пасѣки отняли много времени, солнце уже стояло высоко, когда проголодавшаяся дѣвочка вернулась подъ чистенькій навѣсъ избушки.

Янышъ поставилъ на столъ янтарныя соты меда съ правильными, шестиугольными ячейками, бѣлый мѣстный хлѣбъ и душистую дыню изъ своей собственной бахчи.

У Нюты слюнки потекли отъ такихъ лакомствъ.

На свѣжемъ воздухѣ она проголодалась и ѣла теперь съ большимъ аппетитомъ.

— Я бы очень хотѣла видѣть, какъ ты вынимаешь медъ,—сказала она, поѣдая яства.

— Что же! придите съ дяденькой, когда я начну вынимать—посмотрите!

— А какъ ты его вынимаешь изъ ячеекъ?

— Лучшій медъ самъ стекаетъ изъ сотъ, затѣмъ соты особымъ образомъ надавливаютъ и выжимаютъ весь оставшійся въ ячейкахъ медъ,—отвѣтилъ Янышъ.

— Приди къ намъ въ гости,—позвала Нюта на прощанье Яныша.

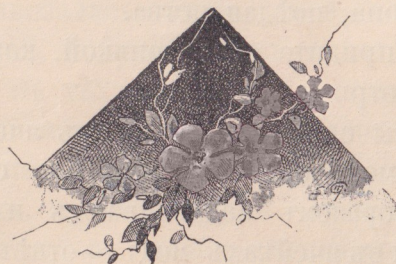
— Спасибо, барышня, куда ужъ мнѣ ходить! ноги, вишь, стары, лучше съ дяденькой насъ навѣдайте, рады вамъ будемъ!—отвѣтилъ пасѣчникъ, ласково глядя бѣлокурую головку Нюты.

— Пташка милая,—прошепталъ онъ, когда гости ушли.—Точно моя Дуняша, такая же свѣтленькая да привѣтливая!—и старикъ счастливо улыбнулся, думая о своей ненаглядной внучкѣ Дуняшѣ, живущей въ ближней деревнѣ.

— Хорошій старикъ Янышъ! и дѣло свое прекрасно знаетъ,—сказалъ дядя на обратномъ пути.

— Миѣ очень, очень понравилось у него; бери меня всегда съ собою, когда пойдешь къ нему,—сказала Нюта.

Назадъ не такъ пріятно было ходить, какъ утромъ, солнце жгло, и Нюта, обливаясь потомъ, насилу дошла до дому.

XXIII.

Г р и б ы.

Коля сидѣлъ на балконѣ и складывалъ изъ цвѣтныхъ бумажныхъ квадратиковъ лодочки и солонки, когда Нюта съ дядей взошли на крыльцо.

— Ты ѣла медъ?.. Отчего меня не разбудила?.. Отчего не взяла съ собою?..—заговорилъ онъ быстро, подбѣгая къ Нютѣ.

— Вотъ такъ ловко! свалилъ съ больной головы на здоровую! — сказалъ Артемій Петровичъ, — будили-будили по утру, самъ не хотѣлъ вставать, а теперь другіе виноваты!

Коля потупился и, не отвѣчая, убѣжалъ въ садъ, куда вскорѣ пришла и Нюта. Она нашла обоихъ мальчиковъ подъ большимъ букомъ; Ваня оживленно размахивалъ руками и громко что-то рассказывалъ.

— Вотъ и ты, Нюта!—обрадовался онъ, подымаясь ей на встрѣчу, — знаешь, мы идемъ за грибами.

— За грибами? какая прелесть! И я пойду съ вами, — воскликнула дѣвочка. — Гдѣ же они растутъ?

— Тутъ недалеко въ рощѣ, за паркомъ, и такъ много ихъ, ужась! Я сегодня на зарѣ ходилъ туда за малиной и набрелъ на такое мѣстечко, чудо! такъ и пестрѣть грибами, хоть возами вози!—Коля слушалъ молча, онъ все еще дулся за то, что его утромъ не взяли на пасѣку.

— Полно, Коля! не моя вина, что ты проспалъ,—сказала Нюта;—лучше пойди принеси мои корзинки, онѣ стоятъ въ дѣтской на окнѣ.

Коля принесъ ихъ и всѣ трое не медля отправились въ рощу.

Въ началѣ Коля едва отвѣчалъ на обращенные къ нему вопросы, но мало-по-малу онъ разговорился и вскорѣ такъ оживился, что совершенно забылъ объ утреннемъ происшествіи.

Болтая и перегоняя другъ друга, дѣти незамѣтно добѣжали до густыхъ чинаровъ и буковъ, растущихъ на опушкѣ рощи.

Въ рощѣ царствовалъ полусвѣтъ, солнечные лучи съ трудомъ пробивались черезъ темно-зеленый сводъ деревьевъ и разсыпались блестящими кружечками по сочной зелени, въ которой скромно прятались желтыя маргаритки и ярко краснѣла дикая гвоздика. На каждомъ шагу дѣти находили все новые и новые цвѣты, которые манили ихъ къ себѣ своимъ видомъ и запахомъ.

Нюта и Коля принялись ихъ рвать и вязать букеты, но Ваня торопиль впередъ; переходя съ мѣста на мѣсто, всѣ трое очутились вскорѣ передъ большой полянкой, окруженной столѣтними вязами, кленами, тополями и дубами; великаны чинары, какъ гигантскіе сторожа, оцѣпили ее со всѣхъ сторонъ.

Въ сторонѣ краснѣли продолговатыя ягоды кизилиа и барбариса, но болѣе всего поражало дѣтей множество яркихъ грибовъ, пріютившихся въ зеленомъ мху и подъ роскошными, перистыми листьями папоротника. У однихъ круглыя пурпуровыя шляпки были обсыпаны какъ бы мелкимъ жемчугомъ, у другихъ бѣлый головной уборъ отливалъ желтоватымъ цвѣтомъ, у третьихъ

розоватымъ,—словомъ, тутъ было столько грибовъ, что у дѣтей глаза разбѣжались.

— Ахъ, сколько тутъ грибовъ!—вырвалось у Нюты и, быстро высыпавъ изъ корзинки сорванные цвѣты, она начала наполнять ее грибами. Нюта и Коля рвали всѣ попадавшіеся подъ руки грибы, Ваня же выбиралъ только самые крупные и красивые.

— Кончай скорѣе!—торопила его Нюта,—я хочу, чтобы поваръ еще сегодня приготовилъ ихъ къ обѣду.

Вотъ-то Вѣра обрадуется! она очень любитъ грибы въ сметанѣ.

— И я тоже люблю, — прибавилъ Коля, еле поднимая свою наполненную корзину.

— Только еще одинъ сорву! — отвѣтилъ Ваня. — Какую я себѣ похлебку сварю, — повкуснѣе, чѣмъ твои грибы со сметаной! и никому, никому не дамъ, все самъ съѣмъ.

Наконецъ ужъ некуда стало класть, и дѣти бѣгомъ пустились домой. У воротъ ихъ встрѣтила Ольга Дмитріевна.

— Откуда вы? — спросила она у запыхавшихся дѣтей, — что у васъ такое въ корзинкахъ?

— Грибы! Чудные грибы! — отвѣтили всѣ въ одинъ голосъ.

— Грибы? откуда вы ихъ взяли?

— Въ рощѣ, это я ихъ нашелъ! — сказалъ важно Ваня и открылъ свою корзинку.

— Боже мой! — воскликнула Ольга Дмитріевна, — хороши грибы! Набрали поганокъ да мухоморовъ...

Вѣдь они всѣ ядовиты; вы развѣ не слышали, что недавно ими отравились нѣсколько татарскихъ дѣтей, собиравшихъ ихъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вы собирали ваши?..

— Мы не отравимся, мы ихъ сваримъ и съѣдимъ! — перебилъ Ваня.

— Спаси Богъ ѣсть эти грибы! Тѣ бѣдныя дѣти тоже сварили себѣ супъ, поѣли его и всѣ умерли. Я вамъ запрещаю однимъ ходить за грибами, пока вы не научитесь отличать ядовитые отъ съѣдобныхъ, — добавила она.

Испуганные дѣти поспѣшно выбросили изъ корзинокъ и передниковъ весь свой сборъ.

— Да почему я зналъ, что эти грибы не хорошіе! вѣдь они росли въ сыромъ, тѣнистомъ мѣстѣ, на толстыхъ пенькахъ, и пахнутъ, какъ настоящіе,—оправдывался Ваня.

— Никто тебя и не винить, но прошу васъ всѣхъ больше не собирать грибовъ!—сказала серьезно Ольга Дмитріевна.

— Что это у васъ тутъ?—спросилъ подошедшій въ это время Іоакимъ.

— Объясните имъ, пожалуйста, Іоакимъ, что нельзя собирать грибы, не зная, какіе съѣдобные и какіе ядовитые,—обратилась къ нему Ольга Дмитріевна.

— Какъ же отличить ядовитый грибъ отъ съѣдобнаго?—спросила Нюта.

— Трудно отличить, милая барышня, и потому совѣтую собирать только извѣстные вамъ сорта. Пожалуй, есть примѣта, именно: очень яркіе грибы, да еще въ добавокъ имѣющіе ожерелье на пенькѣ, почти всѣ ядовиты, за исключеніемъ шампиньона и масленка; кромѣ того, поганки и ядовитые пахнутъ плѣсенью,—отвѣтилъ садовникъ.—Пойдемте ко мнѣ на скамейку, и я вамъ на досугѣ расскажу, что знаю про грибы,—добавилъ онъ.

Дѣти гурьбой побѣжали за старикомъ и поудобнѣе усѣлись вокругъ него.

— Грибомъ называется низшее растеніе, у котораго нѣтъ зеленаго красящаго вещества—хлорофилла, благодаря которому растеніе питается,—началъ старикъ.—Потому грибы могутъ только произрастать на готовой пищѣ, т. е. на перегнойной почвѣ или на

животныхъ и растенiяхъ, отъ которыхъ послѣднiя въ концѣ концовъ погибають. Грибъ состоитъ изъ двухъ частей: подземной — *грибницы* и надземной — *пенька* и *шляпки*. Грибница образуется изъ мельчайшихъ бѣлыхъ волоконъ, называемыхъ *мифами*, которые, подобно корню растенiя, высасываютъ изъ почвы питательные соки.

Размножаются грибы *спорами*, которые лежатъ въ лучистыхъ пластинкахъ, образующихъ подкладку шляпки.

Споры имѣютъ видъ порошка и, благодаря своей легкости, разносятся вѣтромъ на большiя разстоянiя.

Попадая на сырое мѣсто, споры скоро произрастаютъ и производятъ грибы.

Въ нашихъ русскихъ лѣсахъ растеть очень много грибовъ.

Вы, конечно, знаете, что для деревни грибы — одно изъ важнѣйшихъ кушаньевъ; ихъ солятъ, сушатъ, варятъ и жарятъ, — да и въ городѣ грибъ въ почетѣ. Вотъ у насъ на югѣ лѣсовъ меньше и грибовъ почти нѣтъ, а тѣ, которые и водятся, все больше ядовитые; но чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ болѣе грибы теряють свою ядовитость и становятся съѣдобными — это по всей вѣроятности зависитъ и отъ почвенныхъ, и отъ климатическихъ условiй.

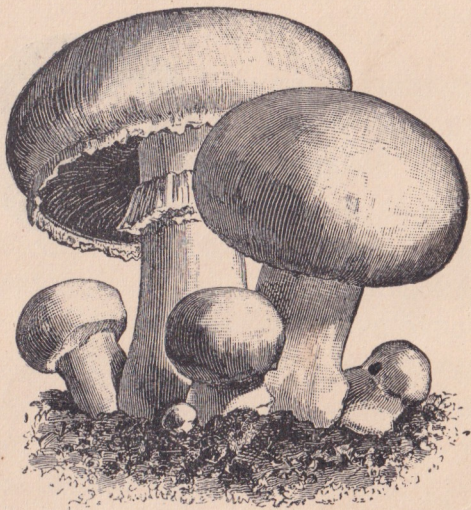

За границей считаютъ ядовитыми большую часть нашихъ съѣдобныхъ грибовъ. Вы, вѣрно, не разъ собирали въ окрестностяхъ Петербурга красныя сыроѣжки, желторозовыя волнушки, желтые рыжики, рыжія лисички, сѣрые грузди и коричневые моховики. За границую они всѣ считаются ядовитыми и, конечно, не употребляются въ пищу.

За то тамъ въ большомъ ходу трюфель и шампиньонъ — шампиньоны разводятъ даже искусственно...

— Споры прямо сѣютъ на огородѣ... — перебила Нюта.

— Нѣтъ, дѣти, не на огородѣ, а въ тепломъ сыромъ подвалѣ. Тамъ утрамбовываютъ грядку изъ мелкаго гипса, смѣшаннаго съ землею и навозомъ. Когда гряда готова, то зарываютъ въ ней кусочки гифовъ и шляпки гриба, въ которой сидятъ споры. Смѣсь эту обильно поливаютъ, и черезъ двѣ недѣли шампиньоны уже готовы. Если ихъ не вырывать вмѣстѣ съ грибницей, а срѣзать только пенекъ и шляпку, оставляя грибницу въ грядкѣ, то шампиньоны будутъ расти въ продолженіе долгаго времени.

— Я такъ люблю грибы — жаль, что ихъ здѣсь мало! — замѣтила Нюта.

— А вотъ мы ихъ разведемъ въ погребѣ, тогда и кушайте себѣ на здоровье, — отвѣтилъ Іоакимъ.

XXIV.

Дички и прививка.

Съ половины іюня фруктовый садъ все больше и больше манилъ къ себѣ дѣтей. Разные сорта грушъ и яблокъ начали наливаясь; вѣтки айвы гнулись подъ тяжестью плодовъ. Грецкій орѣхъ становился бурозеленымъ, персики и абрикосы желтѣли на солнцѣ, а сливы и

вишни такъ заманчиво качались на вѣткахъ, что у Вани слюнки текли отъ одного взгляда на нихъ.

Нюта похаживала больше вокругъ фиговыхъ деревьевъ, на которыхъ висѣли темно-зеленыя, съ краснымъ мясомъ внутри, винныя ягоды.

— Ахъ, какъ вкусны эти ягоды! совсѣмъ не то, что сушенныя, которыя я ѣла въ Петербургѣ,—говорила она дядѣ.

— А ты почему знаешь?

— Я нашла одну подъ деревомъ и съѣла!—отвѣтила, покраснѣвъ, Нюта.

— Совѣтую тебѣ быть впередъ осторожнѣе, — сказалъ Артемій Петровичъ; — черезъ недѣльки двѣ ты можешь ихъ ѣсть сколько душѣ угодно, а теперь онѣ еще не спѣлы, лучше не подбирай ихъ.

— Двѣ недѣли ждать долго! — вздохнула Нюта.

— Все же лучше ждать, чѣмъ захворать отъ незрѣлыхъ плодовъ, — отвѣтилъ ей Артемій Петровичъ.

Іоакимъ тоже работалъ теперь въ фруктовомъ саду, и Нюта была постоянно около него.

— Что ты дѣлаешь? — спросила однажды Нюта у Іоакима, видя, какъ онъ безъ милосердія срѣзаетъ всѣ вѣтки у вишневаго дерева, росшаго у изгороди фруктоваго сада.

— Хочу привить вишню. Помните, я вамъ какъ-то говорилъ, что если посѣять сѣмячко, то придется долго ждать, пока оно дастъ плоды, а когда и дастъ, то кислые и не вкусные. Чтобы получить поскорѣе плоды, я прививаю къ этому дичку вѣтку облагороженной вишни.

Іоакимъ посмотрѣлъ на удивленное личико Нюты и засмѣялся.

— Я вижу, вы меня не понимаете: видите-ли, барышня, всякое фруктовое дерево, которое вырастаетъ изъ сѣмячка, называется *дичкомъ* и плоды его не вкусны; чтобы получить вкусные плоды, его облагораживаютъ прививкою, т. е., вѣтки дичка срѣзаются вмѣстѣ съ частью ствола, и оставляютъ только небольшой пенекъ. Къ свѣжему порѣзу приставляютъ вѣточку отъ хорошаго, уже раньше облагороженнаго сорта, затѣмъ крѣпко связываютъ и заливаютъ варомъ.

— Получая отъ дичка и его корней соки, вѣточка

и пенекъ вскорѣ срсатются и черезъ нѣкоторое время

превращаются въ облагороженное дерево, приносящее
вкусные плоды.

— Вотъ это соединеніе дичка съ облагороженной вѣткой и называется *прививкой*.

— А если ты къ вишнѣ привьешь стебель дыни, что тогда произойдетъ? вырастутъ на деревѣ дыни?—спросила Нюта.

— Конечно, нѣтъ! Для того, чтобы прививка удалась, нужно непременно брать деревья одного рода,—отвѣтилъ старикъ.

— Можно, напримѣръ, привить персиковое дерево къ абрикосовому, миндаль къ сливѣ, розу къ шиповнику, но привить виноградную лозу къ орѣшинѣ или дыню къ вишнѣ—нельзя. Только испортишь дичекъ и прививку.

— Существуетъ нѣсколько способовъ прививки,—продолжалъ старикъ,—но лучшими между ними я считаю прививки *черенкомъ* и *отводками*.

Для размноженія плодовыхъ деревьевъ отводками срѣзаютъ отъ облагороженнаго сорта стеблевую вѣточку съ нераспустившимися листьями, втыкаютъ нижній конецъ ея въ сырой песокъ или въ воду и держатъ такимъ образомъ, пока отводокъ не пуститъ корешковъ; тогда его пересаживаютъ въ землю и предохраняютъ юное растеніе отъ холодовъ и вѣтровъ.

— А прививку черенкомъ вы видите на дѣлѣ; я черенкомъ прививаю эту вѣтку къ вишневному дичку.

— Виноградъ тоже разводится отводками, но не такъ, какъ другія фруктовые деревья,—продолжалъ Іоакимъ.

— На виноградной лозѣ выбираютъ низко растущую вѣтку, пригибаютъ ее къ землѣ и удерживаютъ въ такомъ положеніи деревянными рогульками. Когда вѣточка дастъ придаточные корни, ее отрѣзаютъ отъ

родной лозы; вскорѣ она начинаетъ расти и въ непродолжительномъ времени дѣлается самостоятельной лозою.

— Да, я ужъ это знаю! помнишь, мнѣ папа разсказаль,—замѣтила Нюта.

— Ну, знаете и отлично! мнѣ кстати и обѣдать пора,—отвѣтилъ Іоакимъ, и друзья разстались.

XXV.

Сонъ цвѣтовъ.

Нюта проснулась съ первымъ щебетаньемъ ласточекъ и распахнула окно въ садъ; оттуда ворвался въ комнату тонкій запахъ цвѣтовъ.

Веселый солнечный лучъ вскочилъ на подоконникъ, порхнулъ по Нютиной щекѣ и запрыгалъ зайчикомъ по потолку и стѣнамъ.

Съ сосѣдняго тутоваго дерева смотрѣла на Нюту пытливыми глазами малиновка; птичкѣ, очевидно, хотѣлось перебраться на жасминный кустъ, растущій подъ окномъ, но ей мѣшала дѣвочка.

Садъ и его обитатели просыпались и охорашивались въ золотѣ лучей и свѣта...

Нюта вышла на балконъ, и оттуда, черезъ цвѣтникъ, направилась къ себѣ въ садъ.

Несмотря на ранній часъ, Іоакимъ уже копался у грядокъ.

— Такъ рано, а вы уже встали!—воскликнулъ удивленный старикъ.

— А ты?

— Я что! мои годы ужъ такіе — не любятъ долго отдыхать; въ ваше время я не такъ рано подымался...

— Я думаю, и Ваня теперь только первый сонъ видитъ?—перебила Нюта.

— Да что Ваня! не всѣ еще и растенія проснулись.

— Развѣ растенія тоже спятъ?

— Спятъ.

— Ты, вѣрно, шутишь! — воскликнула дѣвочка. — Развѣ возможно, чтобы цвѣты спали?!

— Если желаете, то можно въ этомъ убѣдиться, — отвѣтилъ серьезно старикъ, направляясь къ небольшой полянкѣ, отдѣляющей садъ отъ огорода. — Посмотрите на лютикъ: онъ сейчасъ только началъ просыпаться, выпрямляетъ свой стебелекъ и листья и открываетъ лепестки, которые съ вечера старательно закрылъ.

— Зачѣмъ онъ ихъ вечеромъ закрываетъ?—спросила Нюта.

— Чтобы предохранить отъ холода тычинки и завязь.

— Цвѣты закрываютъ свои лепестки, все равно какъ мы на ночь окна въ спальняхъ,—замѣтила Нюта.

— Болѣе того: лютикъ даже угадываетъ, какая

будеть погода въ продолженіи дня; если будетъ дождь, то онъ съ утра не раскрываетъ своихъ лепестковъ.

— Онъ угадываетъ погоду, какъ папинъ барометръ? — удивилась Нюта.

— Быть можетъ, еще вѣрнѣе!

— Значить, цвѣты за ночь отдыхаютъ, какъ и мы?

— По всей вѣроятности — да.

— Какіе они милые!

— И понятливые, — прибавилъ садовникъ.

— Нѣкоторые образуютъ изъ своихъ листьевъ настоящую колыбельку надъ цвѣтами, какъ, напримѣръ, алыі трилистникъ, королевъ цвѣтъ и кислица. Точно такъ же поступаютъ бальзаминъ и садовая лебеда, которые на ночь укрываютъ между двумя листьями молодые побѣги, а съ восходомъ солнца раскрываютъ ихъ, — продолжалъ старикъ.

— Скажи, Іоакимушка, всѣ цвѣты одновременно засыпаютъ и просыпаются?

— Нѣтъ, и между ними есть прилежные и лѣнивые. Одни просыпаются раньше, другіе позже.

— Значить, цвѣты могутъ по своему желанію дѣлать движеніе, а я думала, что только вѣтеръ ихъ двигаетъ.

— Вы ошибались, милое дитя. Видали вы когда-нибудь подсолнечникъ?

— Какъ же! Когда мы ѣхали изъ Петербурга сюда, то дорогою въ Малороссіи видѣли цѣлыя поля подсолнечниковъ, съ крѣпкими прямыми стволами и большими, круглыми, ярко-желтыми цвѣтами.

— Вотъ, вотъ, они самые! Знаете, отчего это растеніе называютъ подсолнечникомъ? Потому, что онъ постоянно поворачиваетъ свой круглый цвѣтокъ къ

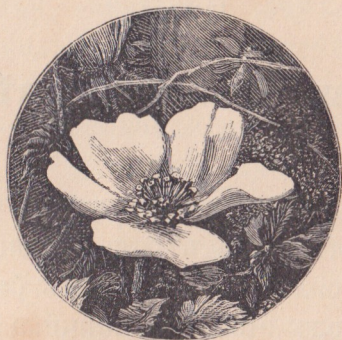
солнцу. Впрочемъ, это не единственный примѣръ: многіе цвѣты поворачиваютъ свои головки утромъ къ восходящему, вечеромъ къ заходящему солнцу.

— Отчего же они это дѣлаютъ? — спросила Нюта.

— Оттого, что солнце имъ необходимо для роста, и цвѣты это чувствуютъ...

— Какъ, цвѣты даже чувствуютъ? — удивилась Нюта.

— Чувствуютъ, барышня! пойдѣте со мною и вы увидите, что я не шучу!

XXVI.

Чувствительность цвѣтовъ.

Иоакимъ и Нюта подошли къ живой изгороди, отдѣляющей „Нютинъ Садъ“ отъ общаго парка. Изгородь эта состояла изъ кустиковъ барбариса.

Сѣрый стволъ этого кустарника былъ покрытъ колючками, изъ угловъ которыхъ выходили вѣточки съ густой листвою и красивыми кистями желтоватыхъ цвѣтовъ.

Старикъ вынулъ изъ блузы длинную булавку и обратился къ Нютѣ:

— Вотъ, посмотрите! я осторожно уколою тычинки этого цвѣтка, и вы увидите, какъ онъ почувствуетъ мое прикосновеніе.

Едва успѣлъ садовникъ дотронуться до тычинокъ

барбариса, какъ тѣ заколыхались, задвигались и только черезъ нѣкоторое время приняли свое первоначальное положеніе.

— Ахъ, не трогай ихъ больше, онѣ чувствуютъ! Имъ, можетъ быть, больно!—вскричала дѣвочка.

Вмѣсто отвѣта Іоакимъ указалъ Нютѣ на красивое растеніе съ перистыми листьями.

— Я знаю это растеніе; это мимоза,—сказала Нюта и схватила листокъ ея.

Но лишь только дѣвочка дотронулась пальчикомъ до перышка мимозы, какъ всѣ листочки быстро приложились одинъ къ другому.

— Видите! бѣдное, маленькое растеньице испугалось,—оно не можетъ иначе защищаться, какъ свернувъ свои листья,—сказалъ Іоакимъ.

Черезъ нѣсколько минутъ листочки стали медленно расправляться.

— Они вѣрно успокоились,—замѣтила Нюта, опять притрогиваясь къ зубчикамъ листьевъ.

— Такой же точно чувствительностью отличаются еще два небольшихъ растенія: мухоловка и росянка,—продолжалъ старикъ.

— Росянка... Какое странное названіе!—удивилась Нюта.

— Росянкой ее называютъ оттого, что ея листья всегда покрыты красивыми капельками красной жидкости, которую выдѣлываютъ железки, сидящія на листьяхъ; капельки эти, точно росой, покрываютъ низенькій стебелекъ росянки и восемь круглыхъ, съ тонкими волосиками листьевъ, сидящихъ розеткою вокругъ всего растеньица.

Цвѣтъ капель привлекаетъ много насѣкомыхъ, въ

особенности мухъ, но едва какая-нибудь лакомка успѣетъ опуститься на росянку, какъ жидкость сковываетъ ей ножки и крылышки, волосики обхватываютъ ее со всѣхъ сторонъ, прижимаютъ къ листу и совершенно закрываютъ ее; въ такомъ положеніи они остаются пока всѣ соки жертвы не всасываются листомъ; затѣмъ волосики выпрямляются и принимаютъ первоначальное положеніе.

— О! что же они дѣлаютъ съ мухой?

— Росянка мало-по-малу съѣдаетъ ее. Пока железистые волосики остаются закрытыми, красная жидкость усиленно работаетъ надъ мухой и перевариваетъ ее, какъ желудокъ животнаго перевариваетъ мясную пищу.

— Какъ росянка, такъ и мухоловка, растущая въ Сѣверной Америкѣ, принадлежатъ къ насѣкомояднымъ растеніямъ, — продолжалъ Іоакимъ. — А вотъ одинъ путешественникъ рассказывалъ, что видѣлъ въ жаркихъ странахъ растеніе „людоѣдъ“.

— Людоѣдъ?

— Да, представьте себѣ такое растеніе, которое можетъ съѣсть человѣка.

— Господи Боже мой, какіе ужасы! я думаю это сказки! — сказала взволнованная дѣвочка.

— Конечно, сказки, но путешественникъ увѣряетъ, что лично видѣлъ и присутствовалъ при ужасномъ дѣйствиіи этого чудовищнаго дерева, которое растетъ на одномъ изъ величайшихъ острововъ Индійскаго океана, именно на Мадагаскарѣ.

Вышина дерева достигаетъ, по словамъ путешественника, до 6 — 8 аршинъ. Съ вершины, касаясь земли, спускаются восемь очень толстыхъ, длинныхъ,

неподвижныхъ листьевъ, имѣющихъ до полутора аршина въ окружности. Сама вершина имѣетъ видъ большой, глубокой тарелки, которая содержитъ въ себѣ липкую, прозрачную, густую, какъ медъ, жидкость, обладающую усыпляющимъ свойствомъ.

Края тарелки покрыты зелеными, расходящимися по всѣмъ направлѣнiямъ щупальцами въ 2—3 аршина длины, съ тонкими, какъ остріе, концами.

Надъ ними возвышаются шесть гибкихъ длинныхъ стеблей, которые находятся въ непрерывномъ движеніи.

Путешественникъ, открывшій это необыкновенное растеніе, рассказываетъ, что мѣстные дикари считаютъ его священнымъ и приносятъ ему человѣческія жертвы.

Дикіе народы, населяющіе тѣ страны, ведутъ между собою постоянныя войны и захваченныхъ въ плѣнъ они приносятъ въ жертву или съѣдаютъ живьемъ.

Когда плѣнные назначены для жертвоприношенія, имъ связываютъ руки и ноги и держатъ день, два подъ сильнѣйшей охраной. На третій день, несчастныхъ въ сопровожденіи всей деревни гонятъ къ тому мѣсту, гдѣ стоитъ священное дерево.

Съ дикими, воинственными пѣснями и пляской, которыя по мѣрѣ приближенія къ священному дереву становятся все воинственнѣе и страшнѣе, ведутъ обреченныхъ на смерть.

Вотъ показалось дерево-людоедъ. Первый плѣнникъ почти еще ребенокъ, съ чуднымъ коричневымъ, изъ бронзы вылитымъ лицомъ, остановился въ передѣ деревомъ.

Кругомъ раздались яростные крики и угрозы, въ воздухѣ замелькали ядовитыя стрѣлы... несчастный все

еще колебался, но при видѣ разъяренныхъ лицъ имъ овладѣлъ еще большій ужасъ, и онъ, какъ въ чаду, влѣзъ на самую вершину и усѣлся между движущимися стеблями.

„Пей! пей изъ священной чаши!“ — раздались грозные голоса; „если не будешь слушаться, то въ тебя полетятъ ядовитыя стрѣлы, отъ которыхъ ты сейчасъ же умрешь!“

Не сознавая, что вокругъ него дѣлается, юноша нагнулся и отпилъ немного жидкости...

Едва онъ сдѣлалъ два-три глотка, какъ началъ пьянѣть отъ убійственного напитка: по всему его тѣлу пробѣжала, какъ бы огненная, волна, онъ вскочилъ и выпрямился, вѣроятно, желая броситься внизъ.

Но въ то же мгновеніе колеблющіеся стебли спустились на жертву, сжимая, какъ въ тискахъ, его голову и руки, щупальцы съ невѣроятной быстротой и силой поднялись вокругъ его тѣла, а гигантскіе, лежавшіе до сихъ поръ неподвижными, листья медленно стали подыматься и со всѣхъ сторонъ окутали несчастнаго...

Нѣсколько минутъ раздавались стоны бѣдной жертвы. Затѣмъ все смолкло.

Чудовищное растеніе, по всей вѣроятности, также раздавливаетъ и пожираетъ человѣка, какъ ея карлица родственница—росянка поступаетъ съ мухой.

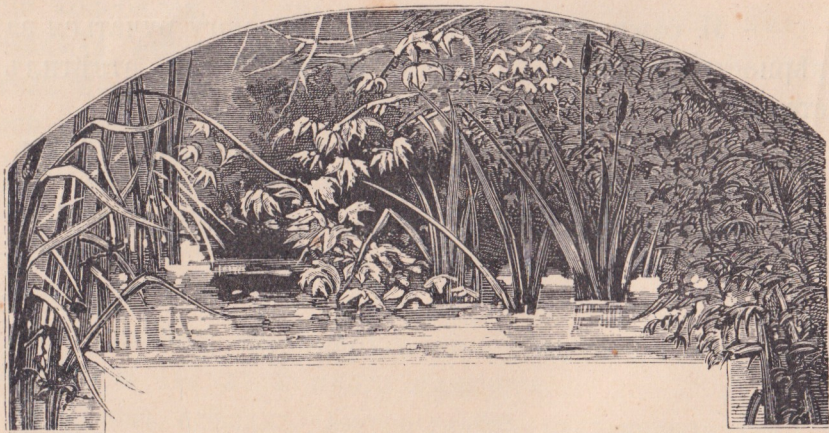
Остальныхъ плѣнныхъ жрецы принесли въ жертву у подножія дерева и толпа съ крикомъ и ликомъ разошлась.

— Неужели это правда?!—вскрикнула возмущенная рассказомъ дѣвочка.

— Я самъ не видѣлъ этого и не могу ручаться за вѣрность разсказа, но читалъ это въ книгѣ,—отвѣтилъ старикъ.

— Какъ я счастлива, что живу не съ дикими, а здѣсь, въ нашемъ домѣ, со всѣми вами!—сказала Нюта, содрогаясь отъ только что слышаннаго разсказа.

XXVII.

Какъ растенія путешествуютъ.

Дѣто стояло во всей красѣ, цвѣты нарядились въ самые яркіе лепестки, плоды на деревьяхъ созрѣли, въ гнѣздахъ подрастали птенчики: аистъ уже водилъ своихъ дѣтенышей на ближайшее болото, а на виноградникахъ красовались тяжелыя кисти винограда, готовыя отъ тяжести сорваться съ лозы.

Несмотря на прекрасное время, гости уѣхали изъ усадьбы. Коля съ матерью должны были вернуться въ городъ, съ ними же уѣхалъ и дядя, котораго призывали въ Петербургъ его служебныя занятія.

Нюта сперва очень скучала, въ особенности по

дядѣ, но южная природа своими чарующими красотою развлекала дѣвочку.

Однажды Нюта и другъ ея Ваня сидѣли въ виноградникѣ и о чемъ-то горячо спорили. Къ нимъ незамѣтно подошелъ Іоакимъ.

— Дѣдушка!—вскричалъ Ваня,—вотъ Нюта все спорить: я говорю, что усики на виноградныхъ вѣточкахъ растутъ безъ всякой пользы, а она говоритъ, что нѣтъ. Вѣдь правда, что они такъ себѣ растутъ?

— Нѣтъ, братъ, въ природѣ ничего даромъ не существуетъ,—отвѣтилъ старикъ,—и усики несутъ свою службу.

— Ну!—усумнился Ваня, недовѣрчиво поглядывая на зеленые длинные нити, причудливо вьющіяся между листьями.

— Гляди, Ваня, какъ эти прищѣпки обвились вокругъ палокъ и стволовъ встрѣчныхъ деревьевъ,—обратился къ нему дѣдъ.

Цѣпляясь за все близъ находящіеся предметы, прищѣпки или усики оказываютъ слабому виноградному стеблю большую услугу, такъ какъ самъ по себѣ стебель слишкомъ слабъ и не въ силахъ держать тяжесть гроздей.

Съ тѣхъ поръ, какъ виноградъ сталъ для людей драгоценнымъ растеніемъ, о немъ, конечно, заботятся люди и по возможности уничтожаютъ прищѣпки, подпирая лозы палками.

Но остающіеся усики отличаются большою чувствительностью и продолжаютъ передвигаться съ мѣста на мѣсто.

— Ты самъ видѣлъ, какъ усики перемѣщаются съ мѣста на мѣсто?—спросили дѣти.

— Конечно видѣлъ! И знаете, какъ я это замѣтилъ?— отвѣтилъ старикъ.

Однажды я увидѣлъ, какъ молоденькій прищѣпокъ тянулся къ палкѣ, воткнутой для поддержки лозы.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней я наблюдалъ, какъ онъ все больше и больше вытягивался по направлению къ ней; когда же онъ почти дошелъ до палки, я выдернулъ ее и поставилъ съ другой стороны.

Прищѣпокъ нѣкоторое время оставался какъ бы въ недоумѣніи, но черезъ нѣсколько дней онъ началъ гнуться по направлению къ подпоркѣ.

— Что за умница зеленый усикъ!— воскликнули въ одинъ голосъ дѣти.

— Да это что!— усмѣхнулся старикъ.— Я вамъ расскажу еще болѣе удивительную исторію про передвиженіе растенія.

Однажды птица или вѣтеръ принесли въ тѣнистую сторону узенькой канавки крылатое сѣмячко клена.

Сѣмя упало на землю, проникло внутрь и дало ростокъ, который мало-по-малу превратился въ деревцо; вскорѣ, однако, оно увидѣло, что пища на этой сторонѣ для него не подходящая, и солнца совсѣмъ нѣтъ, между тѣмъ какъ противоположный край представлялъ плодородную почву и весь лежалъ подъ живительными лучами. Чтобы не зачахнуть въ тѣни, деревцо рѣшило перемѣститься туда.

— Какъ? дерево переходитъ съ мѣста на мѣсто! И ты это серьезно говоришь?— спросила Нюта.

— Совершенно серьезно! И знаете, какъ оно перемѣстилось? Сначала деревцо пустило нѣсколько кор-

ней надъ водою; тѣ расли себѣ по направленію къ желанному мѣсту и, когда коснулись твердой почвы, крѣпко вкоренились въ нее.

Нѣкоторое время деревцо стояло какъ бы на мосту: одна часть корней вросла въ новую почву, другая оставалась въ старой, но новые корни все больше и больше вросли въ землю, притягивая къ себѣ и все растеніе, которое наконецъ и перешло къ

нимъ, когда старые корни ослабли и завяли.

Конечно, для такого перемѣщенія нужно было много времени, но это, какъ вы видите, не останавливало смѣльчака.

— Я начинаю думать, что растенія также понятливы, какъ животныя,—проговорила Нюта.

— Да, если такъ присмотрѣться и изучить ихъ жизнь, какъ я это сдѣлалъ, то въ самомъ дѣлѣ поражаешься нѣкоторыми явленіями,—отвѣтилъ Іоакимъ.

Большинство растеній не умѣетъ отличать годной почвы отъ негодной и пускаетъ корни туда, куда ихъ заброситъ случай, часто погибая при этомъ; но между растеніями не мало встрѣчается такихъ, которыя умѣютъ управлять, какъ своими стеблями, такъ и корнями, и постоянно стараются принять такое положеніе, чтобы солнце по возможности больше освѣщало ихъ.

— Вы, вѣрно, не разъ видѣли въ роцѣ и въ паркѣ изогнутыя деревья?

— Да! много разъ!

— Деревья эти вначалѣ росли совершенно прямо, но другія растенія мѣшали солнечнымъ лучамъ проникать къ нимъ; тогда деревца перестали расти въ вышину и начали высматривать, съ которой стороны имъ можно будетъ безпрепятственно пользоваться благодатнымъ дыханіемъ солнышка; вотъ для этого-то они и согнулись, стараясь выйти изъ тѣни.

Плющъ не даромъ обвивается вокругъ крѣпкаго дуба,—и ему хочется взглянуть зеленымъ глазкомъ на золотое сіяніе солнца. Онъ слишкомъ слабъ, чтобы самому подняться, и вотъ онъ, обвивая гигантскій стволъ, какъ по лѣстницѣ, подымается кверху и, робко выглянувъ изъ гущи листьевъ, тихо шепчетъ: „Здравствуй, родное солнышко, вотъ и я!“

Растеніе умѣетъ управлять не только корнемъ, стеблемъ и цвѣтами, но даже листьями.

Попробуйте положить на виноградный листъ легонькую дощечку: вы вскорѣ увидите, что листочекъ выдвинется направо или налево и будетъ до тѣхъ поръ двигаться и вертѣться, пока не освободится отъ препятствія, мѣшающаго ему...

Не успѣлъ Іоакимъ кончить, какъ Нюта съ громкимъ хохотомъ вскрикнула:

— Посмотри, что́ это у Вани на носу и въ какомъ онъ колпакѣ?

XXVIII.

Материнская заботливость растеній.

Иоакимъ быстро обернулся и самъ разсмѣялся.

Ваня, которому наскучило слушать разговоры дѣда съ Нютой, незамѣтно ушелъ и выбѣжалъ за ворота. Тутъ его давно дожидалась цѣлая ватага дѣтей, чтобы идти вмѣстѣ купаться.

Ваня присоединился къ товарищамъ, и вся толпа съ крикомъ и гамомъ помчалась по направленію къ рѣчкѣ.

— Стой! — крикнулъ одинъ черноглазый мальчикъ, — надѣнемъ всѣ очки!

— Надѣнемъ, надѣнемъ! — отвѣтила въ одинъ голосъ дѣтвора и они принялись собирать кленовыя сѣмена, которыя, въ видѣ пенснэ, посадили на носъ.

Ванѣ такъ понравилась новая выдумка, что онъ сейчасъ же вернулся домой, чтобы показаться Нютѣ.

Проходя мимо растворенныхъ дверей своей избышки, онъ увидѣлъ на кровати полосатый дѣдушкинъ колпакъ.

„Надо въ него нарядиться“,—подумалъ шалунъ и надѣлъ колпакъ на голову, а импровизированное пенснэ, благодаря своему клейкому соку, отлично держалось на курносомъ носикѣ.

— Ну, на кого ты похожъ?—обратился къ нему полушутя, полуласково дѣдъ,—хоть бы барышни постыдился, скоморохъ ты этакій!

Но барышнѣ самой понравились очки Вани, она тоже подняла съ дорожки длинное сѣмя клена, открыла его съ одного конца и надѣла себѣ на носъ, какъ это сдѣлалъ ея пріятель.

— Я никогда не обращала вниманія на клень. Какія у него интересныя сѣмена,—разскажи мнѣ, пожалуйста, что-нибудь про нихъ!—обратилась она къ старику.

— Съ большимъ удовольствіемъ, только для этого я васъ попрошу въ вашъ садъ, гдѣ растутъ клены.

Нюта, съ крылаткой на носу, пошла за старикомъ, и они скоро остановились передъ высокимъ деревомъ съ выемчатыми листьями, похожими на руки съ растопыренными пальцами.

На вѣткахъ висѣли кисти зеленыхъ сѣмянъ.

— Вотъ и клень!—сказалъ Іоакимъ.

— Вижу, что клень! а ты мнѣ скажи, отчего его сѣмена снабжены крыльями?—перебила его Нюта.

— Чтобы удобнѣе сидѣть на носу!—отвѣтилъ самоувѣренно Ваня.

— Нѣтъ, братъ! растеніе озаботилось дать своимъ дѣтямъ-сѣменамъ крылья совсѣмъ для иной цѣли. Если

бы сѣмена упали на землю около самага дерева,— продолжалъ старикъ,— то погибли бы, такъ какъ въ занятой уже корнями землѣ не нашли бы для себя пищи; кромѣ того, тѣнь старой листвы мѣшаетъ солнцу согрѣвать молодые побѣги. И вотъ, чтобы разсылать свои сѣмена въ далекій бѣлый свѣтъ, растенія снабжаютъ своихъ малютокъ разными придатками.

Кленъ придѣлалъ своимъ—крылышки, чтобы они подальше улетали; василекъ и ворсянка снабдили свои сѣмена пушистымъ хохолкомъ, который легко подымаетъ ихъ на воздухъ.

Сѣмена кипариса поднимаются до вершинъ горъ. Левкой для полета нарядилъ своихъ дѣтокъ въ чешуйки.

У нѣкоторыхъ растеній сѣмена лежатъ въ челночкахъ, приспособленныхъ къ далекимъ плаваніямъ по морямъ и рѣкамъ.

Оливковое дерево укрываетъ сѣмена въ крошечные, круглые боченочки, хорошо катящіеся по дорогѣ.

Бальзаминъ самъ разбрасываетъ съ силою спѣлыя сѣмена.

Американское дерево, трескалка, съ трескомъ разрываетъ плеву, окутывающую сѣмена, и оттого получило такое названіе.

— Но вѣдь ты мнѣ показывалъ недавно сѣмена, которыя слишкомъ тяжелы, чтобы перелетать въ воздухъ,— у нихъ нѣтъ ни крыльевъ, ни лодочекъ, ни хохолковъ!—перебила дѣвочка рассказчика.

— Вы забыли про птицъ и насѣкомыхъ,— улыбнулся старикъ.— Лакомки птицы таскаютъ ягоды и перелетаютъ съ ними съ мѣста на мѣсто. Сѣвъъ мякоть, онѣ большею частью роняютъ косточки и зернышки,

которыя падаютъ на землю, въ трещины утесовъ или на пни, смотря потому, гдѣ застракала птица.

То же самое дѣлають полевые мышки, ежи и бѣлочки, въ особенности послѣднія.

Натаскаетъ себѣ бѣлочка на зиму запасовъ и устраиваетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ кладовыя. Случается, что она орѣшки теряетъ по дорогѣ или забываетъ вынуть какой-нибудь запасецъ, а онъ къ веснѣ и проросъ, и корешки пустилъ: смотришь, къ осени и стебелекъ вышелъ.

На берегахъ океана, при впаденіи большихъ рѣкъ, растетъ одно дерево—Мангле, которое только тогда разстается съ сѣменами, когда изъ нихъ выходитъ уже корешекъ. Часто можно видѣть, что корни сѣмянъ достигаютъ почвы въ то время, когда сѣмя еще на деревѣ. Дѣлаетъ оно это для того, чтобы вода своимъ теченіемъ не унесла сѣмена и не испортила ихъ.

— Когда я вырасту, то попрошу папу свезти меня въ жаркія страны, чтобы своими глазами увидѣть всѣ чудеса, о которыхъ ты рассказываешь; только къ дикимъ не поѣду,—сказала Нюта и поблагодаривъ Іоакима, побѣжала съ Ваней собирать кленовые листья, изъ которыхъ она съ большимъ искусствомъ умѣла плести корзинки.

XXIX.

З л а к и.

Нютинъ садъ пестрѣлъ и благоухалъ роскошными цвѣтами. Не только Нюта съ Вѣрой, но и Василій Ивановичъ съ Ольгой Дмитріевной проводили въ немъ все свое свободное время. Нюта почти весь день бывала очень занята; она теперь много знала изъ жизни растеній и способъ ухаживанья за ними; она помогала Іоакиму во всѣхъ его садовыхъ работахъ и гордилась своей новой кличкой: „Опытной садовницы“, которую далъ ей теперь старикъ.

Между тѣмъ незамѣтно подходила осень съ крупными кистями винограда, съ грудями грушъ и яблокъ.

Хотя виноградъ и не вполне еще созрѣлъ и до его сбора оставалось недѣльки двѣ, но Ваня этимъ не смущался: онъ собиралъ ягоды прямо въ ротъ, не замѣчая ихъ кислаго вкуса.

Судя по царапинамъ на лицѣ и на рукахъ, ему не даромъ давались встрѣчи съ садовниками въ чужихъ

виноградникахъ, о чемъ иногда еще свидѣтельствовали разодранные штанишки и курточка.

Но Ваню такіе пустяки не останавливали и онъ храбро таскалъ чужой виноградъ.

Доставалось ему и отъ дѣда, но Ваня и на это не обращалъ особеннаго вниманія. Іоакимъ только рукой махалъ, когда Нюта спрашивала про мальчика.

Приблизилось наконецъ и время сбора фруктовъ; къ столу ужъ подавались персики и винныя ягоды.

— Завтра придется рано встать, чтобы пойти въ татарскую деревню,—сказалъ однажды за обѣдомъ Василій Ивановичъ; скоро начнется сборъ фруктовъ, надо нанять людей. Въ той деревнѣ, помимо татаръ, живутъ и русскіе, у которыхъ нѣтъ своихъ садовъ, и они охотно нанимаются въ работники.

— Папа, возьми меня съ собою, — попросилась Нюта.

— Хорошо, только смотри, устанешь, вѣдь я туда пѣшкомъ пойду, да кромѣ того рано встать придется.

— Нашелъ, чѣмъ ее пугать! — улыбнулась Ольга Дмитриевна. — Она навѣрное раньше твоего встанетъ, вѣдь она на зарѣ будитъ птицъ.

Нюта весело посмотрѣла на отца.

— Не просплю! — говорили ея синіе глазки.

Едва солнышко глянуло изъ-за роци въ Нютино окошко, какъ дѣвочка вскочила, умылась, одѣлась, помолилась и пошла будить папу.

Василій Ивановичъ намѣревался только еще повернуться на другой бокъ, когда Нюта потихоньку открыла дверь спальни и на цыпочкахъ подошла къ кровати.

— Кто проспалъ? кто? — сказала она громко.

— А, что?—пробормоталъ въ просонкахъ Василій Ивановичъ.

— Нюта, пожалуй, проспить! Вставай, лапочка, ее будить...—кричала громко рѣзвуха. Василій Ивановичъ открылъ глаза и, увидя розовое личико дочери, съ любовью потянулъ ее къ себѣ.

— Птичка моя ранняя! Хорошо, что ты меня будила, я бы навѣрное проспалъ, а тамъ, глядишь, и поздно, и жарко идти, а теперь славно запагаемъ на утренней зарѣ! Пойди, распорядись пока, чтобы скорѣе подали чай, я черезъ полчаса буду готовъ.

Нюта живо распорядилась и ровно черезъ полчаса она съ отцомъ выходила изъ воротъ усадьбы. Чтобы сократить дорогу, они пошли по пролегающей черезъ поле межѣ.

Ихъ скрыло золотое море волнующихся колосьевъ, изъ которыхъ привѣтливо выглядывалъ голубой глазокъ василька.

Роса еще блестѣла на гибкихъ стебляхъ, влажная трава ложилась и путалась подъ ногами, а косые солнечные лучи трепетали на налившихся колосьяхъ. Нюта прислушивалась, какъ перекликались съ одного конца поля на другой перепела, и смотрѣла, какъ высоко въ синемъ небѣ парили ястреба, зорко высматривая добычу.

Поля тянулись на безконечное пространство, за однимъ начиналось другое, третье,—и такъ безъ конца; пшеница чередовалась съ кукурузой, кукуруза съ просомъ и т. д.

Нютѣ нравилась эта прогулка среди цѣлаго лѣса золотыхъ стеблей. То она забѣгала впередъ за полевымъ макомъ или василькомъ, то отставала, закиды-

вала къверху головку и сквозь колосья глядѣла на синее небо, откуда сыпались серебряныя трели жаворонковъ.

— Папа, давай нарвемъ большой букетъ колосьевъ для Вѣры,—предложила она.

— Нѣтъ, дѣвочка, колосья рвать зря грѣшно.

— Отчего?

— Оттого, что колосья—хлѣбъ.

— Какой же хлѣбъ колось!—воскликнула удивленно Нюта.

— Конечно, не готовый, который можно сейчасъ ѣсть, но изъ его зеренъ мелютъ муку, а изъ нея ужъ готовятъ хлѣбъ.

Нюта шла нѣкоторое время молча, потомъ спросила:

— Папа, отчего одинъ хлѣбъ бѣлый, другой черный?

— Оттого, что черный хлѣбъ готовятъ изъ ржи, а бѣлый изъ пшеницы. Обѣ онѣ,—и рожь и пшеница,—точно такъ-же, какъ и кукуруза, рисъ, просо, ячмень и овесъ принадлежать къ одному семейству *злаковъ*.

— Какъ стебель злаковъ похожъ на солому!—сказала Нюта.

— Да это и есть солома, только пока колось растетъ въ полѣ, стебель его называютъ *соломиной*, когда же хлѣбъ обмолоченъ, соломина получаетъ названіе соломы, и идетъ на разныя хозяйскія нужды: ею кроютъ избы и амбары, подстилаютъ скоту, а въ голодную пору ее мелко рубятъ и прибавляютъ къ мукѣ.

Не вкусенъ и не питателенъ такой хлѣбъ, да что подѣлаешь, съ голода не то еще поѣшь!—добавилъ Василій Ивановичъ.

— Я думала, что солома растеть отдѣльно,—сказала Нюта.

— Не ты одна такъ думаешь!—засмѣялся отецъ.

— Соломина внутри пустая,—замѣтила дѣвочка, разламывая одинъ стебель, со вздутыми узлами.

— Да, пустая, но ты видишь, что узлы не пустые, а плотные; изъ нихъ выходятъ листья и, кромѣ того, они даютъ соломинѣ крѣпость противустоять непогодѣ и вѣтру...

— Скажи, папа, есть люди, которые не ѣдятъ хлѣба?

— Понятно, дѣвочка, есть: хлѣбъ растеть только въ умѣренномъ климатѣ, а въ жаркомъ замѣняютъ его рисъ и нѣкоторыя пальмы. Каждый сортъ злаковъ выбираетъ себѣ свою полосу; гдѣ очень тепло и снѣга совсѣмъ нѣтъ—родится рисъ, гдѣ снѣгъ рѣдко выпадаетъ—сѣютъ кукурузу, у насъ же, въ Крыму, больше всего сѣютъ пшеницу и полбу; но гдѣ зима холодная, тамъ пшеница гибнетъ, вмѣсто нея сѣютъ рожь, овесъ и ячмень, которые не боятся такъ морозовъ.

Безъ хлѣба,—продолжалъ отецъ,—русскій крестьянинъ не можетъ жить, хлѣбъ для него все: и пища, и богатство! Потому-то онъ въ потѣ лица и обрабатываетъ свою землю. У насъ, въ Крыму, или въ Малороссіи, гдѣ земля вся черная, жирная, однимъ словомъ черноземная,—благодать для земледѣльца, а на сѣверѣ, гдѣ почва глинистая или каменистая, на которой съ трудомъ родится хлѣбъ, вотъ тамъ мужичку мѣка! Трудно достается ему пропитаніе. вспашетъ насилу свою глинистую землю, засѣетъ ее, а тутъ вдругъ пойдутъ холода и посѣвъ погибаетъ.

Кромѣ морозовъ да вѣтровъ, у хлѣба столько вра-

говъ, что не сосчитаешь! Не далеко идти — твои же любимые васильки его губятъ; они вѣдь дармоѣды, живутъ на счетъ хлѣба, вытягивая изъ земли соки, которые нужны злакамъ.

Кромѣ нихъ, лебеда, пырей и цѣлая масса сорной травы портятъ и заглушаютъ поля.

Еще худшихъ враговъ имѣютъ злаки между насѣкомыми и млекопитающими: полевая мышь, зайцы, суслики и другія животныя подрываютъ стебель и обгрызаютъ зерна.

Весной на поля налетаютъ разныя мухи, откладываютъ на нихъ яички, а вылупившіяся потомъ личинки пожираютъ посѣвъ.

Въ теплыхъ же странахъ, гдѣ хлѣба родится больше, чѣмъ у насъ, водится самый страшный и безпощадный врагъ его — саранча.

Она летаетъ такими несмѣтными тучами, что закрываетъ совершенно солнечный свѣтъ.

Въ одно мгновеніе страшная туча саранчи опускается на землю, покрываетъ толстымъ слоемъ поля, воду и деревья, вѣтки которыхъ ломаются подъ ея тяжестью, и въ одинъ часъ превращаетъ цвѣтушія нивы, сады и огороды въ пустыню. Она поѣдаетъ и сгрызаетъ все, что попадется.

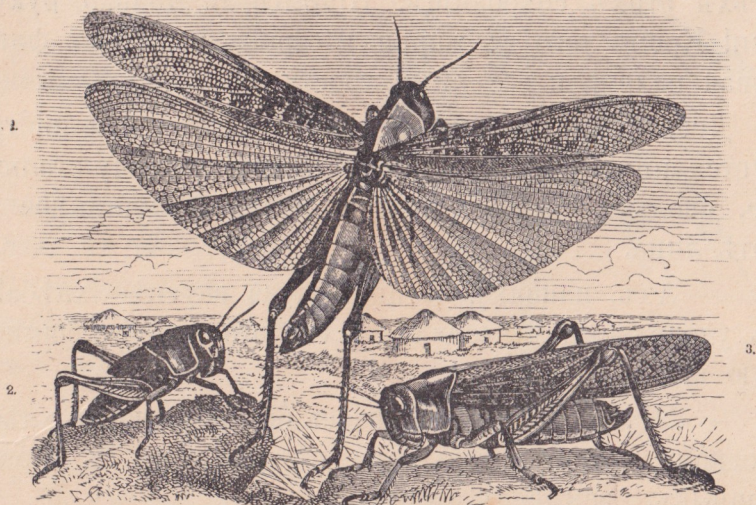
Этимъ однако бѣда еще не кончается: саранча въ то же время успѣваетъ отложить въ землю яички, изъ которыхъ впослѣдствіи выходятъ личинки, отличающіяся не меньшей прожорливостью...

— Неужели нѣтъ способа избавиться отъ нея? — спросила Нюта.

— Почти нѣтъ; впрочемъ, саранча боится огня и шума и если люди во-время замѣчаютъ издали грозное

нашествіе, то вся деревня выбѣгаетъ въ поле; бабы и дѣти съ кастрюлями, сковородами и ведрами стараются производить какъ можно больше шума, мужики же наскоро разводятъ костры.

Если удастся все это сдѣлать, пока саранча еще не опустилась, то она пугается и летитъ дальше.

— А въ Крымъ прилетаетъ саранча?—спросила Нюта, боязливо вглядываясь вдаль.

— Прилетаетъ, хотя, къ счастью, очень рѣдко. Такъ вотъ, дочка, съ какими силами приходится считаться мужику-хлѣбопашцу за каждый кусокъ хлѣба; не такая ему выпала завидная участь, какъ жителямъ тропическихъ странъ, которымъ не приходится ни сѣять, ни жать, — для нихъ все готово. Они цѣлый день, ничего не дѣлая, лежатъ передъ своими бамбуковыми хижинами или охотятся въ дремучихъ лѣсахъ.

— Гдѣ же дикари берутъ хлѣбъ?—спросила Нюта.

— Хлѣбъ они получаютъ отъ хлѣбнаго дерева, мясистый, большой плодъ котораго вѣситъ иногда около полупуда, изъ кокосовой же пальмы дикари добываютъ молоко, сахаръ, пальмовое вино, орѣхи и строительный матеріалъ.

И никакой работы не требуется для добыванія всѣхъ этихъ сокровищъ. Протягивай только руку и рви! Кромѣ того въ жаркихъ странахъ растетъ финиковая пальма и сахарный тростникъ.

Десять финиковыхъ пальмъ, за которыми не требуется никакого ухода, даютъ своему хозяину столько же, сколько у насъ большое поле, обработанное въ потѣ лица.

— Ахъ, папочка, финики куда вкуснѣе хлѣба! я съ удовольствіемъ отдала бы все это поле за финиковую пальму...

— И навѣрное соскучилась бы по родному хлѣбу! Всякому нравится только то, къ чему онъ съ дѣтства привыкъ,—замѣтилъ отецъ.

— Не знаю, — протянула Нюта. — А скажи, папочка, отчего хлѣбъ связываютъ въ снопы, складываютъ въ скирды и зачѣмъ оставляютъ на полѣ? Вѣдь зерна растаскиваются птицами!

— Птица не много растащить, а не оставлять его на полѣ нельзя: колосья досушиваются на солнцѣ и зерно легче выпадаетъ при молотбѣ; безъ сушки зерно нельзя выбить изъ колоса.

Въ тепломъ климатѣ и у насъ въ Малороссіи хлѣбъ досыхаетъ на полѣ, сѣвернѣе же, гдѣ не такъ сильно грѣетъ солнце, его досушиваютъ на огнѣ, на

гумнахъ, въ особо для того устроенныхъ овинахъ или ригахъ, продолжалъ Василій Ивановичъ.

Когда колосья подсохнутъ приступаютъ къ молотбѣ. Тутъ же около риги готовятъ гладкое мѣсто, на которомъ раскладываютъ рядами снопы и принимаются молотить.

Молотятъ цѣпомъ или молотиломъ, состоящимъ изъ длинной палки, къ концу которой, на ремешкѣ, прикрѣплена другая палка поменьше.

Для молотбы требуется не только сила, но ловкость и умѣнье.

Когда вымолотятъ зерно, сложатъ грудой на току (такъ называется гладкое мѣсто, на которомъ молотятъ), то его надо еще просѣять или, какъ крестьяне говорятъ, провѣять, чтобы отдѣлить зерно отъ мякины, соломы и всякой пыли.

Для этого зерна взбрасываются лопатой противъ вѣтра; тяжелое зерно падаетъ тутъ же, а мякина относится вѣтромъ.

Провѣянное зерно возятъ на мельницу, гдѣ его превращаютъ въ муку...

— Помнишь, папочка, когда мы проѣзжали черезъ Малороссію, то въ каждой деревнѣ видѣли вѣтряныя мельницы съ растопыренными, какъ у птицы, крыльями?

— Помню! Въ Малороссіи и въ другихъ степныхъ губерніяхъ, гдѣ воды немного, поневолѣ строятъ вѣтряныя мельницы, — отвѣтилъ Василій Ивановичъ, — но сѣвернѣе, гдѣ много воды, строятъ водяныя, такъ какъ посредствомъ воды мельница можетъ молоть, когда человѣку вздумается, вѣтряная же только тогда мелетъ, когда есть вѣтеръ, который двигаетъ ея крыльями, а въ другое время она стоитъ неподвижно.

— А какъ я испугалась, когда увидѣла въ первый разъ мельника, бѣлаго, всего обсыпаннаго мукой! — засмѣялась Нюта, вспоминая, какъ она кричала: „привидѣніе, привидѣніе...“ и перепугала всю прислугу.

— Значить, муку дѣлаютъ только изъ пшеницы и ржи? — спросила она черезъ нѣкоторое время.

— Нѣтъ! Кромѣ пшеничной и ржаной муки существуетъ еще масса сортовъ: овсяная, гречневая, гороховая, ячменная и т. д.

— Неужели изъ овса дѣлаютъ муку? — я думала, овесъ ѣдятъ однѣ лошади!

— Вотъ еще! А твой любимый овсяный кисель!

которымъ насъ угощаетъ въ посту няня, изъ чего же онъ сдѣланъ? а пряники съ миндалемъ и медомъ? все изъ той же овсяной муки...

— Вотъ и деревня! — воскликнула Нюта, останавливаясь.

Изъ утренняго тумана выплыли фруктовые сады и виноградники, окружающіе татарскую деревушку съ бѣлыми хижинами, крытыми плоскими крышами, и просторными дворами, обсаженными персиковыми и орѣховыми деревьями.

XXX.

Новые знакомцы.

До пыльной деревенской улицѣ расхаживали индюки, куры, пѣтухи и большой павлинь съ распущеннымъ, блестящимъ хвостомъ; птичье собраніе кудахтало и волновалось — и было отъ чего!

По улицѣ мчалась верхомъ на палочкахъ цѣлая ватага смуглыхъ татарскихъ ребятъ и погоняла хлыстами своихъ скакуновъ. Палки-скакуны, не разбирая дороги, налетали прямо на мирно купающихся въ пыли куръ, чѣмъ и вызывали неудовольствіе всего общества.

— Отъ этихъ молодцовъ мы ничего не узнаемъ; я по-татарски не понимаю, а они, пожалуй, по-русски не знаютъ,—сказалъ Василій Ивановичъ, любуясь веселой толпой дѣтей.

— Папа, посмотри, тамъ стоитъ бѣленькая дѣ-

вочка... она, навѣрное, русская! видишь, у забора; она не играетъ,—пойдемъ къ ней и узнаемъ, гдѣ найти рабочихъ.

Дѣвочка замѣтила пришедшихъ и боязливо поглядывала на нихъ.

— Не знаешь ли, милая, гдѣ тутъ живутъ работники?—спросилъ у ней Василій Ивановичъ.

Дѣвочка, не отвѣчая, по прежнему стояла и боязливо глядѣла на него.

Василій Ивановичъ повторилъ свой вопросъ.

То же молчаніе.

— погоди, папа, я сама спрошу! и Нюта подошла ближе, взяла дѣвочку за руку и повторила вопросъ.

Дѣвочка робко улыбнулась и вмѣсто отвѣта быстро стала дѣлать какіе-то знаки пальцами.

— Она нѣмая!—воскликнули въ одинъ голосъ отецъ и дочь.

— Нѣмая, батюшка, нѣмая!—раздался за ихъ спиной старческій голосъ.

Нюта обернулась и радостно вскрикнула: въ калиткѣ стоялъ пасѣчникъ Янышъ, у котораго она, вмѣстѣ съ дядей, провела цѣлое утро.

Старикъ тоже узналъ Нюту и пошелъ къ ней на встрѣчу.

— Здравствуй, Янышъ, ты что тутъ дѣлаешь?—спросила у него Нюта.

— Внуку пришелъ провѣдать; вѣдь эта Дуняшка мнѣ внучкой приходится.

Василій Ивановичъ узналъ отъ старика, гдѣ живутъ работники, которые нанимаются къ чужимъ, и, не теряя времени, пошелъ, чтобы покончить дѣло.

— Если желаешь, оставайся здѣсь, Нюта, я потомъ за тобой зайду!—обратился онъ къ дочкѣ.

— Хорошо, папа!—отвѣтила та, довольная, что можетъ остаться.

— Да вы, барышня, не думайте, что Дуняшка ничего не понимаетъ; она сама, бѣдная, ничего не говорить, но за то все, все понимаетъ, что говорятъ другіе, по лицу и глазамъ понимаетъ всякое слово...

— Развѣ она не слышитъ?...

— Нѣтъ, она глухо-нѣмая, несчастенькая она... Здѣшніе ребятишки не берутъ ее играть, дразнятъ, а она такая добрая, да ласковая, мухи не обидитъ, всѣмъ, кому можетъ, услуживаетъ, сердешная моя... И такая-то она жалостливая,—продолжалъ дѣдъ,—всѣхъ звѣрушекъ пріютитъ: птичку ли больную найдетъ, бѣлку ли безногую, кошку, аль собаку,—всѣхъ подбираетъ и ухаживаетъ за ними, пока тѣ не выздоравливаютъ,—тогда она ихъ выпускаетъ опять на волю...

— Да что мы тутъ стоимъ! — спохватился онъ вдругъ,—пойдемте въ садъ, у нихъ тутъ хорошо, хоть и живутъ безъ хозяина; Дунинъ-то отецъ давно померъ, но мать и одна, не хуже любого мужика, управляется, и въ полѣ поспѣваетъ, и по дому все дѣлаетъ.

Нюта уже не слышала послѣднихъ словъ старика; Дуня взяла ее за руку и провела черезъ дворъ въ тѣнистый, вишневый садъ, гдѣ спѣлыя ягоды чернѣли на солнцѣ.

Дуня посмотрѣла на Нюту, точно говоря ей: „хочешь?“

Нюта краснорѣчиво кивнула головой,—обѣ дѣвочки засмѣялись и, притянувъ низко растущія вѣтки, принялись лакомиться ягодами.

— Эхъ, Дуняшка, не хозяйка ты, касатка! раньше бы слѣдовало угостить гостю хлѣбомъ и молокомъ, а потомъ ужъ вишнями, а ты съ конца начинаешь! — засмѣялся Янышъ, входя въ садъ.

Дуня кивнула дѣду и быстро ушла въ домъ. Черезъ минутку она появилась съ чистой скатертью, чашками и хлѣбомъ, а дѣдъ отправился въ погребъ за молокомъ.

Нюта проголодалась и принялась съ аппетитомъ за вкусный завтракъ, хотя и подумала про себя, что на пасѣкѣ онъ былъ куда вкуснѣе, благодаря меду и дынѣ.

Какъ бы въ отвѣтъ на ея думу, Янышъ вынесъ изъ хатки большую тарелку янтарнаго меду и желтую, душистую дыню.

Нюта даже руками всплеснула отъ удовольствія.

— Внучкѣ гостинецъ принеси, — сказалъ, улыбаясь, дѣдъ, — кушайте, касатки, на здоровье! — И онъ съ любовью посмотрѣлъ на обѣихъ дѣвочекъ.

Дѣти весело глядѣли другъ на друга; Нюта, хоть не все понимала, что Дуня показывала пальцами, за то та отлично понимала свою гостью.

Нюта только что положила въ ротъ кусокъ меду, какъ вдругъ услышала за собою голосъ Яныша:

— Мустафѣ ничего не даютъ, Мустафа ѣсть хочетъ!

Нюта удивленно посмотрѣла на старика, но тотъ сидѣлъ совершенно спокойно, а по дорожкѣ сада шагаль чернѣй, какъ смоль, съ синеватымъ отливомъ, большой воронъ. Онъ величественно выступалъ медленными шагами и зорко смотрѣлъ на дѣтей своими большими, умными глазами; при каждомъ шагѣ онъ кивалъ головой, точно кланялся.

Пасѣчникъ засмѣялся.—Мустафѣ тоже ѣсть захотѣлось! Видишь, Дуня, ты о немъ забыла, а онъ пришелъ напомнить объ обѣдѣ. Ахъ ты лакомка, лакомка! Мустафка!

Воронѣ, между тѣмъ, медленно приблизился къ столу и, окинувъ его быстрымъ взглядомъ, заговорилъ опять голосомъ Яныша:

— Мустафа ѣсть хочетъ!

Нюта ушамъ своимъ не вѣрила; она удивленно поглядывала то на чернаго пришельца, то на хозяевъ.

Нютино личико выражало столько удивленія, что Янышъ и Дуня оба засмѣялись.

— Вы развѣ не знаете, барышня, что вороны и сороки хорошо научаются говорить и разумно примѣняютъ слова?—обратился старикъ къ дѣвчкѣ.

— Я слышала объ этомъ, но никогда себѣ представить не могла, чтобы глупый воронѣ могъ такъ отчетливо произносить слова,—отвѣтила Нюта.

— Не говорите, что воронѣ глупъ; это одна изъ умнѣйшихъ нашихъ птицъ,—чему только онъ не научается! Къ сожалѣнію, онъ большой воръ и разбойникъ и весь его умъ направленъ на то, чтобы дѣлать зло другимъ...

— Кто же его научилъ говорить?—перебила старика Нюта.

— Я научилъ,—отвѣтилъ добродушно Янышъ.—Много лѣтъ тому назадъ, Дуняшка еще маленькая была, шелъ я какъ-то лѣсомъ; утро было такое жаркое, свѣтлое, трава растеть, цвѣточки алѣютъ... Хорошо, думаю, жить на божьемъ свѣтѣ.

— Вдругъ слышу въ травѣ: „крукъ, крукъ...“ да такъ жалобно. Смотрю, а въ сторонкѣ лежитъ малень-

кій вороненокъ, еще не оперившійся; взялъ я его на руку, а онъ—цапъ! и ущипнулъ мнѣ палець. Ишь, думаю, какой ты прыткій! посадилъ его въ картузь и принесъ на пасѣку.

— Первое время кормилъ я его мясомъ, хлѣбомъ и чѣмъ попало, а какъ онъ сталъ подрастать, началъ и самъ добывать себѣ пищу. У меня тогда на пасѣкѣ водилось много мышей и крысъ, бѣда мнѣ было съ ними, но когда Мустафа подросъ (я его такъ называлъ), такъ и мыши перевелись,—всѣхъ переловилъ. И такой онъ сталъ разбойникъ,—никому житья не давалъ: ловилъ птицъ, съѣдалъ птенцовъ, выпивалъ яйца въ гнѣздахъ, даже цыплятъ таскалъ! И все это онъ дѣлалъ потихонечку, чтобы никто не замѣтилъ.

— Разъ сию я на берегу рѣчки, которая протекаетъ возлѣ пасѣки, и гляжу, какъ грѣются на солнышкѣ черепахи. Тутъ же на берегу лежала масса раковинъ съ крѣпко закрытыми створкамн. Вдругъ, откуда ни возмись, Мустафа. Увидя раковины, онъ схватилъ одну и поднялся съ ней на воздухъ. Что онъ съ нею хочетъ дѣлать?—подумалъ я; но не успѣлъ я оглянуться, какъ раковина тяжело упала на большой, лежащій возлѣ меня, камень и разбилась въ мелкіе кусочки. Мустафа быстро, какъ стрѣла, кинулся на мягкое тѣло молюска, которое лежало въ раковинѣ, и съѣлъ его. Такимъ образомъ, онъ разламывалъ одну раковину за другой, пока не насытился.

Въ другой разъ онъ вздумалъ похозяйничать у меня на пасѣкѣ и погнался за пчелами; такого баловства я не люблю! на другой же день я отнесъ его сюда къ Дуняшкѣ... такъ онъ и живетъ при ней.

Онъ очень хитрый, ничего отъ него не спрячешь,—

все найдетъ! Въ особенности любить онъ таскать блестящія вещи: увидить что-нибудь блестящее, сейчасъ и унесетъ подальше, чтобы никто не нашелъ...

— Какъ онъ научился говорить, и точно твоимъ голосомъ?—спросила Нюта.

— По правдѣ говоря, я не очень-то имъ занимался, онъ самъ научился, да такъ умѣючи разговариваетъ—просто—любо! Назвалъ я его Мустафой и все, бывало, на пасѣкѣ разговариваю съ нимъ, вѣдь одинъ живу, скучно другой разъ, ну съ нимъ и любилъ разговаривать. Однажды слышу, кто-то на деревѣ кричитъ: „Мустафа, Мустафа!“ Гляжу, а онъ тамъ и сидитъ; подивился я и говорю: „Иди внизъ, зачѣмъ туда забрался?“ а онъ мнѣ тоже оттуда: „Иди внизъ, зачѣмъ туда забрался?“—съ тѣхъ поръ и началъ все говорить; да вѣдь онъ не только говорить научился, но и лаетъ по собачьи и смѣется, точно человѣкъ.

— Какой онъ смышленный!—сказала Нюта, глядя на Мустафу.

— Еще бы! это одна изъ умнѣйшихъ птицъ,—отвѣтилъ старикъ. Посмотрѣли бы вы, какъ воронъ охотится на четвероногихъ животныхъ! я бы не повѣрилъ, если бы самъ не видѣлъ его охоты.

Шелъ я однажды къ Дунѣ въ гости. Дорога отъ пасѣки шла черезъ лѣсъ; я усталъ немного и прилегъ въ кустахъ. Вдругъ слышу знакомые звуки: „Крукъ—крукъ! клю, клю, клю!“ Ну, думаю, разбойничаютъ теперь гдѣ-нибудь вороны,—вѣдь они разбоемъ и воровствомъ занимаются... только тѣмъ и хороши, что всякую пададь поѣдаютъ.

— Притаился и слушаю. Вижу, недалеко отъ меня опустились передъ небольшимъ зеленымъ логовищемъ

два большихъ ворона. Одинъ принялся клювомъ и ногами стучать по сухой травѣ, другой сѣлъ недалеко отъ логовища. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ клювомъ, изъ норы выскочилъ перепуганный заяцъ и бросился на утекъ. Этому только и ждалъ сидящій хищникъ; едва только показался перетрусившій на смерть звѣрекъ, воронъ точно въ присядку началъ плясать передъ нимъ и бить его крыльями и клювомъ по головѣ. Другой также подоспѣлъ на помощь первому. Все это произошло такъ быстро, что, когда я выскочилъ изъ своей засады, заяка лежалъ уже мертвый съ выклеванными глазами.

— Откуда же вороны знали, что заяцъ находится въ логовищѣ?—спросила заинтересованная Нюта.

— Они, разбойники, вѣрно его уже давно выслѣживали...

— Ого! какой у васъ тутъ славный собесѣдникъ!—проговорилъ Василій Ивановичъ, входя въ садъ и указывая на Мустафу.

— Какъ онъ разговариваетъ, папочка! послушалъ бы только,—отвѣтила Нюта, бросаясь отцу на встрѣчу.

Но Мустафѣ, очевидно, не понравился пришедшій гость, потому что онъ молча и величественно ушелъ въ сарайчикъ, откуда не выходилъ, пока не ушли гости.

Василій Ивановичъ немного посидѣлъ и началъ собираться домой; на прощанье Нюта взяла съ Яныша слово, что онъ придетъ къ нимъ съ Дуней.

— Гдѣ ужъ мнѣ! насилу къ внучкѣ выбираюсь, а Дуняшка придетъ,—пусть повеселится, вѣдь ей скучно одной! Матъ цѣлый день въ полѣ, а ей, касаткѣ, и поиграть не съ кѣмъ,—отвѣтилъ Янышъ, провожая господъ до околицы деревни.

На обратномъ пути Нюта рассказала отцу, какъ пріятно провела она время у Дуни и что слышала о Мустафѣ, надъ продѣлками котораго Василій Ивановичъ много смѣялся.

— Значить, ты довольна, что пошла со мной?— спросилъ отецъ.

— Очень, очень, папочка! А ты нашель рабочихъ?

— Какъ же; съ будущей недѣли начинается у насъ сборъ винограда,—вотъ-то для тебя съ Вѣрой настанутъ праздники.

Дорога шла тѣмъ же полемъ; теперь оно казалось еще красивѣе и привлекательнѣе подъ знойными лучами солнца, но ходить по немъ уже было не такъ пріятно, какъ на зарѣ.

Дорогою Нюта устала и, чтобы ее какъ-нибудь подбодрить, Василій Ивановичъ началъ опять рассказывать про злаки и про растенія жаркихъ странъ.

Нюта забыла усталость, бодро зашагала рядомъ съ отцомъ и, слушая интересныя описанія, не замѣтила, какъ они дошли до дому.

Не смотря на сытную закуску у Дуни, Нюта проголодалась и съ большимъ аппетитомъ сѣла за завтракъ. Каждое блюдо казалось ей особенно вкуснымъ въ этотъ день, она даже похвалила саговый пудингъ, до котораго обыкновенно была не большая охотница.

— Папа, гдѣ растеть саго?—спросила она, рассматривая прозрачные, кругленькіе шарики.

— Далеко отсюда, дѣвочка, въ жаркихъ странахъ...

— Въ Америкѣ?—перебила Нюта.

— Есть и другія страны, гдѣ тепло,—улыбнулся Василій Ивановичъ. — Саговая пальма водится преимущественно на Зондскихъ островахъ...

— Я знаю гдѣ они лежатъ: къ югу отъ Азіи! — перебила опять Нюта.

— Прекрасно!.. Тамъ солнце грѣетъ не по здѣшнему, зимы совсѣмъ не бываетъ, а воздухъ чистый и прозрачный. Туземное населеніе этихъ острововъ, подобно всѣмъ жителямъ жаркихъ странъ, не трудится надъ добываніемъ пищи, а получаетъ готовую: и бананы, и кокосовые орѣхи, и финики, и еще много драгоценныхъ продуктовъ готовы къ ихъ услугамъ!

Ни одинъ клочекъ земли не остается безъ растительности въ томъ благодатномъ краю. Даже сырыя мѣста и болота, которыя у насъ не поддаются обработкѣ, у нихъ цвѣтутъ и покрыты великолѣпными саговыми деревьями. Помнишь, Нюточка, тебѣ какъ-то Іоакимъ говорилъ про то, какъ деревья и другія растенія защищаются отъ всевозможныхъ животныхъ шипами и иглами?

— Помню! Помню!—воскликнула Нюта.

— Саговая пальма тоже защищается отъ уничтоженія дикими животными. Пока она молода, ея нѣжный стволъ представляетъ любимое лакомство дикихъ кабановъ, которые водятся въ Зондскихъ лѣсахъ. Чтобы предохранить себя отъ непрошенныхъ гостей, ея молоденькій стволъ и черешки листьевъ обрастаютъ длинными черными иглами, благодаря которымъ кабаны не могутъ дотронуться до молодого растенія.

— Съ годами стволъ толстѣетъ и вытягивается въ вышину, — въ то же время иглы опадаютъ и даютъ мѣсто толстой, крѣпкой корѣ, которую ни одинъ звѣрь не въ состояніи прокусить.

— Въ стволѣ саговой пальмы находится мучнистая и волокнистая сердцевина, изъ которой дѣлаютъ саго...

— Какъ? Развѣ саго дѣлають? а я думала, что оно растеть!—перебила Нюта отца.

— Нѣтъ, въ такомъ видѣ, какъ мы его получаемъ, оно не растеть; а видъ шариковъ ему придаютъ уже потомъ,—сказалъ Василиій Ивановичъ.

— Островитяне срубаятъ саговую пальму, распиливаютъ стволъ на куски и вынимають сердцевину; затѣмъ промываютъ ее въ чистой водѣ, сушатъ, просѣиваютъ сквозь рѣшето и отдѣляютъ муку отъ волоконъ. Изъ муки они пекутъ бѣлые хлѣба, которыми питаются, какъ мы — нашими пшеничными или ржаными.

Мучнистое вещество сушатъ, крошатъ на мелкія зерна, разсыпаютъ на полотно и долго встряхиваютъ, чтобы придать зернамъ правильную, круглую форму; потомъ просушиваютъ ихъ надъ огнемъ на большихъ сковородахъ, послѣ чего туземцы продають саго бѣлымъ купцамъ. Саговый хлѣбъ на туземномъ языкѣ называется „саго“, а потому и зерно, и пальма получили то же названіе.

— А я думала, что зерна—плоды саговой пальмы,—сказала Вѣра.

— Нѣтъ! Плоды саговой пальмы похожи на наши сосновыя шишки и не съѣдобны,—отвѣтилъ Василиій Ивановичъ.

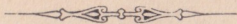
Между ея листьями вырастаетъ гигантская цвѣточная кисть съ желтыми цвѣтами, которая распускается въ продолженіе двухъ лѣтъ. Но туземцы не допускають пальму до цвѣтенія, потому что на цвѣтъ и плодъ она тратитъ весь свой запасъ муки и цѣнныхъ волоконъ, послѣ чего становится совершенно безполезной, т. е. изъ нея уже нельзя добывать саго.

Островитяне срубаютъ ее обыкновенно раньше цвѣтенія, такъ что саговая пальма плодовъ не даетъ и не размножается сѣменами, но каждый стволъ окруженъ массой отростковъ, которые быстро разрастаются и производятъ все новыя и новыя деревья. Не только стволъ, но и листья саговой пальмы употребляются туземцами въ дѣло, — продолжалъ Василій Ивановичъ.

Красивый саговый листъ необычайно великъ и служить туземцамъ крышею для ихъ шалаша; нерѣдко однимъ листомъ покрываютъ всю хижину; эта зеленая крыша предохраняетъ отъ жгучихъ солнечныхъ лучей и отъ непогоды...

— Однако пора вставать изъ-за стола! — сказала Ольга Дмитриевна, и первая встала.

Нюта поблагодарила отца за прогулку и побѣжала въ садъ къ Іоакиму, котораго сегодня еще не видала.

XXXI.

Муравейникъ.

Однажды вечеромъ Василій Ивановичъ гулялъ съ Нютой по большому парку и слушалъ ея рассказы о различныхъ растеніяхъ.

— Какъ я радъ, дѣвочка, что бесѣды съ Іоакимомъ такъ нравятся тебѣ и ты выносишь изъ нихъ много полезнаго!—сказалъ онъ ей.

— Я, папочка, могу тебѣ теперь рассказать про какой хочешь цвѣтокъ; я знаю много полезныхъ и вредныхъ растеній и умѣю ухаживать за ними. Если бы ты зналъ, какъ я тебѣ благодарна за то, что ты позволилъ Іоакиму остаться! — отвѣтила она съ жаромъ.

Переходя изъ аллеи въ аллею, они подошли къ изгороди позади Нютиного сада. Нюта перескочила

черезъ изгородь и упала около муравейника, передъ которымъ съ самымъ невиннымъ видомъ сидѣлъ на корточкахъ Ваня.

— Что ты тутъ дѣлаешь?—спросила она.

— Сама видишь, такъ чего спрашиваешь!

— Ахъ, ты гадкій мальчикъ! — вырвалось у ней, когда она разсмотрѣла, чѣмъ занимался Ваня.

Оказалось, что онъ съ невозмутимымъ видомъ тыкалъ палкой въ глубь муравейника.

Испуганные муравьи суетливо бѣжали по всѣмъ направлѣнiямъ, спасая себя и свои личинки отъ грознаго врага.

— Перестань! слышишь, сейчасъ перестань! — крикнула она Ванѣ, — ты всегда мучаешь беззащитныхъ животныхъ!

Ваня, однако, и не думалъ переставать, онъ не очень-то любилъ слушаться приказанiй.

— Ты что заступаешься за нихъ? я вѣдь ихъ не убиваю, а только пугаю,—отвѣтилъ онъ, продолжая свою работу.

Но въ этотъ моментъ онъ увидѣлъ Василя Ивановича, а за нимъ дѣда, который не далеко работалъ; шалунъ въ одинъ мигъ оставилъ свое занятiе и бросился бѣжать, такъ что только пятки засверкали по аллеѣ.

— Озорникъ!—покачалъ Іоакимъ головою вслѣдъ внуку.

— Смотри, папа, Ваня такъ напугалъ бѣдняжекъ, что они даже свои яйца захватили. Вѣрно они ихъ хотѣли спасти!—замѣтила Нюта.

— То, что ты видишь, не яйца, а муравьиныя куколки. Яйца муравьи носятъ на концѣ своего тѣла и

они такъ малы, что ихъ еле можно разглядѣть,—отвѣтилъ Василій Ивановичъ.

— Что же выходитъ изъ такихъ крошечныхъ личекъ?—спросила Нюта.

— Маленькій, бѣленькій червячекъ, личинка, похожая на личинку пчелы. Червячекъ вскорѣ принимается ткать шелковый коконъ, въ которомъ и живетъ куколкой, пока не превращается въ муравья.

— Этихъ куколокъ, — вотъ что они теперь тащатъ, — люди ошибочно называютъ муравьиными яйцами и кормятъ ими соловьевъ и другихъ птицъ, но это не муравьиныя яйца, а коконы съ личинками. За куколками ухаживаютъ муравьи-няньки съ материнскою нѣжностью: когда въ нижнихъ комнатахъ, гдѣ помѣщаются дѣтскія, становится холодно, нянюшки переносятъ дѣтокъ въ верхнія, болѣе теплыя комнатки. Въ жаркіе дни онѣ выносятъ своихъ питомцевъ на

солнышко и зорко оберегаютъ ихъ; при малѣйшемъ шорохѣ, няньки схватываютъ крошекъ и скрываются съ ними въ муравейникъ. Когда же всему муравейнику грозитъ опасность, муравьи первымъ дѣломъ хватаютъ личинокъ и спасаются съ ними, какъ умѣютъ. А невзгодъ и непріятелей много у этихъ крошекъ: во-первыхъ, человѣкъ, который отнимаетъ у нихъ куколки, во-вторыхъ, птицы, и въ-третьихъ, дождь. Послѣдній бываетъ самымъ страшнымъ врагомъ муравьевъ, такъ какъ онъ забирается въ ихъ жилище и затопляетъ его со всѣми жителями. Бурнымъ потокомъ несется онъ по корридорамъ и комнатамъ, уничтожая все на своемъ пути.

Крошки мечутся туда-сюда, но вода льется со всѣхъ сторонъ. Въ ужасѣ бѣдняжки цѣпляются за что попало: за соломинки, травки и кусочки дерева. Если дождь небольшой, бѣда еще не велика, но во время ливня или продолжительныхъ дождей погибаютъ цѣлые муравейники.

— Бѣдные крошки! сколько у нихъ враговъ. Они сами, вѣрно, очень миролюбивы,—сказала Нюта.

— Нѣтъ, дѣвочка, ошибаешься! Муравьи самыя воинственныя насѣкомыя. Они ведутъ между собою постоянныя войны и обитатели одного муравейника не терпятъ по сосѣдству другого. Для войны въ каждомъ муравейникѣ имѣется многочисленное, хорошо обученное войско.

Особые развѣдчики обыкновенно отыскиваютъ чужое населеніе и, найдя его, тотчасъ даютъ знать своимъ. На зарѣ слѣдующаго дня къ найденному мѣсту отправляются муравьи-солдаты, вооруженные крѣпкими челюстями; солдаты выжидаютъ время, когда непріятель-

скіе рабочіе уходятъ на работу, и бросаются на разставленныхъ у муравейника часовыхъ, отгрызаютъ имъ головы, забираются затѣмъ въ дѣтскія п, захвативъ тамъ куколокъ, бѣгутъ назадъ.

Ошеломленные обитатели вначалѣ совсѣмъ теряются, но вскорѣ приходятъ въ себя и бросаются въ свою очередь на врага. Завязывается отчаянная битва, во время которой съ обѣихъ сторонъ падаетъ много раненыхъ и убитыхъ; но пришельцы многочисленнѣе и крѣпче и почти всегда уходятъ побѣдителями и съ добычей.

— Для чего же имъ нужны чужія куколки? — спросила Нюта.

— Они изъ нихъ воспитываютъ себѣ рабовъ, которые исполняютъ всѣ домашнія работы и въ послѣдствіи также помогаютъ имъ грабить чужіе муравейники.

— Скажи, папочка, кто же ухаживаетъ за сиротками-куколками?

— Все тѣ же нянюшки, — отвѣтилъ Василій Ивановичъ.

Когда изъ куколки выходитъ молоденькій муравей, няньки спѣшатъ къ нему на помощь, расправляютъ ему лапки, разглаживаютъ крылышки и ухаживаютъ за новорожденнымъ съ самой преданной любовью.

— Какъ и пчелы! — замѣтила Нюта.

— Если хочешь, да!.. Муравьи также живутъ общинами. Обитатели муравейника также раздѣляются на группы: работницъ, царицъ и воиновъ.

— Ты говоришь, царицъ: — развѣ у нихъ не одна царица? — спросила дѣвочка.

— Нѣтъ, дочка, у муравьевъ ихъ нѣсколько. Муравьиныя матки имѣютъ даже крылья, но, когда онѣ

начинають откладывать яйца, то сами обрываютъ себѣ крылья и съ этихъ поръ уже не покидаютъ муравейника. Муравьи, какъ и пчелы, заботятся о своихъ царицахъ, кормятъ ихъ, ухаживаютъ и оказываютъ имъ всевозможныя почести.

— Работницы строятъ гнѣздо, ухаживаютъ за личинками и заботятся о запасахъ, снабженные же здоровыми челюстями солдаты охраняютъ муравейникъ и ведутъ войны.

— Чѣмъ питаются муравьи?—перебила опять Нюта.

— Насѣкомыми, цвѣточнымъ и фруктовымъ медомъ, до котораго они большіе охотники,—отвѣтилъ тутъ же стоявшій Іоакимъ.

— А что у нихъ подъ этой крышей? Неужели дѣйствительно комнаты?—сказала недовѣрчиво Нюта.

— Еслибы я снялъ съ муравейника крышу, то ты увидѣла бы лабиринтъ перекрещивающихся корридоровъ, массу комнатъ, кладовыхъ, наполненныхъ зимними запасами, и сарай или хлѣва, гдѣ содержится дойный скотъ.

— Дойный скотъ!!—воскликнула Нюта.

— Да, дойный;—и знаешь, кто ихъ коровы? Крошечная зеленая тля, которую они собираютъ на листьяхъ и переносятъ къ себѣ въ особо для того устроенные хлѣва. Муравьи ее кормятъ и ухаживаютъ за ней, какъ за домашнимъ скотомъ.

— Что же имъ даетъ тля?

— Молоко.

— Ты, папочка, шутишь?!

— Совсѣмъ нѣтъ. Муравьи усиками осторожно щекочутъ тлю, послѣ чего та выпускаетъ капельку сладкой жидкости, которую муравьи тутъ же выпиваютъ.

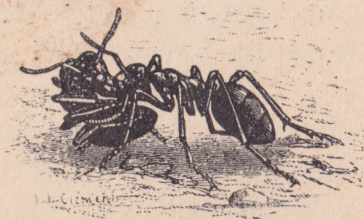
— Вотъ умницы, такъ умницы! — захлопала Нюта въ ладоши.

— А сколько ихъ живетъ въ одной такой кучкѣ? — спросила она.

— Говорятъ, десятки тысячъ, — отвѣтилъ Василій Ивановичъ.

— Какая прелесть эти насѣкомыя и какъ должны быть рады растенія, что могутъ оказать имъ услугу!

— Не знаю, дочка! разъ дѣло касается ботаники, то я уступаю мѣсто Іоакиму. Онъ лучше моего объяснить тебѣ, охотѣ ли даютъ растенія свои соки муравьямъ.

XXXII.

Муравьи и растенія.

— Нѣтъ, барышня, цвѣты не охотно даютъ свой медъ этимъ маленькимъ разбойникамъ,—сказалъ Іоакимъ.

Напротивъ, растенія дѣлають все возможное, чтобы воспрепятствовать муравьямъ добраться до ихъ цвѣтовъ.

Одни выставляють непрошеннымъ гостямъ шипы и иглы, другія выпускають клейкую жидкость, третьи такъ искусно закрываютъ глубину вѣнчика сплетенными волосками, что только тонкій хоботокъ пчелки можетъ проникнуть къ медовымъ желѣзкамъ; у четвертыхъ скользкіе лепестки, благодаря чему насѣкомымъ совершенно невозможно лазить по нимъ.

— Зачѣмъ же цвѣты пчелкамъ и бабочкамъ даютъ медъ, а муравьямъ нѣтъ?—спросила Нюта.

— Потому что муравьи, такъ же какъ и всякое другое ползучее насѣкомое, причиняють только вредъ цвѣтамъ. Когда пчелка-мохнатка или другія летающія насѣкомыя пьютъ сладкій сокъ изъ цвѣтка, то за одно захватываютъ и цвѣточную пыль, которую переносятъ къ другимъ цвѣтамъ, муравьи же только съѣдаютъ медъ, не заплативъ ничѣмъ за угощеніе.

Они не оказываютъ ни малѣйшей услуги растеніямъ,—за что же тѣ будутъ угощать ихъ?

— Пожалуй, цвѣты правы! лучше отдать медъ пчеламъ, которыя и для насъ трудятся, приготовляя медъ и воскъ,—согласилась Нюта.

— Скажи, Іоакимъ,—обратилась она къ старику,—кусаютъ муравьи людей?

— Если раздражить ихъ, то кусаются очень больно! Они бѣда, какіе злые. Одни жалятъ жаломъ, которое содержитъ довольно сильный ядъ, другіе кусаютъ челюстями. Но у насъ муравьи не причиняютъ такого вреда, какъ въ жаркихъ странахъ: въ Америкѣ, на примѣръ, живутъ большіе муравьи, гораздо больше нашихъ, которые производятъ цѣлыя опустошенія.

Когда такое муравьиное войско выступаетъ въ походъ, то занимаетъ громадное пространство. Оно идетъ все прямо, ни передъ чѣмъ не сворачивая. Попадется ли навстрѣчу человѣкъ или звѣрь, муравьи его моментально облѣпляютъ и начинаютъ преболно кусать. Они изгрызаютъ деревья, хижины и забираются въ кладовыя, гдѣ пожираютъ провизію.

Увидѣвъ грозное полчище, люди и животныя сворачиваютъ съ дороги. Только рѣки да огонь останавливаютъ дальнѣйшее путешествіе муравьевъ и потому люди, замѣтивъ приближающуюся грозу, спѣшатъ разложить передъ своими жилищами костры и этимъ только спасаютъ мебель, платья и провизію отъ незваныхъ гостей.

— Я думаю, муравьи самыя умныя насѣкомыя, умнѣе даже большихъ животныхъ,—перебила Нюта старика.

— Этого нельзя сказать,—отвѣтилъ, улыбаясь,

Василій Ивановичъ.—Самымъ понятливымъ изъ всѣхъ звѣрей считаютъ по справедливости слона. Туземцы, живущіе въ тѣхъ странахъ, гдѣ водятся слоны, увѣряютъ, что слоны также смыслены и умны, какъ люди.

— Слонъ рѣшительно все понимаетъ. Онъ отлично знаетъ, что говорить ему хозяинъ, и исполняетъ всѣ возложенныя на него порученія.

Надо видѣть, какъ блестятъ его маленькіе глазки, когда хозяинъ доволенъ и хвалитъ его.

Слонъ исполняетъ всѣ домашнія и полевые работы, иногда даже безъ проводника.

Гуляя въ индійскомъ городѣ, нерѣдко можно встрѣтить огромнаго слона съ кучею смуглыхъ туземныхъ ребятъ, которыхъ онъ сопровождаетъ въ качествѣ няньки, и наврядъ ли какая-нибудь няня сумѣетъ такъ защитить, въ случаѣ опасности, ввѣренныхъ ей дѣтей, какъ это дѣлаетъ умное животное. Оно не только гуляетъ съ ними, но и охраняетъ ихъ отъ ядовитыхъ и хищныхъ звѣрей.

Слонъ живетъ въ дружбѣ со всѣми животными, которыя не трогаютъ его, но горе тѣмъ, которымъ вздумается напасть на него! Къ нимъ онъ беспощаденъ. Случается, на великана нападаетъ съ голода левъ или тигръ; тогда слонъ схватываетъ его хоботомъ поперекъ тѣла, приподымаетъ высоко на воздухъ и съ силою бросаетъ на землю.

Не успѣваетъ еще ошеломленный хищникъ вскочить на ноги, какъ слонъ наступаетъ на него лапой и раздавливаетъ его...

— Гляди, что они тамъ тащатъ!—вскрикнула Нюта, чуть не наступивъ на кучу муравьевъ.

Василій Ивановичъ нагнулся, разогналъ муравьевъ и отнялъ у нихъ ношу, которая оказалась трупомъ майскаго жука.

— Они, вѣрно, нашли его въ саду и тащатъ теперь домой, чтобы спрятать про запасъ для зимы, — сказалъ онъ, подавая насѣкомое Нютѣ.

— Слава Богу! одной гадостью меньше, — пробормоталъ Іоакимъ.

— Почему майскій жукъ гадость? — спросила Нюта.

— Потому что онъ самое вредное насѣкомое въ нашемъ саду. Въ продолженіе трехъ лѣтъ онъ живетъ въ землѣ, поѣдая и разрушая корни всевозможныхъ растеній.

— Что ты рассказываешь? майскій жукъ живетъ подъ землей три года?

— Да, въ видѣ бѣлаго червяка.

— Я не понимаю...

— Весною вы видите много летающихъ майскихъ жуковъ. Передъ тѣмъ, какъ ему умереть, это вредное насѣкомое вырываетъ въ землѣ подъ деревомъ ямку, куда оно откладываетъ свои яйца. Изъ яицъ вылупляются бѣлые червячки-личинки, которые начинаютъ пожирать близь расположенные корни. Когда все поѣдено, они отправляются искать пищу по всѣмъ направленіямъ, уничтожая всѣ попадающіеся имъ по пути корни; подточать корень, дерево и пропадаетъ. Такъ продолжается три года.

Въ третью зиму они, наконецъ, превращаются въ куколки и остаются неподвижными до весны. Къ этому времени превращеніе ихъ оканчивается и они выползаютъ изъ земли франтоватыми жуками, оставивъ свой коконъ въ ямкѣ.

— Какіе они разбойники!—воскликнула Нюта,—я ихъ больше не буду любить...

— А это что за куколка на этомъ листѣ?—спросила Нюта, сорвавъ по дорогѣ сиреневый листъ съ лежащей на немъ куколкой.

— Гусеница какой-нибудь бабочки, — отвѣтилъ отецъ.

— Почему же личинки знаютъ, когда имъ нужно ткать для себя коконъ?—спросила опять Нюта.

— Должно быть знаютъ. Ни одна личинка не прозѣвала еще времени, когда ей нужно соткать себѣ коконъ, начиная съ самой крошечной моли до самой большой бабочки,—отвѣтилъ Василій Ивановичъ.

— Гусеницы и личинки совсѣмъ не такъ глупы, какъ выглядятъ,—сказалъ Іоакимъ, снимая съ розоваго куста крылатое насѣкомое блестящаго металлическаго цвѣта, со свѣтлыми пятнышками.

— Вотъ этого я очень люблю,—продолжалъ, улыбаясь, старикъ:—это скакунъ, онъ помогаетъ мнѣ очищать листья отъ тли. Спасибо ему за это!..

— А знаете, какъ его личинки добываютъ себѣ пищу?

— Нѣтъ, не знаемъ,—отвѣтили въ одинъ голосъ отецъ и дочь.

— Личинка скакуна вырываетъ себѣ въ песокъ вертикальную ямку и помѣщается въ ней такъ, что ея широкая голова закрываетъ отверстие; такимъ образомъ она ждетъ добычи. По песку гуляютъ всякія насѣкомыя и, не подозрѣвая объ опасности, ползутъ прямо къ западнѣ; но лишь только какой-нибудь неосторожный паучекъ или мушка вступаетъ на нее, личинка быстро отворачиваетъ голову, дыра открывается и не-

счастнѣй попадетъ въ ловушку, гдѣ немедленно съѣдается хитрымъ охотникомъ.

— Господи! сколько ума у всякой букашки и личинки!—вырвалось у дѣвочки.

Съ рѣчки подуло холодомъ, солнце зашло за горы и надъ садомъ спустилась темная, южная ночь, съ большими, яркими звѣздами.

Василій Ивановичъ и Нюта простились съ Іоакимомъ и отправились домой.

XXXIII.

Виноградъ поспѣлъ.

Въ одно утро Нюта услышала въ саду чужіе голоса. „Кто бы это могъ быть?“—подумала она и, быстро одѣвшись, выбѣжала въ садъ. Но тамъ никого не было, а говоръ неся изъ виноградника и фруктоваго сада. Дѣвочка побѣжала туда и остановилась, какъ вкопанная: на той самой лужайкѣ, гдѣ стоялъ столъ и стулья, лежали теперь груды винограда; Нюта себѣ представить не могла, чтобы можно было снять съ лозъ столько кистей. И кисти всѣ такія густыя, сочныя—нѣкоторыя величиною въ четверть аршина. И какихъ, какихъ сортовъ винограда тутъ не было: продолговатый, желтоватый, сладкій, какъ сахаръ, синій круглый, синій продолговатый, зеленый, красный... У

Нюты глаза разбѣжались. — „Вѣрно, весь уже снять“, — подумала она, но работники приносили все новыя корзины, груды все росли, а кисти на лозахъ будто и не убывали.

Дѣвочка оглянулась и увидѣла отца сидящимъ на стулѣ; онъ наблюдалъ за работами; она побѣжала къ нему, но ей тамъ не сидѣлось. Ей тоже хотѣлось помочь. Она сбѣгала къ Іоакиму, взяла у него небольшую корзинку и ножницы и принялась срѣзывать тяжелыя ягоды. Когда корзинка наполнилась, она вдвоемъ съ Ваней относилъ свой сборъ къ общей кучѣ и, раскраснѣвши отъ работы, принималась опять за нее.

— Пойдемъ лучше въ фруктовый садъ, — тамъ теперь персики снимаютъ! — шепнулъ ей Ваня, которому уже надоѣлъ виноградъ.

— Погоди! наполню еще одну корзинку, тогда пойдемъ, — отвѣтила аккуратная Нюта.

Ваня не хотѣлъ ее ждать и убѣжалъ одинъ, но въ фруктовомъ саду ему не такъ посчастливилось, какъ въ виноградникѣ. Тутъ работами распоряжался Іоакимъ, который зорко смотрѣлъ за хозяйскимъ добромъ и не позволялъ никому ѣсть плоды во время работъ, не исключая и Вани. За то онъ щедро одѣлялъ рабочихъ по окончаніи сбора.

Когда Нюта вошла въ фруктовый садъ, Ваня сидѣлъ насупившись у груды грушъ и персиковъ.

— Не даютъ! — протянулъ онъ жалобно, глядя на фрукты.

Нюта даже не слышала его словъ, такъ залюбовалась она оживленной картиной сада.

Она и прежде бывала здѣсь, но никогда садъ не имѣлъ такого вида, какъ сегодня.

У фруктовыхъ деревьевъ стояли деревянные лѣстницы: стоя на нихъ, рабочіе длинными палками, къ которымъ были придѣланы деревянные вилки, снимали груши, яблоки и персики; иногда плоды падали на подостланную подъ каждымъ деревомъ солому. И тутъ, какъ въ виноградникѣ, Нюту поразило обиліе плодовъ.

— Іоакимъ, можно мнѣ взлѣсть на лѣстницу?—спросила она.

— Можно, только будьте осторожны и снимайте лишь тѣ плоды, которые растутъ близко.

Нюта быстро взобралась по лѣстницѣ и стала у самой верхушки яблони, откуда ей удобно было срывать фрукты.

Все время, пока продолжался сборъ, Нюта не выходила изъ сада; она, какъ бѣлочка, вездѣ поспѣвала: то виднѣлась ея бѣлокурая головка у вьющагося винограда, то у высокой яблони, то у капитана или у сложенныхъ въ горки фруктовъ.

Съ окончаніемъ сбора, для Нюты открылось новое, не менѣе интересное занятіе. Она помогала выдѣлывать изъ винограда вино. Дѣлъ у нея было тутъ еще больше, чѣмъ въ саду.

Она помогала отбирать самый сухой и зрѣлый виноградъ, смотрѣла, чтобы между ягодками не попадали

перезрѣвшія или гнилыя, и очищала вмѣстѣ съ работниками кисти отъ сора.

Когда набралось достаточно очищенного винограда, на дворъ принесли большіе чаны, раздѣленные поперечной перегородкой на двѣ половины.

Въ верхнюю половину накладывали виноградъ, который рабочіе раздавливали.

Жижица вмѣстѣ съ раздавленными ягодами стекала черезъ отверстіе въ верхнемъ днѣ въ нижнюю половину чана, откуда ее еще разъ пропускали черезъ особые сосуды, называемые мельницами. Послѣ этого жидкость перелили въ дубовые чаны и оставили тамъ для броженія, прикрывъ предварительно чаны крышкою.

Послѣ броженія вино перелили въ бочки, гдѣ оно сохранялось до разливки въ бутылки.

Такимъ образомъ Нюта помогала готовить красное вино, бѣлое же приготавливалось совсѣмъ иначе.

Жижица состояла изъ одного только сока, безъ кожицы и мякоти, потому что отъ нихъ вино получаетъ красную окраску.

— Помогайте, помогайте, барышня! съ вашей легкой руки вино выйдетъ лучше!—говорилъ Іоакимъ, любуясь хлопотуньей Нютой.

Дѣвочка такъ увлеклась новыми работами, что совершенно забросила свой садъ; больше недѣли она не была тамъ, и еслибы не старый садовникъ, то многіе хорошенькіе цвѣточки зачахли бы безъ поливки.

— Какъ жалко, Іоакимушка, что скоро кончится выдѣлка вина! что я буду тогда дѣлать?—жаловалась Нюта старику.

Все время, пока продолжался сборъ, Нюта не выходила изъ сада...

— Найдется дѣло—была бы охота!—отвѣчалъ онъ, улыбаясь.

— Какое дѣло найдется?—приставала Нюта.

— Погодите. Когда оно поспѣетъ, тогда приду за вами, а пока отдыхайте, набирайтесь силъ!

Сентябрь между тѣмъ близился къ концу, погода еще стояла теплая, ясная, растенія были въ полномъ цвѣту, хотя тамъ и сямъ уже проглядывалъ желтый, золотой осенній листъ.

Бочки съ виномъ убрали въ подвалы, дворъ опустѣлъ. Нюта чаще стала навѣдываться къ Іоакиму, который съ утра до вечера работалъ, не покладая рукъ.

Онъ собиралъ сѣмена для будущаго посѣва, просушивалъ и завязывалъ ихъ въ холщевые мѣшечки, выкапывалъ корни и пересаживалъ въ песокъ, нѣкоторые цвѣты перенесъ въ оранжерею и окапывалъ деревья.

— Вотъ и для васъ работа подоспѣла, — сказалъ онъ Нютѣ.

Дѣвочка помогала ему и работа кипѣла въ ихъ рукахъ.

— Если бы мои садовники такъ работали, какъ ты съ Іоакимомъ! — говорилъ часто Василій Ивановичъ дочкѣ.

— Гдѣ же ты найдешь второго Іоакима!? — отвѣчала Нюта, польщенная тѣмъ, что хвалятъ ея друга.

* * *

Осень между тѣмъ смѣнилась зимой, которая въ Крыму походить скорѣе на сѣверную весну; изрѣдка выпадалъ снѣгъ, который быстро таялъ подъ теплыми

солнечными лучами. Рѣчка ночью покрывалась тоненькой ледяной корочкой, которая, подобно снѣгу, таяла днемъ отъ солнечныхъ лучей.

Не было тѣхъ темныхъ туманныхъ дней, къ которымъ дѣвочка привыкла, живя въ Петербургѣ.

Нюта и зимой не скучала. Утро проходило въ занятіяхъ, днемъ она играла съ Ваней, болтала съ Іоакимомъ и бѣгала по саду. Часто также приходила къ ней въ гости и глухонѣмая Дуня.

Нюта всей душой привязалась къ кроткой, доброй дѣвочкѣ и старалась, чѣмъ умѣла, доставлять ей удовольствіе.

Вѣра и Ольга Дмитріевна также полюбили маленькую нѣмую. Вѣра нашла ей сарафановъ и кофточекъ, а Ольга Дмитріевна всегда отпускала ее домой съ большой корзинкой, наполненной всякими лакомствами.

Такимъ образомъ, между занятіями и играми, промелькнула зима.

Въ мартѣ солнце засіяло по лѣтнему, на деревьяхъ появились почки, травка позеленѣла, появились первые цвѣточки и начали распускаться цвѣты на миндальныхъ деревьяхъ.

Опять прилетѣли заморскіе гости — птицы и суетливо принялись обстраивать старыя и новыя гнѣзда.

Пасха была ранняя, но, несмотря на это, природа встрѣтила ее въ богатомъ весеннемъ нарядѣ.

Весь великій постъ Нюта сидѣла за работой.

Она для каждого готовила какой-нибудь подарокъ: папѣ вышила полосу на качалку, мамѣ — дюжину чайныхъ салфетокъ, Вѣрѣ связала кружева къ полотенцу, Дунѣ сшила платье для куклы, которую купила ей

Вѣра, Ванѣ — красную рубашку, а Іоакиму намѣтила бѣлье, подарокъ Ольги Дмитриевны.

Дѣвочка подѣ конецъ даже устала; за то съ какимъ удовольствіемъ сложила она въ страстную субботу свои подарки! Для всѣхъ въ домѣ у ней было что-нибудь припасено, никого она не забыла.

XXXIV.

Оранжерея.

Въ ночь на Свѣтлое Воскресенье Нюта была у заутрени и потому проснулась довольно поздно. Первое, что ей бросилось въ глаза, когда она проснулась, былъ ея столикъ, сплошь заставленный подарками: тутъ лежали двѣ нарядныя куклы, много книгъ, дѣтская швейная машинка, кукольный сервизъ и много другихъ вещей, а на самомъ видномъ мѣстѣ лежала бѣлая записка, на которой крупнымъ отцовскимъ почеркомъ было написано: „Моему маленькому ботанику“.

— Вѣрно мнѣ что-нибудь устроили въ саду!—обрадовалась дѣвочка и, наскоро одѣвшись, побѣжала въ свой садъ.

Прямо передъ нею блеснули чистенькія стекла оранжереи. Нюта съ Рождества не была внутри ея и въ послѣдній разъ была тамъ, когда еще не было крыши и стеколъ, а теперь оранжерея стояла оконченная, нарядная и украшенная зеленью.

Въ дверяхъ, поджидая Нюту, стоялъ въ праздничномъ платьѣ Іоакимъ, а рядомъ съ нимъ Ваня, успѣвшій уже измазать свою красную рубашку, подарокъ Ольги Дмитріевны.

— Христосъ Воскресе, Іоакимъ! — сказала Нюта, подбѣгая къ своему другу и подавая ему разрисованное яичко.

— Во истину Воскресе! — отвѣтилъ старикъ, христосуясь съ милой дѣвочкой, и подаль ей также крашенку, надъ которой онъ проработалъ весь вечеръ.

Ваня похристосовался съ Нютой большимъ гусинымъ яйцомъ.

— Ахъ, Ваня, я для тебя не принесла яйца! я не думала увидѣть тебя здѣсь, — приди потомъ къ намъ, я для тебя приготовила большое, пребольшое шоколадное яйцо съ сахарными цвѣточками...

— Пойдемъ сейчасъ! — сказалъ ей Ваня.

— Нѣтъ, Ваня, не торопись, дай Нютѣ взглянуть на папинъ подарокъ; я думаю, она только за этимъ и пришла, — вмѣшался Іоакимъ.

— Ты правъ, Іоакимъ, — покажи мнѣ скорѣй, скорѣй мою оранжерею! Знаешь, я вѣдь сразу догадалась, какъ увидѣла записку, что папочка мнѣ въ саду приготовилъ подарокъ... Такъ и вышло! — быстро прогово-

рила она и вошла въ растворенную дверь, но съ первыхъ же шаговъ остановилась отъ восторга, такъ неожиданно и волшебю было то, что она увидѣла.

Нютъ показалось, что она попала въ дивный уголокъ тропическаго лѣса съ его роскошною растительностью.

Элея Тернунг.

Стеклянная, куполообразная крыша опиралась на стеклянные же стѣны, черезъ которыя проникали потоки теплыхъ, свѣтлыхъ солнечныхъ лучей. Причудливая, вьющаяся зелень, красиво располагаясь по стѣнамъ, подымалась къ куполу.

Двѣ дорожки, окаймленные мохомъ и мелкими цвѣточками, разбѣгались въ разные стороны.

Чудныя орхидеи росли по стѣнамъ и казались словно пестрыя бабочки на зеленыхъ листьяхъ.

Ярко-красные пламенники, съ крупными цвѣтами, рѣзко выдѣлялись на зеленомъ фонѣ. Высокія пальмы гордо подымали свои круглыя вершины; молодая тамаринда росла бокъ о бокъ съ финиковой пальмой; въ сторонкѣ красовалась группа чайныхъ деревцовъ, покрытыхъ бѣлыми, пахучими цвѣтами,—однимъ словомъ, тутъ были старательно собраны всевозможныя растенія жаркаго климата.

Не забылъ Василій Ивановичъ и вкусныхъ ананасовъ, которые пріютились у задней стѣны на самомъ солнцепекѣ.

Посрединѣ оранжереи, гдѣ дорожки сходились, былъ устроенъ прекрасный бассейнъ съ рѣдкими водяными растеніями, покрывающими всю поверхность его пахучими цвѣтами и широкими, мясистыми листьями.

Нюта восторгалась молча, не будучи въ состояніи отъ волненія сказать что-нибудь.

Іоакимъ только улыбался, глядя на нее; — ея радость была ему лучшей наградой за всѣ его хлопоты и труды.

— Какіе дивныя цвѣты!—сказала она наконецъ,—но я ни одного не знаю!

— Названія этихъ растеній очень трудны, и вы ихъ наврядъ ли запомните. А я вотъ что сдѣлаю: къ каждому изъ нихъ привяжу дощечку съ названіемъ его и тогда вы запомните ихъ гораздо скорѣе. А пока давайте осматривать вашъ зеленый дворецъ!

— Посмотрите, какой прелестный цвѣтокъ распустился посреди бассейна! завтра онъ уже завянетъ;

это американское растеніе изъ семейства кувшинковыхъ.

— Какая жалость, что онъ такъ скоро отцвѣтеть! я еще никогда не видала такой прелести!—перебила старика Нюта.

Полюбовавшись желто-розовымъ цвѣткомъ, она пошла дальше и остановилась передъ группой разнообразныхъ кактусовъ съ угрожающими иглами.

— Какіе они безобразные!—замѣтила дѣвочка.

— Я съ вами не согласенъ! пожалуй, здѣсь они не такъ величественны, какъ на своей родинѣ, въ Америкѣ, гдѣ достигаютъ значительной вышины и покрываются прекрасными, яркими цвѣтами...

— Какое смѣшное растеніе! неужели это тоже кактусъ?—перебила опять Нюта старика, указывая на одно растеніе, состоящее изъ овальныхъ мясистыхъ кусковъ, громоздившихся другъ на другѣ. Въмѣсто листьевъ куски были покрыты острыми, колючими иглами и прекрасными желтыми цвѣтами, а на одномъ кускѣ висѣли даже плоды величиною съ куриное яйцо.

— Да, это тоже кактусъ. Его называютъ нопаль или опунція-кактусъ,—отвѣтилъ Іоакимъ;—онъ растетъ въ Мексикѣ на сухой каменистой почвѣ, подъ знойнымъ солнцемъ, и только одинъ разъ въ году, когда тамъ наступаетъ періодъ дождей, его поливаетъ благодатный дождикъ.

Нопаль замѣчателенъ тѣмъ, что на немъ живетъ кошениль...

— Кошениль! Что это такое?—спросила Нюта.

— Это маленькое, безкрылое насѣкомое съ мягкимъ, краснымъ тѣломъ, которое своимъ хоботкомъ прокалываетъ кактусъ и присасывается къ нему, пи-

таясь его сокомъ. Разъ присосавшись, кошениль уже не покидаетъ своего мѣста и остается на немъ всю свою жизнь; въ то же время она откладываетъ яички, изъ которыхъ выходятъ новыя насѣкомыя, такъ что въ короткое время весь кактусъ покрывается ими въ такомъ изобиліи, что онъ кажется не зеленымъ, а пурпурно краснымъ.

Мексиканцы снимаютъ кошениль съ нопала большими пластами, бросаютъ эти пласты въ кинятокъ, затѣмъ сушатъ на солнцѣ или въ печахъ и продаютъ ихъ купцамъ, а послѣдніе готовятъ изъ нихъ прекрасную алую краску, въ которую выкрашенъ и вашъ кушакъ.

Ваня, который все время лазилъ по закоулкамъ, вдругъ выскочилъ изъ-за густого кустика и побѣждалъ къ дѣду.

— Дѣдушка, что это за дерево?

Іоакимъ подозрительно взглянулъ на него, зная по опыту, что шалунъ серьезно ни о чемъ не спросить, а когда и спросить, то только для шалости; тѣмъ не менѣе отвѣтилъ:

— Это каучуковое дерево, изъ котораго дѣлаютъ резиновые вещи.

— Какія чудныя фіалки!—сказала Нюта, увлекая старика дальше...

Ваня остался у каучуковаго дерева и, обождавъ, пока Нюта съ дѣдомъ удалились, принялся тихонько дергать стволъ и листья его.

Затѣмъ онъ потянулъ длинный листъ къ себѣ, ухватился за него обѣими руками и, что есть силы, дернулъ; листъ съ шумомъ оторвался, садовникъ быстро

обернулся и раньше, чѣмъ мальчикъ пришелъ въ себя, очутился около него.

— Ты что тутъ дѣлаешь?—крикнулъ онъ Ванѣ.

— Ты сказалъ, что это каучуковое дерево, ну я и думалъ, что его листья тянутся,—оправдывался сконфуженный Ваня. — Я хотѣлъ себѣ изъ нихъ сдѣлать такія же калоши, какъ у Нюты.

Отвѣтъ Вани былъ такъ забавенъ, что Нюта и Іоакимъ не могли удержаться отъ смѣха.

— Нѣтъ, дружокъ, резину не такъ добываютъ, какъ ты думаешь; она находится въ видѣ молочнаго сока въ стволѣ,—отвѣтилъ дѣдъ добродушно.

— Родина каучуковаго дерева — Южная Америка; тамъ оно растетъ съ дивными, зелеными вѣтвями, съ стройнымъ высокимъ стволомъ,—продолжалъ Іоакимъ.

Весною, когда деревья переполняются сокомъ, краснокожіе индѣйцы отправляются въ лѣсъ и надрѣзаютъ кору каучука вдоль всего ствола, съ вершины до основанія. У конца надрѣза они вставляютъ желѣзную трубку, черезъ которую молочный сокъ стекаетъ въ большое ведро.

Собравъ сокъ съ нѣсколькихъ деревьевъ, индѣецъ выливаетъ его на большія сковороды и слегка подогрѣваетъ, примѣшивая къ нему еще сокъ другого растенія. Смѣсь эта на огнѣ твердѣетъ и образуетъ комки.

Жены индѣйцевъ скатываютъ клейкіе комки вмѣстѣ и раскатываютъ ихъ скалкой, какъ тѣсто для лапши. Затѣмъ каучуковое тѣсто сушатъ на деревянныхъ палкахъ и, когда оно достаточно окрѣпнетъ, дикари продаютъ его купцамъ; тѣ перепродаютъ его на фабрики, гдѣ каучукъ очищается и получаетъ названіе

резины, изъ которой приготовляются всевозможные предметы.

Въ ботаникѣ это растеніе называется еще эластичной смоковницей...

При послѣднемъ словѣ Іоакима раздался отчаянный крикъ и что-то тяжелое бухнуло въ воду.

XXXV.

Кувшинки.

хъ, Боже мой!—вскрикнула, поблѣднѣвъ, Нюта, —Ваня упалъ въ бассейнъ!..

Дѣвочка не ошиблась; шалуну надоѣло слушать дѣда и онъ незамѣтно ускользнулъ; онъ влѣзъ на край бассейна и, желая сорвать одинъ изъ растущихъ въ водѣ цвѣтовъ, перегнулся всѣмъ тѣломъ черезъ край, но потерялъ равновѣсіе и полетѣлъ внизъ головой прямо въ воду.

Іоакимъ быстро, насколько ему позволяли больныя ноги, бросился къ бассейну и вытащилъ любителя цвѣтовъ, который, къ счастью, отдѣлался только испугомъ да весь промокъ.

— Только для праздника не хочу тебя наказывать! Иди скорѣе, перемѣни платье и не смѣй выходить, пока я не вернусь домой!

— Твое счастье, что ты не поломалъ и не сорвалъ цвѣтокъ, а то бы тебѣ досталось! — пробормоталъ Іоакимъ вслѣдъ уходящему внуку.

Нюта вся тряслась отъ испуга.

— Полно, барышня, стоитъ изъ-за такого головорѣза беспокоиться! Поглядите лучше на этотъ красивый цвѣтокъ, — это бѣлая кувшинка. Если вы придете сюда вечеромъ, то увидите, что она спрятала подъ водою свои крупные цвѣты.

— Какъ? она на ночь убираетъ свои цвѣты? — сказала удивленно Нюта.

— Да, ея цвѣты очень чувствительны къ холоду, и потому она ихъ и убираетъ на ночь. Съ вечера кувшинки закрываютъ вѣнчики и тихо спускаются въ воду, гдѣ онѣ остаются до слѣдующаго утра.

Когда же на небѣ заблестятъ первые солнечные лучи, цвѣты кувшинки выпрямляются и всплываютъ опять на поверхность воды, гдѣ тихо качаются на своихъ длинныхъ стебляхъ.

Помните, барышня, вы мнѣ рассказывали, что видѣли въ Петербургѣ въ ботаническомъ саду громадный бѣлый цвѣтокъ съ широкими листьями; этотъ цвѣтокъ называется Викторія-царственная и водится въ южно-американскихъ рѣкахъ, гдѣ достигаетъ исполинскихъ размѣровъ.

Викторія-царственная — близкая родственница нашей кувшинки, только благодаря жаркому климату, она и больше и красивѣе своей сестры.

Къ разговаривающимъ подошелъ Василій Ивановичъ; дѣвочка такъ заслушалась, что только тогда замѣтила отца, когда онъ положилъ ей руку на плечо.

— Папочка! — крикнула она и бросилась ему на

шею,—добрый, милый, дорогой, какъ я тебѣ благодарна и какъ много-много я люблю тебя за все! — лепетала она, глядя счастливыми глазами кругомъ.

— Ай, задушишь!—отпучивался Василій Ивановичъ, радуясь самъ, что доставилъ дочкѣ большое удовольствіе.

— Ну, погоди, стрекоза, дай похристосоваться, а то и праздникъ забыла!

Похристосовался Василій Ивановичъ и съ Іоакимомъ и передалъ ему бронзовое яйцо, въ которомъ лежала небольшая сумма денегъ.

— Ванѣ на ученье!—прибавилъ онъ, видя замѣшательство старика.

— Вотъ, Іоакимъ, новое поле дѣятельности для васъ, — сказалъ онъ; — Нюта не знала еще растений жаркихъ странъ. Я очень радъ, что вы подали мнѣ мысль устроить оранжерею; и какъ вы прелестно убрали ее! Отъ всей души желаю, чтобы она также роскошно процвѣтала, какъ Нютинъ садъ.

— Я вамъ очень благодаренъ за ваши труды и занятія съ моей дѣвочкой; она многому научилась у васъ.

— Помилуйте, сударь, я самъ такъ много обязанъ барышнѣ; я съ удовольствіемъ дѣлился съ нею моими небольшими познаніями,—отвѣтилъ старикъ.—Пока я ограничивался только общимъ знакомствомъ съ растеніями. Въ это лѣто я хочу научить ее классификаціи, т. е. раздѣленію растений на классы, семейства, роды, виды и разновидности. Я также избѣгалъ пока латинскихъ и трудныхъ названій; такъ напримѣръ, я до сихъ поръ не упомянулъ о *сѣмядоляхъ*.

— Объясни мнѣ, пожалуйста, Іоакимъ, что это такое сѣмядоли,—вмѣшалась Нюта, желавшая все знать.

— Теперь вы, пожалуй, уже поймете, и я постараюсь, по возможности, рассказать вамъ.

Вы видѣли сами, какъ изъ сѣмячекъ выходятъ молоденькіе росточки, превращающіеся потомъ въ большія растенія, знаете также, что въ сѣмени, еще до посадки въ землю, есть уже корешокъ, стебелекъ и обыкновенно двѣ мясистыя выпуклости, прикрѣпленные коротенькими черешочками по бокамъ стебелька, которые называются *сѣмядолями*.

Одни растенія имѣютъ двѣ сѣмядоли, другія одну, а третьи совсѣмъ ея не имѣютъ и потому всѣ растенія земли дѣлятся на три класса: *двусѣмядольныя*, *односѣмядольныя* и *безсѣмядольныя*.

— Запомнишь-ли ты это, дѣвочка?—спросилъ Василій Ивановичъ.

— Теперь не совсѣмъ, но я дома запишу и тогда навѣрное не забуду...

— Барышня, къ вамъ гости пришли, — сказалъ, входя въ оранжерею, Герасимъ, старый слуга Имберовыхъ.

Нюта еще разъ поблагодарила и крѣпко поцѣловала отца и веселая, какъ птичка, выпорхнула изъ оранжереи.

На терассѣ она увидѣла Ваню, Дуню и старика Яныша, который для великаго праздника пришелъ поздравить добрую семью, гдѣ его сиротку-внучку обласкали и полюбили.

Ольга Дмитриевна пригласила Нютиныхъ гостей въ столовую и угостила ихъ куличемъ, пасхой и другими праздничными блюдами.

— Дѣдушка Янышъ! ты мнѣ свою пасѣку покажь, — хочешь, я покажу тебѣ свою оранжерею?—обратилась Нюта къ старику.

— Показывай, матушка, показывай! — отозвался добродушно пасѣчникъ.

— Только ужъ ты, пожалуйста, Ваня, ничего тамъ не трогай! — сказала Нюта и, взявъ за руку Дуню, отправилась въ садъ.

— Ишь, какія диковинки!! — качалъ Янышъ головой, любуясь рѣдкими растеніями.

— Хорошо у васъ тутъ, барышня, очень хорошо! Понравилось въ оранжереѣ и Дунѣ; въ особенности понравился ей одинъ кустъ блѣдно-розовыхъ махровыхъ розъ.

Нюта это замѣтила, и когда ея подруга собралась вечеромъ съ дѣдомъ домой, — она подала Дунѣ небольшой букетикъ этихъ розъ.

Растроганная Дуня нѣжно поцѣловала свою пріятельницу и знаками поблагодарила ее.

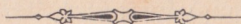
Проводивъ гостей, Нюта вернулась въ гостиную, гдѣ сидѣли Ольга Дмитриевна и Василій Ивановичъ.

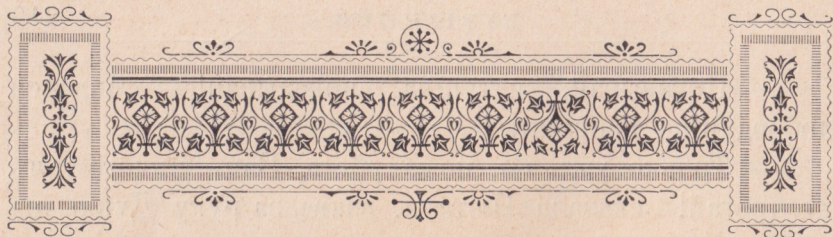
— Мамочка, папочка! — вскрикнула она, бросаясь къ нимъ, — спасибо вамъ, милые, дорогіе, за всѣ подарки и за радостный день! Я такъ счастлива, такъ счастлива, — что сказать не могу! — И Нюта принялась попеременно цѣловать то мать, то отца.

Старики Имберовы тоже были особенно счастливы и довольны въ этотъ день. Кромѣ радости, которую они доставили своимъ дѣтямъ, они могли еще поздравить другъ друга съ выздоровленіемъ дочери.

Вѣра быстро поправлялась и въ этотъ день первый разъ, послѣ долгихъ лѣтъ, гуляла одна въ саду.

Эта прогулка была лучшимъ подаркомъ для ея родителей.

XXXVI.

П и с ь м о.

О пять наступили дивные майскіе дни, все благоухало и цвѣло. Солнце такъ весело сіяло, птицы такъ чудно пѣли, зелень такъ искрилась изумрудами, что не хотѣлось сидѣть дома—тянуло на воздухъ, къ солнцу, цвѣтамъ!

Вѣра и Нюта проводили цѣлые дни въ рощѣ или въ саду. Гуляя среди кипарисовъ и чинаръ, онѣ вспоминали свою жизнь въ Петербургѣ, гдѣ было такъ сыро и холодно, и гдѣ Вѣра постоянно хворала.

Вспоминали онѣ также свой прошлогодній пріѣздъ сюда и какъ у нихъ гостили Коля и дядя.

— Милый дядя, какъ онѣ ухаживалъ за мною, когда я сидѣла больная въ креслѣ! онѣ или каталъ меня по саду, или читалъ мнѣ что-нибудь вслухъ,—сказала однажды Вѣра.

— А со мною какъ онѣ возился,—перебила ее Нюта,—куда только мы не ходили вмѣстѣ и сколько онѣ мнѣ сказокъ рассказывалъ.

— Я такъ по немъ соскучилась,—когда-то онъ прїѣдетъ?—прибавила Вѣра.

— Знаешь что, Вѣра? Я напишу ему письмо, тогда онъ навѣрное скоро прїѣдетъ.

— Да папа ужъ сколько писалъ, а онъ все не ѣдетъ,—отвѣтила Вѣра.

— А я напишу, такъ прїѣдетъ!—сказала увѣренно Нюта и побѣжала за бумагой и чернилами.

Она принесла свою бумагу и конвертъ съ вензелемъ А. И. и сѣла въ бесѣдку писать письмо. Испачкавъ два-три листка, она, наконецъ, написала длинное письмо.

Окончивъ съ трудомъ свое большое посланіе, Нюта пошла въ садъ къ Вѣрѣ. Потъ лилъ съ нея градомъ—и немудрено! она никогда не писала такихъ длинныхъ писемъ безъ чужой помощи.

— Ты запечатала письмо?—спросила Вѣра.

— Нѣтъ, поспѣю, пусть полежитъ! я устала,—отвѣтила Нюта и побѣжала къ Іоакиму, чтобы узнать, гдѣ Ваня.

Въ бесѣдкѣ, между тѣмъ, произошелъ очень печальный для Нюты случай. Спустя нѣсколько минутъ послѣ ея ухода, туда влетѣлъ майскій жукъ. Покружившись подъ потолкомъ, онъ ударился объ стѣну, зажужалъ и завертѣлся надъ письменнымъ столикомъ. Жукъ казался въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, какъ вдругъ—о, ужасъ! въ бесѣдку влетѣлъ скворецъ... Бѣдный жукъ такъ испугался, что со страху шлепнулся прямо въ открытую чернильницу.

Скворецъ повертѣлъ головкой и, не видя больше жука, черезъ открытую дверь вылетѣлъ обратно, несчастный же утопленникъ еще долго барахтался въ чернильномъ морѣ, пока, наконецъ, не выкарабкался вонъ.

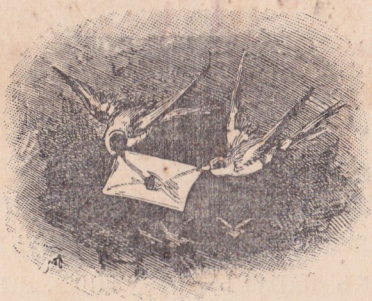
Вырвавшись оттуда, онъ началъ прогуливаться по открытому письму, написанному съ такимъ трудомъ.

Измазавъ его во всю длину громадными кляксами, жукъ преспокойно уползъ во свояси, не заботясь о томъ, пріятна или непріятна будетъ Нютъ его прогулка.

Когда дѣвочка кончила играть и вернулась въ бесѣдку, чтобы запечатать письмо, она вмѣсто него нашла на столѣ испачканный и весь въ кляксахъ листокъ.

Нюта горько пожалѣла о своей неаккуратности и принялась снова переписывать письмо начисто. Въ этотъ разъ она уже не бросила письма, а запечатала его и, написавъ на конвертѣ адресъ, пошла къ отцу за маркой.

Въ тотъ же вечеръ Герасимъ отвезъ письмо на почту.

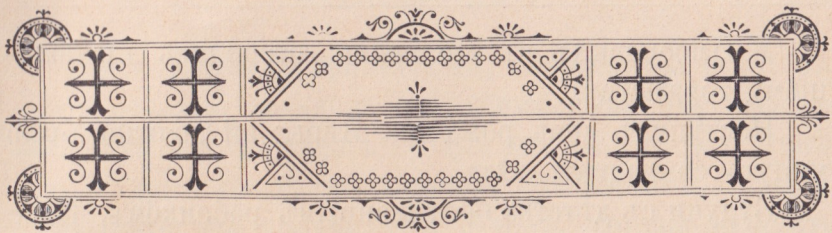

Милый и дорогой дядя

Мой садикъ весь уже одѣлся въ
яркую густую зелень, нарядился въ
лучшіе убѣлота, а тебя все нѣтъ.

Мнѣ скучно безъ тебя, ты еще не видѣлъ моего
гранжерендъа, что это за прелесть. 'Я и опи.=
самъ тебѣ на почту, привези скорѣе, чтобы
салону въ дѣлѣ, у насъ уже отцвѣли
фалки, скрутились а розы. Словомъ
давно пришло у васъ въ Петербургъ
а думано, еще не распустились.
У насъ на почтѣ и пошлю привез=
жай скорѣе. Дѣла погнѣ совѣтъ въ
здоровья, она сама ходитъ по комнатамъ. Тебѣ
кланяются: Тосѣ, Мамѣ, Ванѣ и всемъ домашнимъ

Цѣлуетъ тебя ^{скоро} твоя
Нюта

XXXVII.

Радостныя вѣсти.

Недѣлю спустя Нюта получила отвѣтъ отъ дяди. Онъ писалъ, что скоро окончитъ всѣ свои дѣла и тогда, не медля ни минуты, пріѣдетъ къ милой племянницѣ.

Въ домѣ всѣ ждали Артемія Петровича со дня на день.

Нюта съ Вѣрой каждый день выходили на проѣзжую дорогу; тамъ онѣ садились подъ густымъ каштаномъ и долго смотрѣли въ пыльную даль, откуда долженъ былъ пріѣхать желтый тарантасъ, посланный уже нѣсколько дней тому назадъ на вокзалъ, для встрѣчи дорогого гостя.

Но дни проходили за днями, а дядя все еще не пріѣзжалъ.

Май уже близился къ концу: цвѣты и зелень пышно разукрасили клумбы и куртины; съ фруктовыхъ деревьевъ давно уже спалъ ихъ бѣлый, душистый, цвѣточный покровъ.

У Имберовыхъ въ это время готовились къ большому торжеству.

Наступилъ день рожденія Вѣры; ей должно было минуть семнадцать лѣтъ.

Будучи съ дѣтства болѣзненнымъ ребенкомъ, Вѣра къ десяти годамъ такъ расхворалась, что принуждена была почти непрерывно лежать въ постели. Съ пріѣздомъ на югъ силы ея мало-по-малу возстановлялись и къ этой веснѣ она настолько поправилась, что уже ходила одна по саду. Она и пополнѣла и чувствовала себя отлично.

Родители желали на славу отпраздновать выздоровленіе дочери, ждали только Артемія Петровича, а тутъ кстати подошелъ и день рожденія.

Въ субботу послѣ обѣда всѣ собрались на балконъ. Нюта весь день просидѣла подъ знакомымъ каштаномъ и была потому сильно не въ духѣ.

И было отчего—вѣдь завтра Вѣрино рожденіе!

— Неужели мы будемъ праздновать этотъ день безъ дяди!?—спрашивала она печально у всѣхъ.

Вдругъ до ея чуткаго слуха донесся дальній звонъ колокольчика.—О, Господи, неужели дядя!

Обѣ дѣвочки бросились въ садъ и оттуда на дворъ; быстрыя ножки Нюты опередили сестру и она встрѣтила тарантасъ далеко отъ дому.

Между сундучками и чемоданами дѣвочка еще издали разглядѣла запыленную и загорѣлую фигуру Артемія Петровича.

— Дядечка! — вскрикнула Нюта и раньше, чѣмъ остановили лошадей, вскочила въ экипажъ и осыпала поцѣлуями морщинистое, ласково улыбающееся лицо дяди.

Послѣ первыхъ привѣтствій, вопросовъ и отвѣтовъ, Нюта всецѣло овладѣла пріѣзжимъ. Она ему рассказала все, что случилось со дня его отъѣзда: и о Дунѣ, и о шалунѣ Ванѣ; объ Янышѣ, объ Іоакимѣ, о подаркахъ, какіе она получила, и о томъ, что она подарить завтра Вѣрѣ, но больше всего рассказывала она о своемъ садѣ и оранжереѣ.

— Завтра мы сходимъ туда, неправда-ли, дядечка?—
ластилась она къ старику.

— Да ты, Нюта, совсѣмъ завладѣла дядей... уступи
и намъ немного!—говорила Вѣра.

— Только сегодня,—отшучивалась Нюта.

На другое утро она дожидалась дяди около его дверей и опять, какъ вчера, цѣлый день не отходила отъ него.

Василій Ивановичъ пригласилъ на рожденіе Вѣры всѣхъ близкихъ сосѣдей; гости стали съѣзжаться рано, и каждый отъ всей души поздравлялъ молодую дѣвушку, которая въ одинъ годъ изъ блѣдной, больной превратилась въ цвѣтущую и здоровую.

Вѣра первый разъ въ жизни чувствовала себя такъ хорошо, — она была счастлива, какъ никогда! Все ей въ этотъ день было особенно мило и дорого.

— Гдѣ же Нюта? — спросила Вѣра, не видя сестры.

Въ эту минуту въ дверяхъ залы показалась сіяющая дѣвочка съ громаднымъ букетомъ, который она едва держала.

— Вѣрочка, поздравляю! милая, милая, будь всегда здорова! Вотъ тебѣ самое лучшее, что я могла собрать въ моемъ саду и оранжереѣ! — проговорила она прерывающимся голосомъ, цѣлуя и обнимая старшую сестру.

— Неужели эти дивныя розы изъ вашего сада? — удивлялись гости, разглядывая роскошный букетъ.

— О, господа, советую посмотрѣть цвѣтникъ и оранжерею моей племянницы, — замѣтилъ Артемій Петровичъ. — Вы тамъ увидите такіе рѣдкіе экземпляры растений, какихъ, я думаю, въ Крыму немного найдется.

Польщенная дѣвочка повела гостей въ свой садъ и съ гордостью показывала всѣ его диковинки; когда очередь дошла до оранжереи, общее удивленіе не знало границъ.

— Какъ? у такой маленькой дѣвочки и такой образцовый порядокъ! мы думали увидѣть двѣ-три грядки съ цвѣтами, а тутъ настоящій цвѣтникъ и собраніе рѣдкихъ деревьевъ! — говорили наперерывъ гости.

— Это не я, а мой Іоакимъ! — указала Нюта на стоявшаго поодаль Іоакима. — Безъ него у меня никогда ничего не было бы, — онъ обо всемъ заботился и меня научилъ любить и ухаживать за растеніями!

Съ этими словами дѣвочка подошла къ старику и крѣпко обняла его.

Дядя между тѣмъ подошелъ къ бассейну.

— Вотъ такъ-такъ! у тебя въ бассейнѣ нѣтъ рыбъ? — удивился онъ, — вѣдь это все равно, какъ садъ безъ птицъ....

— Что же мнѣ дѣлать?.. — прошептала Нюта.

— Я тебѣ наловлю пискарей! — объявилъ громко Ваня, чѣмъ разсмѣшилъ все общество.

Изъ оранжереи гости прошли въ Нютинъ садъ, гдѣ, по желанію Вѣры, былъ накрытъ столъ для завтрака.

Весь день пировали на славу, а вечеромъ сожгли блестящій фейерверкъ, съ разноцвѣтными ракетами, щитами и вензелями.

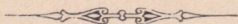
— Ну что, профессоръ? — обратился Артемій Петровичъ на слѣдующій день къ Нютѣ, — какъ быть съ акваріумомъ?

— Ахъ, ужъ не знаю, дядечка! очень хотѣлось бы мнѣ его имѣть, да не знаю, какъ устроить все это.

— погоди, авось къ Пасхѣ папа подаритъ...

— Къ Пасхѣ! — вздохнула Нюта — долго ждать!

Но ей не пришлось ждать такъ долго. Черезъ недѣлю она получила изъ Петербурга прекрасный акваріумъ съ золотыми рыбками. Это былъ подарокъ дяди.

Изданія книгоиздательства А. Ф. ДЕВРІЕНА.

С.-Петербургъ, Васильевскій о-въ, Румянц. пл. д. 1—3.

Война и приключенія оловянныхъ солдатиковъ. Изъ воспоминаній реалиста. Разсказъ *С. Р. Минцлова*. Изд. 3-е. Съ рис. худ. *А. П. Эйенера*. Цѣна 50 к., въ папкѣ 65 к.

Наши друзья и враги. Зоологическіе разсказы для дѣтей *Надежды Каракашъ*. Съ 37 рис. въ текстѣ. Цѣна 70 коп., въ папкѣ 90 коп.

Звѣздочки. Рождественскіе разсказы для дѣтей. *В. П. Желиховской*. Съ 20 рис. *Н. И. Ткаченки*. 2-е изд. Въ перепл. Цѣна 1 руб. 55 коп.

Приключенія маленькаго Коли. Разсказъ для семилѣтокъ. *А. Д. Заиръпиной*. Съ рис. *С. В. Животовскаго*. 2-е изд. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 45 коп.

Рѣпосчетъ. Преданіе о духѣ Исполинскихъ горъ. Перевела съ нѣмецкаго *О. И. Рогова*. Съ 6 хромолитографіями. Въ иллюстрированномъ переплетѣ. Цѣна 2 руб.

Милочка. Удивительныя приключенія пяти воробьевъ. *Эрнеста Кандеза*. Переводъ съ французскаго *Л. В. Р.* Съ 17 рисунками. Цѣна 1 руб., въ папкѣ 1 руб. 25 коп.

Разсказы тети Оли. *О. И. Мусинъ-Пушкиной*. Съ рис. *Н. И. Ткаченки*. 2-ое изд. Ц. 1. руб., въ папкѣ 1 руб. 25 к.

Славянскія сказки. Избранныя и переведенныя *А. И. Соколовымъ*. Съ 10-ю фототипіями по акварелямъ академика *М. Микъшина* и др. рис. 2-е изд. Въ иллюстрированномъ перепл. Цѣна 2 руб.

Какъ я была маленькой. Изъ воспоминаній ранняго дѣтства. *В. П. Желиховской*. 6-е изд. Съ рис. художницы *Е. С. Зарудной-Кавосъ*. Цѣна 1 руб., въ перепл. 1 р. 20 коп.

Веселая зима. Разсказъ для дѣтей. *В. Т. Серіевской*. Изд. 3-е, съ рис. *Н. Н. Каразина*. Цѣна въ обложкѣ 30 коп.

Три сестры. Сказка въ стихахъ для всѣхъ возрастовъ. *А. Н. Толстого*. Съ рис. автора. Ц. 3 руб 50 коп., въ перепл. 4 руб. 25 коп.

Сказки Дѣда-Всевада. Сборникъ дѣтскихъ сказокъ. Съ 12-ю хромолитографіями и 99-ю политипажками въ текстѣ. 2-е дополн. изд. Большой томъ in folio въ изящномъ иллюстрир. перепл. Цѣна 5 руб.

Чудесныя приключенія барона Мюнхгаузена, рассказанныя дѣдушкою своимъ внукамъ. Перевела съ нѣмецкаго *О. И. Рогова*. Съ 6 хромолитографированными рисунк. и въ иллюстрир. перепл. 4-е изд. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Рейнеке-Лисъ-Хитродумъ. Передѣлано съ нѣмецкаго *Н. И. Познякомъ*. Съ 7 хромолитографіями и 29 полиטיפажами въ текстѣ по рис. *Хр. Фотелера*. 2-е изд. Въ иллюстриров. пер. Цѣна 2 р. 25 к.

Ласточкино гнѣздо и другіе рассказы для дѣтей. *О. И. Роговой*. 4-е изд. Съ рис. въ текстѣ. Въ иллюстрированномъ перепл. Цѣна 2 руб.

Путешествіе д-ра Гулливера въ страну лиллипутовъ и къ великанамъ. Передѣлала по Свифту для русскаго юношества *О. И. Рогова*. 5-е изд. Съ 12-ю отд. хромолитограф. и 19 рис. въ текстѣ. Въ иллюстриров. перепл. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Донъ-Кихоть Ламанчскій, рыцарь печальнаго образа и рыцарь львовъ. Передѣлала по *Сервантесу* для русскаго юношества *О. И. Рогова*. 4-е, исправленное изданіе, съ 6 хромолитографированными рис. Въ иллюстрир. перепл. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Ниночка — Трошка и Мартычикъ. 2 рассказа для дѣтей *Е. А. Офросимовой*. Съ рисунками *Э. О. Боклундъ*. Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 коп. (Новость 1908 г.)

Самородокъ. Повѣсть для дѣтей *М. А. Лялиной*. 3-ье изд. Съ 8 рис. *Э. О. Боклундъ*. Цѣна 25 коп., въ папкѣ 40 коп.

Избранныя сказки Г. Х. Андерсена. Въ пересказѣ для дѣтей *О. И. Роговой*. 4-е изд., съ 5 хромолитограф. по акварелямъ *Н. Н. Каразина* и съ 26 рис. въ текстѣ, in 4°. Въ иллюстр. перепл. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Тысяча и одна ночь. Арабскія сказки, избранныя и пересказанныя *А. Н. Энгельгардтъ*. 3-е изд. съ 6 хромолитограф. и рис. въ текстѣ. Въ иллюстрир. перепл. Цѣна 3 р.

Басни въ лицахъ и рассказы для дѣтей. *Е. К. Сомовой*. Съ рис. *С. И. Панова*. Цѣна 80 коп., въ папкѣ 1 р.

Хорошо жить на свѣтѣ! Изъ воспоминаній счастливой дѣвочки. *В. С. Махцевичъ*. Съ рис. *Е. П. Самокишъ-Судковской*. Ц. р., въ папкѣ 1 р. 20 к.

Веселые будни. Изъ воспоминаній гимназистки. *Вѣры Махцевичъ*. Съ рисунками *А. Н. Зеленскаго*. Цѣна 1 рубль, въ пер. 1 р. 20 к.

Ангель Любви. Рассказъ для дѣтей *Л. Т. Мидъ*. Переводъ съ англійскаго *Н. Кургановой*. Съ рисунками въ текстѣ. Цѣна въ коленкоромъ переплетѣ 2 р. 25 коп.

Ландышъ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей *О. И. Роговой*. Со многими рисунками. 5-е изд. Въ коленкор. перепл. Цѣна 2 руб. 25 коп.

Федина курочка. Повѣсть для дѣтей *П. Незванова*. (П. Тицъ). Съ рис. *В. А. Табурина* и *Е. А. Степанова*. 3-ье изданіе. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 45 коп.

Ручеекъ. Разсказы для дѣтей изъ естественной исторіи и дѣтской жизни *А. В. Хвольсонъ*. 4-е, просмотрѣнное и дополненное изданіе. Съ 60 рис. *М. Михайлова* и др. Въ иллюстриров. перепл. Цѣна 2 руб. 25 коп.

Удивительныя приключенія муравья. *Ө. Скворцова*. 3-е доп. изд. Съ рис. въ текстѣ. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 45 коп.

Кукуреку! Разсказъ для дѣтей средняго возраста. Сочин. *Бернардо*. Переводъ съ французскаго *О. М. Мижусевой*, съ 84 рисунок. Цѣна въ коленкор. перепл. 2 руб. 75 коп.

Новыя сказки. *А. Бехштейна*. Перев. съ нѣмецкаго *Е. И. Опаровской*. Съ 6-ю большими рис. въ краск. и 61 политипаж. въ текстѣ. Въ иллюстриров. перепл. Цѣна 2 руб. 75 коп.

Слѣпунюшка и другіе разсказы для дѣтей младш. и сред. возр. *ир. Л. Л. Толстого*. Съ рис. худ. *В. Андреева*. Цѣна 1 руб., въ папкѣ 1 р. 20 к.

Большакъ. Повѣсть для дѣтей. Сочиненіе *А. В. Крулова*. 8-е изд., съ рис. *А. Земцова* и др. Цѣна 60 коп., въ перепл. 80 коп.

Упрямица. По нѣмецкому разсказу изъ школьной жизни *Э. фонъ-Роденъ* составила *И. Гассельблатъ*. Съ 8-ю страничн. рисунками *А. Ансита*. Цѣна въ пер. 3 р. 25 к.

На Упѣ и другіе разсказы для дѣтей средн. и старш. возр. *ир. Л. Л. Толстого*. Съ рис. худ. *В. А. Андреева*. Цѣна 1 руб., въ папкѣ 1 руб. 20 коп.

Индійскія сказки. Сборникъ сказокъ для дѣтей средняго возраста. Составила по разнымъ источникамъ *О. М. Коржинская*. Съ предисловіемъ академика *С. Ф. Ольденбурга* и съ рис. *Н. Н. Каразина*, 10-ю страничн. и 18 въ текстѣ. Въ коленкор. пер. Цѣна 3 р. 50 к.

Изъ царства грѣзъ. Сказки *А. В. Трубачевой*. Съ 12-ю страничными рисунками по акварелямъ художника *А. П. Ансита*. Въ коленк. перепл. Цѣна 3 р. (Новость 1908 г.).

Сказки В. Гауфа. Переводъ *О. М. Коржинской*. Съ 18 хромолиотографіями по акварелямъ *В. Цейтле* и съ политипажамъ въ текстѣ. Цѣна въ перепл. 3 руб. 50 коп.

Природа въ комнатѣ. Вечернія бесѣды для юношества. *К. Крепелина*. Перевелъ съ нѣмецкаго проф. *Н. А. Холодовскій*. 2-ое изд. Съ рисунками въ текстѣ. Цѣна 80 коп., въ папкѣ 1 рубль.

Природа въ саду. *К. Кренелина.* Бесѣды о животномъ и растительномъ мірѣ сада. Переводъ съ нѣмецк. *П. Ю. Шмидта.* Съ 28 рисунок. Цѣна 75 коп., въ папкѣ 1 руб.

Природа въ лѣсу и полѣ. Переводъ съ нѣмецк. подъ редакціей проф. *Н. А. Холодовскаго.* Съ 26 ю рисунками. Цѣна 1 руб., въ папкѣ 1 руб. 20 коп.

Русскій чудо-вождь. Графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій, князь Италійскій, его жизнь и подвиги. *А. И. Красницкаго,* съ 40 рис. въ текстѣ акад. *Н. С. Самокиша.* Цѣна 3 р., въ коленк. перепл. 3 руб. 75 коп.

Послѣдній изъ Черноевичей. Повѣсть изъ быта Черногоріи *Проконія Хохлушека.* 2-ое изд. Пер. съ чешскаго *М. А. Лялиной.* Съ рис. худ. *Н. И. Ткаченко.* Ц. 45 коп., въ папкѣ 60 коп.

Ярко Хабаровъ. Амурскій герой. Историческій разсказъ XVII-го столѣтія. Сочин. *Л. Львовой.* Съ рисунками художника *В. А. Андреева.* Цѣна 75 коп., въ папкѣ 1 руб.

Между огнемъ и льдомъ. Разсказы о вулканахъ и ледникахъ. Изданіе 2-ое, перераб. и дополн. *А. Нечаева.* Съ 102 рисунками. Цѣна 1 р. 30 к., въ перепл. 1 р. 60 к.

Сказки Андерсена въ переводѣ съ подлинника *А. и П. Ганзень,* съ новыми иллюстраціями датскаго художника проф. *Ганса Тетера.* Роскошное изданіе въ 4-ю долю листа; съ 42 гравюрами и 189 рис. въ текстѣ. Цѣна брошюр. экз. 10 руб., въ перепл. 11 руб. 50 коп.

Петра творенье. Очеркъ изъ эпохи основанія С.-Петербурга. Сочиненіе *А. И. Красницкаго.* Съ рисунками *Э. К. Соколовскаго.* Цѣна 3 р. 50 к., въ коленкор. перепл. 4 р. 25 к.

Кавказскія сказки и преданія. *Г. К. Дорофеева.* 2-ое исправленное изданіе. Съ рисунок. *А. П. Эйспера.* Цѣна въ коленк. перепл. 2 руб. 50 коп.

И все это правда! Умъ и нравы животныхъ. Сборникъ разсказовъ *П. Дружбина.* Съ рис. *Ф. Шнехта, С. В. Животовскаго* и др. Изд. 3-е, испр. и допол. Въ коленк. переплетѣ. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Русскіе богатыри. Избранныя былины въ пересказѣ для дѣтей *О. Роговой* (Шмидтъ-Москвитиновой). Большой томъ въ 4^о. Съ 11 хромолитографіями и 8 политип. по рисункамъ *Н. Н. Каразина.* 3-е изд. Въ иллюстрированномъ перепл. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Акваріумъ. Руководство къ уходу за акваріумомъ и его населеніемъ. Описаніе водяныхъ растений и животныхъ. Составилъ *В. П. Миллеръ,* членъ Общества любителей комнатныхъ растений и акваріумовъ. Изданіе 2-е, дополн. и исправлен. Съ 91 рис. въ текстѣ. Цѣна 1 руб. 35 коп., въ папкѣ 1 руб. 60 коп.

Исторія маленькаго лорда. *Френсиса Бернетъ.* Переводъ съ англійскаго, подъ редакц. *Е. А. Сысоевой.* 5 ое изд. Со многими рисунками. Въ иллюстрир. коленкор. перепл. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Съ стѣвера на югъ. Путевыя воспоминанія стараго журавля. *Н. Н. Каразина.* Роскошное изданіе, богато иллюстр. авторомъ; съ 6 хромол., 5 фотогр. и 99 рис. въ текстѣ. Изд. 2-е. Въ перепл. Ц. 4 р.

Мои сказки. *Н. Н. Каразина.* (Незнакомый слѣдъ. — Два пути. — Воль. — Паръ-богатырь. — Орель на полетѣ. — Петька-Зайчикъ. — Дѣдушка-Буранъ, бабушка-Пурга. — Пожаръ. — Ангель смерти. — Колодезь мира и жизни. — Литавры Магомета-Тузая. — Свѣтъ во мракѣ). Роскошное изданіе, богато иллюстрир. авторомъ; съ 8 фототипіями, 100 рис. въ текстѣ и портретомъ автора. Въ иллюстрированн. перепл. Цѣна 4 руб. 50 коп.

Дѣти-крестоносцы. Историческая повѣсть для юношества *Евгенія Гаршина.* Съ рис. *Е. Е. Баумартенъ.* 5-е изд. Цѣна въ обложкѣ 60 коп., въ папкѣ 85 коп.

Мала былинка, да вынослива. Повѣсть для юношества *В. П. Желиховской.* Съ рис. въ текстѣ *С. Дудина.* 2-е изд. Въ коленк. перепл. Цѣна 2 руб. 25 коп.

Картины русской жизни. Разсказы для юношества *А. Крулова.* 3-е дополн. изд. съ рис. въ текстѣ. Содержаніе: Чумаки. — На озерѣ. — На рѣкѣ. — Въ гниломъ воздухѣ. — Въ степяхъ. — Въ Сѣверномъ океанѣ. Цѣна 50 коп., въ папкѣ 60 коп.

Которая изъ двухъ? Повѣсть *М. А. Лялиной,* съ рис. *Е. П. Самокишъ-Судковской.* 2-е изд. Цѣна 45 коп., въ папкѣ 60 коп.

Двѣ дѣвочки и одинъ мальчикъ. Картины изъ жизни дѣтей въ Америкѣ *Р. Г. Флетчера.* Переводъ *Н. В. Желиховской.* 2-е изд. Съ 9 рис. Въ иллюстрированномъ перепл. Цѣна 2 руб.

Въ часы досуга. Очерки и разсказы для дѣтей *А. П. Смирнова.* 2-е изд. съ рис. *М. Михайлова.* Въ иллюстрированномъ перепл. Цѣна 2 руб. 25 коп.

Дѣвичій вѣкъ. Картины изъ быта русской крестьянской дѣвушки. Для юношества. Сочиненіе *П. Н. Полевого.* Съ 16 рис. *Е. П. Самокишъ-Судковской.* Цѣна въ обложкѣ 90 коп., въ папкѣ 1 руб. 10 коп

Волшебныя сказки. *В. Самойловичъ* (*С. П. Соболева*). Съ 5 хромолитографіями по акварелямъ и съ рис. въ текстѣ *С. С. Соломко.* Въ иллюстрированномъ перепл. Цѣна 3 руб.

Леди Джэнь. Повѣсть для юношества *С. В. Джэмисонъ.* Переводъ съ англійскаго *Е. А. Сысоевой.* 3-е изд. Съ 24 рис. въ текстѣ. Въ коленкоромъ перепл. Цѣна 2 руб.

Товарищъ. Повѣсть изъ школьной жизни *Н. И. Познякова*. 4-е изд. со многими рис. *Т. П. Никитина*. Въ иллюстрированномъ перепл. Цѣна 2 руб.

Одна-одинёшенька. Повѣсть для юношества *Шарлотты Шабрьер-Ридеръ*. Переводъ съ французскаго *О. М. Мижуевой*. Съ 63-ми рисунками. Цѣна въ коленкор. перепл. 2 руб. 25 коп.

Почитать-бы. *Н. И. Познякова*. Съ рисунками *М. Михайлова*, *М. Фольбаума* и *Т. Никитина*. 4-е изданіе. Въ иллюстрированномъ переплетѣ. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Въ снѣгахъ Восточной Сибири. Приключенія американцевъ среди чукчъ, коряковъ и камчадаловъ. *С. А. Постылова*. Съ 18-ю рис. *С. И. Панова*. Цѣна въ папкѣ 1 руб. 15 коп.

По тайгѣ за золотомъ. *Н. А. Виташевского*. По дневнику и письмамъ автора переработали *Н. Я. Мануилова* и *Н. А. Виташевскій*. Съ 36 рис. *С. М. Дудина*. Цѣна 1 руб. 25 коп., въ папкѣ 1 руб. 45 коп.

Осада Казани. — Серебряный рубль. — Темные люди. Три историческихъ разсказа. *А. П. Смирнова*. Съ 25 рис. худ. *Э. К. Соколова*. Цѣна 1 руб. 50 коп., въ перепл. 1 руб. 75 коп.

Кожаный чулокъ. (Звѣробой. — Послѣдній изъ могиканъ. — Слѣдопытъ. — Поселенцы. — Американскія степи). Пять разсказовъ *Фенимора Купера*. Пересказъ *О. И. Роговой*. 4-е изд. съ 48-ю рис. *Ф. Берена* въ текстѣ. Въ коленкор. перепл. Цѣна 2 руб.

Золото. Повѣсть въ 2-хъ частяхъ. Изъ жизни золотоискателей Восточной Сибири и Манчжурии. *С. А. Постылова*. Съ 19 рис. *А. П. Альбрехта*. Ц. 1 руб. 20 коп., въ папкѣ 1 руб. 40 коп.

Мое отрочество. Изъ дѣтскихъ воспоминаній. *В. П. Желиховской*. 4-е изд. съ рис. *С. С. Соломко*. Цѣна въ коленкоромъ перепл. 3 руб.

Юрій Збигонь — молодой чехъ. Повѣсть для юношества. *М. Ляминъ*. Съ 13 рис. *Е. Е. Баумартенъ*. Въ иллюстрированномъ перепл. Цѣна 2 руб.

Любовь правдой крѣпка. Повѣсть для юношества *В. П. Желиховской*. 4-е изд. съ рисунк. *Э. Соколова*, *А. П. Эйнера* и др. Въ коленкор. перепл. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Кавказскіе разсказы. (Кунакъ Рагимъ.—Лѣто на Сунжѣ.—Въ обители св. Шіо.—Мамедъ Селимъ.—Избранница бога огня.—Омуть). *В. П. Желиховской*. 2-е изданіе. Съ рис. проф. *А. Шарлеманя* и *А. Эйнера*. Въ коленкор. перепл. Цѣна 3 руб.

Слѣпой домрачей. Историч. разсказы для юношества. *О. И. Роговой*. 2-е изданіе. Съ рис. *Л. Бакста* и *Ө. Казачинскаго*. Въ иллюстрир. перепл. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Полный каталогъ книгоиздательства *А. Ф. Девріена* высылается по требованію бесплатно.